

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru; **Мчедлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 28 • 2022 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая социология

- Осипова Н.Г.** Идеологическое воздействие на социальное поведение
(теоретико-методологические аспекты) (*Начало*)7
- Каневский П.С.** В поисках оптимальной модели регулирования
лоббизма в России30
- Самсонова Т.Н., Леонов Е.К.** Роль интернета в политической
социализации современной российской молодежи (Статья 2).62

Теория и история социологии

- Елишев С.О.** Эпоха Просвещения и ее идеология: начало эры соци-
ального манипулирования85
- Батуренко С.А.** Начало европейской феминистской социологии:
Харриет Мартино107

Информационное и цифровое общество

- Прончев Г.Б.** Трансформация моделей социальной коммуникации
в цифровую эпоху122
- Исаева К.В.** Периодизация технологического развития общества.
Электронно-цифровая цивилизация.139

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Лядова А.В.** Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ158
- Карпунина А.В.** Положение детей-инвалидов в неблагополучных семьях: социологический анализ180
- Данилов А.Н., Водопьянов П.А.** Перспективы человечества: стратегия достаточного развития202

Эмпирические социологические исследования

- Шипунова Т.В.** Моральная мотивация в профессиональном образовании будущих социальных работников222
- Рудковская А.В.** Отношение работников медицинского учреждения к своему здоровью239
- Передня Д.Г., Чернов В.В.** Пословица как индикатор ценностно-нормативного поведения офицеров Вооруженных Сил РФ и сотрудников полиции: сравнительный анализ255

Социология в Китае

- Ло Мэньюй.** Современные системы социального управления молодежью в Китае277
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология» в 2022 г.293

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 4 • VOLUME 28 • 2022 •

OCTOBER — DECEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Political sociology

- Osipova N.G.** Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects (*Beginning*)7
- Kanevskiy P.S.** In search of an optimal model for regulating lobbying in Russia30
- Samsonova T.N., Leonov E.K.** The role of the Internet in the political socialization of modern Russian youth62

Theory and history of sociology

- Elishev S.O.** The age of Enlightenment and its ideology: the beginning of the era of social manipulation85
- Baturenko S.A.** The beginning of European feminist sociology: Harriet Martineau107

Information and digital society

- Pronchev G.B.** Transformation of social communication models in the digital age122
- Isaeva K.V.** Periodization of the technological development of society. The electronic-digital civilization139

Social structure, social institutions and processes

<i>Lyadova A.V.</i> Health discourse: historical and comparative analysis.	158
<i>Karpunina A.V.</i> The situation of disabled children in families at risk: a sociological analysis.	180
<i>Vodop'yanov P.A., Danilov A.N.</i> Spiritual and moral vector of the future choice: to a strategy for sufficient development.	202

Empirical sociological research

<i>Shipunova T.V.</i> Moral motivation in professional education of future social workers.	222
<i>Rudkovskaya A.V.</i> Attitudes among healthcare professionals towards their health.	239
<i>Perednya D.G., Chernov V.V.</i> The proverb as an indicator of the norma- tive behavior of the officers of the Armed Forces of Russian Federa- tion and police officers: comparative analysis.	255

Sociology in China

<i>Luo Menyü.</i> Modern systems of youth social management in China.	277
Index of articles and materials published in the journal "Bulletin of Mos- cow University. Ser. 18. Sociology and political science" in 2022.	293

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-7-29

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В данной статье рассматриваются актуальные аспекты влияния идеологий на социальную жизнь всего современного общества и на его отдельных членов. Автором предпринята попытка дать теоретико-методологическое обоснование ответам на следующие вопросы: что понимают ученые под политической идеологией? как научно исследовать идеологию? каким образом возможно идентифицировать различные идеологии? какую роль играют отдельные идеологические доктрины в политике? С целью ответа на эти вопросы в статье проведен научный анализ природы и сущности идеологии, специфики и форм выражения отдельных идеологических доктрин, их воздействия на общественное сознание и социальное поведение.

Многочисленные дискуссии по поводу сущности идеологии сводятся к спору об истинности или ложности той совокупности идей, которая предназначена для управления, в том числе и манипулятивного, массовым сознанием и поведением. Тем не менее, выделяются и объективные, ценностно нейтральные подходы к данному феномену. Сложность адекватной трактовки идеологии обусловлена тем, что она варьирует между политической теорией и политической практикой, представляя собой синтез фундаментального и оперативного уровней, уровня “мысли” и уровня “действия”.

Объективному, научному изучению идеологии, в первую очередь, во многом может способствовать тот факт, что в рамках идеологии как специфической формы общественного сознания функционируют целостные и относительно автономные системы политической мысли — “политические идеологии”.

В рамках различных политических идеологий выработан целостный и в то же время специфический набор установок относительно сущности взаимоотношений личности и общества, общества и государства, позиций по отношению к традиционным и современным социальным институтам. При этом они всегда опираются на классические теории политической философии.

* Начало. Продолжение в № 1 за 2023 г.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

В статье проводится детальный анализ ключевых построений идеологии классического либерализма, а также критически рассмотрены неолиберальные построения, приведшие, по мнению автора, к превращению либерализма в тоталитарную догму фундаменталистского толка.

Вслед за либерализмом анализируется консерватизм, который как и либерализм, базируется на специфическом наборе представлений о природе человеческого бытия и общественной жизни, заимствованном из классических концепций политической философии, которые составляют его теоретическое ядро. Проведена дифференциация между консервативными построениями, получившими развитие в странах Западной Европы и США, с их акцентом на агрессивной внешней политике и российским консерватизмом, получившим отражение в трудах выдающихся отечественных обществоведов — М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева, которые обосновали свои идеи о существовании государства, функциях власти, о нравственности и человеческой свободе в русле консервативного мировоззрения. Кроме того, обоснован вывод о том, что именно консервативная, а точнее, — умеренно консервативная идеологическая доктрина содержит совокупность идей, наиболее полно отражающих геополитические, экономические и социальные реалии России, особенности ее духовной и культурной традиции.

Ключевые слова: идеология, идеологическое воздействие, идеологические доктрины, теоретическое ядро идеологической доктрины, ключевые постулаты идеологии, либерализм, неолиберализм, консерватизм.

IDEOLOGICAL IMPACT ON SOCIAL BEHAVIOR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS (BEGINNING)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article examines the actual aspects of the influence of ideologies on the social life of the entire modern society and on its individual members. The author attempts to provide a theoretical and methodological justification for the answers to the following questions: what do scientists understand by political ideology? how to research ideology scientifically? how is it possible to identify different ideologies? what role do individual ideological doctrines play in politics? In order to answer these questions, the article provides a scientific analysis of the nature and essence of ideology, the specifics and forms of expression of individual ideological doctrines, their impact on public consciousness and social behavior.

Numerous discussions about the essence of ideology are reduced to a dispute about the truth or falsity of the set of ideas that is designed to control, including manipulative, mass consciousness and behavior. Nevertheless, there are also objective, value-neutral approaches to this phenomenon. The complexity of an adequate interpretation of ideology is due to the fact that it varies between political theory and political practice, representing a synthesis of fundamental and operational levels, the level of “thought” and the level of “action”.

The objective, scientific study of ideology, first of all, can be greatly facilitated by the fact that within the framework of ideology as a specific form of public consciousness, integral and relatively autonomous systems of political thought — “political ideologies” function.

Within the framework of various political ideologies, a holistic and at the same time specific set of attitudes has been developed regarding the essence of the relationship between the individual and society, society and the state, positions in relation to traditional and modern social institutions. At the same time, they always rely on classical theories of political philosophy.

The article provides a detailed analysis of the key constructions of the ideology of classical liberalism, as well as critically examines the neoliberal constructions that, in the author's opinion, led to the transformation of liberalism into a totalitarian dogma of the fundamentalist kind.

Following liberalism, conservatism is analyzed, which, like liberalism, is based on a specific set of ideas about the nature of human existence and social life, borrowed from the classical concepts of political philosophy, which form its theoretical core. A differentiation is made between conservative constructions that have been developed in Western Europe and the USA, with their emphasis on aggressive foreign policy, and Russian conservatism, reflected in the works of outstanding Russian social scientists — M.N. Katkov, K.N. Leontiev, L.A. Tikhomirov, K.P. Pobedonostsev, who substantiated their ideas about the existence of the state, the functions of power, about morality and human freedom in line with a conservative worldview. In addition, the conclusion is substantiated that it is the conservative, or rather, moderately conservative ideological doctrine that contains a set of ideas that most fully reflect the geopolitical, economic and social realities of Russia, the peculiarities of its spiritual and cultural tradition.

Key words: *ideology, ideological impact, ideological doctrines, theoretical core of ideological doctrine, key postulates of ideology, liberalism, neoliberalism, conservatism.*

Сегодня факт влияния идеологий на социальную жизнь всего современного общества и на его отдельных членов не вызывает сомнения. “Сознательно, или неосознанно, любой человек опирается на набор политических убеждений и ценностей, которые руководят его поведением”¹.

Системы политических идей и ценностей могут формироваться в рамках всего общества естественным путем. В то же время, они выступают своеобразной формой социального контроля, когда правящие круги используют их в целях идеологического подавления оппозиционных взглядов, а антиправительственные — для манипуляции общественным сознанием. В данной связи возникают следующие теоретико-методологические вопросы.

- Во-первых, что понимают ученые под политической идеологией?
- Во-вторых, как научно исследовать идеологию?

¹ Heywood A. Political ideologies. An Introduction. L., 1998. P. 1.

- В-третьих, каким образом возможно идентифицировать различные идеологии?
- В-четвертых, какую роль играют отдельные идеологические доктрины в политике?

Поставленные вопросы требуют серьезного научного анализа природы и сущности идеологии, специфики и форм выражения отдельных идеологических доктрин, их воздействия на общественное сознание и социальное поведение.

Как полагает исследователь Д. Маклеллан, “идеология — это наиболее неопределенное понятие во всех социальных науках”². Научное изучение феномена идеологии до сих пор связано с определенными теоретическими и методологическими трудностями, поскольку в науке отсутствует четкое и общепринятое определение данного термина, которое могло бы служить отправной точкой научного исследования. Так, анализ научной литературы, посвященной определению и объяснению природы идеологии, показал, что один и тот же термин служит для обозначения не одного, а множества различных феноменов. Многие теории идеологии явно противоречат друг другу, поскольку по-разному определяют объект своего анализа³.

К концу XX в., несмотря на попытки исследователей дать объективную трактовку феномена идеологии, сохранились разногласия по поводу его социальной роли и политического значения. Например, среди современных подходов можно выделить те, которые пытаются интерпретировать его суть, и те, в которых делается акцент на его функциях.

По поводу сути феномена идеологии различные точки зрения группируются вокруг трех позиций. Первая из них апеллирует к идеологии как системе абстрактных, предельно упорядоченных “политических идей”, “политических убеждений” и т.п., ориентированных на действие. Вторая акцентирует внимание на доктринальном характере идеологии — “всеохватывающей политической доктрине”, претендующей на монополию, достоверность и т.п. Третья подчеркивает классовый характер данного феномена, который рассматривается как “совокупность идей правящего класса”, “мировоззрение определенного социального класса или социальной группы” и т.п.

К функциональным особенностям идеологии ученые относят:

- воплощение и выражение классовых или социальных интересов;

² McLellan D. Ideology. L., 1986. P. 1.

³ Boudon R. L'ideologie, ou l'origine des idees recues. P., 1986. P. 29.

- пропаганду ложного сознания среди эксплуатируемого или угнетенного класса;
- ранжирование индивидуумов в пределах социума, наделение их социально-политической идентичностью;
- легитимация политической системы или режима.

Многочисленные дискуссии по поводу сущности идеологии сводятся к спору об истинности или ложности той совокупности идей, которая предназначена для управления, в том числе и манипулятивного, массовым сознанием и поведением. Тем не менее, выделяются и объективные, ценностно нейтральные подходы к данному феномену.

Так, в 1968 г. известный критик ортодоксального марксизма, французский политолог и социолог Раймон Арон в книге “Опиум интеллектуалов” в отношении идеологии писал: “...политические идеологии всегда, более или менее успешно, объединяют разнородное — суждения о фактах и ценностные суждения. Они выражают определенное мировоззрение и волю, обращенную в будущее. Идеологии не попадают прямо под альтернативу истина — ложь; они представляют собой явление, аналогичное по своей сути вкусовым или цветовым пристрастиям. Их внутренняя философия и иерархия предпочтений апеллирует скорее к диалогу, нежели к доказательству или опровержению: и понимание текущих фактов, и предвосхищение будущего трансформируется по мере исторического развития и развития знания, которое мы черпаем из истории. Опыт вносит прогрессивную правку в доктринальные конструкции”⁴.

Вслед за Р. Ароном в кругах исследователей стала превалировать установка на идеологию как на нейтральное и объективное политическое понятие. Например, в своей работе “Политика и идеология” политолог Мартин Селигер рассматривал идеологию как “набор идей, посредством которого люди устанавливают, объясняют и подтверждают пути и средства организованного социального действия, независимо от того, стремится ли такое действие сохранять, исправлять, искоренить или восстанавливать определенный социальный порядок”⁵.

В настоящее время никто не ставит под сомнение существование и важность этого социально-политического термина. И, хотя любое краткое определение идеологии предполагает большое количество вопросов, тем не менее, оно обеспечивает искомую отправную точку для последующих обобщений. Так, известный британский политолог А. Хейвуд считает, что “идеология — это более или менее последовательный и связный набор идей, который создает ос-

⁴ Aron R. *Opium des Intellectuals*. P., 1968. P. 324.

⁵ Seliger M. *Politics and Ideology*. L., 1976. P. 14.

нову для организованного политического действия, предназначенного для того, чтобы поддерживать, изменить или ниспровергнуть существующую систему власти”⁶.

Сложность адекватной трактовки идеологии обусловлена тем, что она варьирует между политической теорией и политической практикой, представляя собой синтез фундаментального и оперативного уровней, уровня “мысли” и уровня “действия”⁷.

На фундаментальном уровне, “уровне мысли” идеологии совпадают с концепциями политической философии в той части, где они соприкасаются с абстрактными идеями и теориями, а их сторонники постоянно находятся в беспристрастном научном поиске. Например, известные политические философы — К. Маркс и Ф. Энгельс, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль и Э. Бёрк внесли существенный вклад в формирование различных идеологических доктрин⁸.

Несомненным признан факт, что в состав любой идеологии, наряду с достоверными знаниями, входит утопическая составляющая — ошибочные представления о социально-политических процессах, о функционировании политической системы и социума — мифы. Часто в их основе лежат построения, имеющие ложное основание, либо правильно обоснованные, но неверно интерпретированные⁹.

Следует полагать, что объективному, научному изучению идеологии, в первую очередь, во многом может способствовать тот факт, что в рамках идеологии как специфической формы общественного сознания функционируют целостные и относительно автономные системы политической мысли — “политические идеологии”. Каждая из них, в свою очередь, объединяет совокупность аргументов в пользу конкретных политических идей, а также способов и путей их реализации. Однако, несмотря на существенную разницу их исходных посылок, а также ключевых установок, все политические идеологии:

- 1) предлагают собственное видение существующего социального порядка;
- 2) конструируют образ желаемого будущего, представление о правильном мировом устройстве и хорошем обществе;
- 3) выдвигают модель необходимых политических изменений¹⁰.

⁶ Heywood A. Political ideologies. An Introduction. L., 1998. P. 12.

⁷ Seliger M. Politics and Ideology. L., 1976.

⁸ Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 5–26.

⁹ Boudon R. L'idéologie, ou l'origine des idées reçues. P., 1986. P. 45.

¹⁰ Heywood A. Political ideologies. An Introduction. L., 1998. P. 12.

В рамках различных политических идеологий выработан целостный и в то же время специфический набор установок относительно сущности взаимоотношений личности и общества, общества и государства, позиций по отношению к традиционным и современным социальным институтам. При этом они всегда опираются на классические теории политической философии.

Исследователи выделяют “главные политические идеологии современности”¹¹ — анархизм, консерватизм, либерализм, национализм, социализм, фашизм и ряд других, которые активно проявляли себя в жизни мирового сообщества. Приоритет среди этих идеологий обычно отдается либерализму — идеологии, которая получила свое развитие в период перехода от феодальных к капиталистическим общественным отношениям.

Ряд исследователей утверждают, что история либерализма «открывает лишь картину разрывов, случайностей, многообразия мыслителей, безразличным образом смешанных в кучу под вывеской “либерализм”»¹². Действительно, определение либерализма как “идеологии, главной ценностью которой является свобода индивида, а все социальные и политические системы и институты оцениваются в соответствии с данной ценностью как универсальным критерием”¹³ представляется размытым и не проясняет природы и сущности этого политического феномена.

Теоретическое ядро (фундаментальный уровень) либерализма образуют представления: 1) о сущности человека (индивида) и о природе его взаимоотношений с обществом; 2) об идеальном общественно-политическом укладе и его экономических основах; 3) о принципах управления обществом и государством.

В “классическом либерализме”, синонимами которого являются “ранний либерализм”, “либерализм XIX века”¹⁴, совокупность подобных представлений сконцентрирована на таких ценностях как индивидуализм, свобода, разум, справедливость, толерантность, частная собственность¹⁵. Трактовка данных понятий основана на социально-политических взглядах выдающихся обществоведов, которых часто относят к теоретикам-основателям либерализма. В их

¹¹ Общие обзоры данных идеологий смотри, например: *Alter P. Nationalism*. L., 1989; *Berki R. Socialism*. L., 1975; *Grey J. Liberalism*. L., 1995; *Honderich T. Conservatism*. Harmondworth, 1991; *Miller D. Anarchism*. L., 1984; *Fascism* / Ed. by R. Griffin. Oxford; N.Y., 1995.

¹² Цит. по: *Капустин Б.Г. Либерализм // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М., 2003. Т. 2. С. 394.*

¹³ *Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000. С. 11.*

¹⁴ *Heywood A. Political ideologies. An Introduction*. L., 1998. P. 46.

¹⁵ *Heywood A. Political ideologies. An Introduction*. L., 1998. P. 27.

числе Томас Гоббс, Джон Локк, Шарль Луи Монтескье, Алексис де Токвиль, Джон Стюарт Милль и Адам Смит¹⁶.

Очевидно, что теоретические разработки, представленные в классических трудах этих выдающихся мыслителей, в том числе и “либеральные идеи”, носят фундаментальный научный характер. Однако чтение подобных трудов “требует очень большого внимания, а публика готова уделить лишь очень малое”¹⁷. Соответственно их соотношение с конкретной идеологией можно назвать весьма условным. Обычно из подобных научных трудов извлекаются отдельные тезисы, которые легко приспособить к конкретным, часто конъюнктурным, обстоятельствам и политическим целям. Более того, эти тезисы упрощаются, т.е. фактически сводятся к неким установкам, которые можно применить на оперативном уровне функционирования идеологии. В свою очередь, эти установки часто превращаются в лозунги, которые используются для оправдания деятельности правительств, политических партий и общественных объединений, а также в политической риторике и злободневной полемике.

С одной стороны, идеи и представления, заложенные в трудах мыслителей Просвещения, политических философов либеральной ориентации и классиков политической экономики, составили основу идеологии классического либерализма, — ее понятий, принципов и ценностных установок. С другой стороны, в ее рамках они получили довольно упрощенную и удобную для внедрения в массовое сознание трактовку.

Изначально идеология либерализма, провозглашая толерантность, не связывала его сторонников определенной и канонизированной системой убеждений¹⁸. Однако функция любой идеологии — не столько описывать действительность, сколько мобилизовать и направлять действия людей в этой действительности. Эта функция не стала исключением для либерализма. Достоинство и мера совершенства либерализма определяются не философской глубиной его доктрин или верностью тем или иным сакральным формулировкам о “естественности” прав человека или “незыблемости” частной собственности, а его идеологической способностью подчинить общество своим конкретным целям.

Как отмечал выдающийся российский обществовед Н.А. Бердяев, “либерализм так основательно выветрился, так обездушился,

¹⁶ *Осипова Н.Г.* Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 5–26.

¹⁷ *Скиннер Э.С.* Адам Смит // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2009. С. 5.

¹⁸ *Макаренко В.П.* Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000. С. 11.

что можно еще признавать элементы либерализма, но невозможно уже быть либералом по своей вере, по своему окончательному мирозозерцанию”¹⁹. “Либерализм, как целое настроение и мирозозерцание, стал антиисторичен, столь же антиисторичен, как и социализм”²⁰. “И если есть в либерализме вечное начало, то искать его следует не в тех или иных политических формах, не в той или иной организации представительства и власти, а в правах человека, в свободах человека. Права и свободы человека безмерно глубже, чем, например, всеобщее избирательное право, парламентский строй и т. п., в них есть священная основа. Но именно поэтому права и свободы человека требуют более глубокого обоснования, чем-то, которое дает им либерализм, обоснования метафизического и религиозного”²¹, — писал Н.А. Бердяев.

Во второй половине XIX и первых десятилетиях XX столетий либерализм стал субъектом изменения, а его базовые принципы потребовали приспособления к конкретным историческим обстоятельствам²². В результате стало возможным говорить о новой форме этой идеологии — современном либерализме, называемом иногда “либерализмом XX века”²³ или “неолиберализмом”.

Как полагает современный социологи Д. Харви, можно говорить о неолиберализации либо как об *утопическом проекте*, призванном воплотить теоретическую модель реорганизации международного капитализма, либо как о политическом проекте, связанном с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элиты²⁴. В этом смысле неолиберализм означал слияние радикальных денежных принципов и радикального индивидуализма, охватывающего далеко идущую повестку дня экономического и политического реструктурирования, которое стремится давать привилегию торговле и финансам над трудом и производством. На практике неолиберализация оказалась не очень эффективной для возрождения глобального процесса накопления капитала, но она оказалась невероятно успешной в отношении восстановления, а в некоторых случаях и предоставления власти новой экономической элиты. Теоретический утопизм неолиберальной теории оказался

¹⁹ Бердяев Н.А. О либерализме // Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 152.

²⁰ Там же.

²¹ См. подробнее: Головков С.А. Социально-политические взгляды Н.А. Бердяева // Наука. Культура. Общество. 2005. № 3.

²² Heywood A. Political ideologies. An Introduction. L., 1998. P. 26.

²³ Heywood A. Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 55.

²⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 31.

действенным прежде всего в качестве системы оправдания и легитимизации любых средств, способствовавших достижению этой цели²⁵.

Теоретические построения экономистов — неолибералов постепенно «выхолащивались» политиками, которые слышали голоса в воздухе и извлекали свои сумасбродные идеи из академической писанины прошлых лет»²⁶. В конечном счете, они сокращались до примитивных и удобных тезисов, оправдывающих любые действия властей. Со временем эти тезисы приобрели силу «вечных истин», проявившихся в ходе развития новейшей истории²⁷. С их помощью неолиберализм стал догматическим и авторитарным, а затем и вообще превратился в тоталитарную догму фундаменталистского толка²⁸. Эту догму на протяжении ряда десятков лет усиленно внедряли в массовое сознание населения различных стран мира апологеты «глобализма», стремившиеся к установлению нового мирового порядка под диктатом США²⁹, что, конечном счете, привело к ее полной дискредитации.

В настоящее время несомненным представляется рост интереса к консерватизму как к важнейшему фактору социальной динамики и многомерному течению общественной мысли, а также феномену массового сознания.

Консерватизм достаточно часто, но неправомерно сводят к своекорыстной апологетике стремлений отдельных социальных групп, классов к сохранению привилегий, преимущественного права на самый высокий уровень жизни и отстранению от этого широких народных масс. На самом деле, консерватизм означает сохранение и поддержание накопленного в прошлом и настоящем самого ценного для человека материального и духовного достояния, «спасение его от гибели во времени». Изучение консервативной идеологии именно в этом значении представляется очень важным для духовного развития человека, его стремления к продвижению во всех сферах жизни, дальнейшему совершенствованию, получению новых знаний.

²⁵ Харви Д. Краткая история неолиберализма... С. 31–32.

²⁶ Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. L., 1936. P. 383.

²⁷ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007. С. 12–13.

²⁸ Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (Начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49; Он же. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 156–181.

²⁹ См.: Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального неравенства // Представительная власть. 2018. № 6. С. 1–12.

Известный интерес представляет тот факт, что в трактовке выдающегося русского православного мыслителя Н.А. Бердяева³⁰, консерватизм — это, прежде всего, одно из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества³¹. Очень часто консерватизм рассматривается исключительно как лозунг в политической борьбе, консервативные политические партии могут быть очень низменны и могут искажать консервативное начало, поэтому мало кому ведома проблема консерватизма в ее духовной глубине. Но данное обстоятельство не должно затмевать той истины, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил.

Во-первых, консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым.

Во-вторых, консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины³².

Н.А. Бердяев утверждал, что природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для компроментации всякого консерватизма. В истинном же консерватизме, продолжал Н.А. Бердяев, есть благородство древнего происхождения. Историческая давность имеет религиозную, нравственную и эстетическую ценность. Благородство освященной старины все принуждены признать в лучшие минуты жизни, когда освобождаются от утара сегодняшнего дня. Но эта ценность и это благородство давнего, древнего, старинного, векового и тысячелетнего есть ценность и благородство преображения духом вечности, а не инерции, косности и окостенения³³.

Консерватизм, как и либерализм, базируется на специфическом наборе представлений о природе человеческого бытия и общественной жизни, заимствованном из классических концепций политической философии, которые составляют его теоретическое ядро.

В континентальной Европе консервативные идеи впервые были изложены в трудах Жозефа де Местра. Просветительской атеистической философии XVIII в. Ж. де Местр противопоставлял понятие Божественного Провидения, главенствующего в истории и во всех

³⁰ Головков С.А. Социально-политические взгляды Н.А. Бердяева // Наука. Культура. Общество. 2005. № 3.

³¹ Бердяев Н.А. О консерватизме // Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 109–110.

³² Бердяев Н.А. О консерватизме. С. 109.

³³ Там же. С. 115.

политических институтах³⁴. Сам термин “консерватизм” впервые был употреблен Ф.Р. Шатобрианом, идеи которого, изложенные в его книгах³⁵, рассматривались как консервативный бунт против рационализма Просвещения.

Однако наиболее солидное философское обоснование консерватизм получил в трудах британского философа Эдмунда Берка. Как отмечают специалисты, “редко, когда еще в истории мысли идейная целостность учения в такой степени зависела от творчества одного человека, а сам современный консерватизм — от Э. Берка и его активного неприятия французской революции”³⁶. Такую прочную репутацию в качестве основателя консерватизма в европейской политической мысли обеспечил Э. Берку его знаменитый труд “Размышления о революции во Франции”³⁷, в котором он дал резкую негативную оценку революционных событий в этой стране, и который поставил этого философа в один ряд с К. Марксом как основателем марксизма и Дж. Локком как родоначальником либерализма.

Наиболее значимыми, центральными темами, в отношении трактовки которых консерваторы ведут постоянную полемику, на наш взгляд, являются традиция, человек, общество, власть и собственность. Именно установка в отношении трактовки данных тем приверженцами консервативных идей “позволяет консерватизму с полным правом претендовать на полноценную идеологию”³⁸.

Консерваторы почитают традиции за то, что они дают индивидам чувство принадлежности и идентичности, а устоявшиеся обычаи и практики знакомы индивидам и осознаваемы ими. Традиции снабжают людей чувством защищенности, покровительства, пониманием своей исторической миссии. Изменения, особенно стремительные, это “путешествие в неизвестность”, порождающее у людей чувство неуверенности и ощущение опасности, а в конечном счете, подвергающее угрозе социальную стабильность.

Консерваторы настаивают на том, что человек не совершенен и не совершенствуем в принципе. И, если другие политические идеологии источником аморального или криминального поведения людей считают общество, то консерваторы убеждены, что этот источник “скрыт” внутри каждого отдельного человека. По мнению

³⁴ См. об этом: *Де Местр Ж.* Рассуждения о Франции. М., 1997.

³⁵ *Шатобриан Ф.Р.* Опыт исторический, политический и нравственный о новейших переворотах и взаимном сплочении государств древнего и нового мира. СПб., 1817; *Он же.* Гений христианства // *Эстетика раннего французского романтизма.* М., 1982.

³⁶ *Nisbet R.* Conservatism: dream and reality. Milton Keynes, 1986. P. 1.

³⁷ *Burke E.* Reflexions on the Revolution in France. L., 1790.

³⁸ *Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 68.

консерваторов, интеллектуальные возможности людей не безграничны, поскольку мир слишком сложен для того, чтобы его смогла постичь человеческая мысль.

Консерваторы утверждают, что либеральная картина общества достаточно атомистична. Общество рассматривается консерваторами как организм, части которого работают подобно тому, как мозг, сердце, легкие и печень функционируют в рамках человеческого тела. Каждая часть этого органического общества, будь то семья, церковь, экономика, правительство и т.п., — играет специфическую роль в формировании этого единого целого и поддержании его здоровья.

Консерватизм отличается от других идеологий акцентом на несомненной пользе для общества религии, которая рассматривается не только как духовный феномен, но и как “особый социальный цемент” общества. Отличными являются воззрения консерваторов на мораль и право: общество имеет право защищать себя, устанавливая набор определенных нравственных ценностей, а законодательство призвано поддерживать общественный порядок, а также защищать традиционные моральные устои. Консерваторы проявляют уважение к такой категории как “нация”. Нации, подобно семьям, формируются естественным путем; в этом случае они находятся как бы вне национальных свойств, которые присущи людям, объединенным одной и той же историей, языком, культурой и традицией.

Следует отметить, что в социально-политических учениях основоположников консервативной мысли постоянно присутствовало стремление к нравственному оправданию власти и всегда была мечта о власти, носитель которой — высоко духовная личность или небольшая группа таких личностей, управляющих “по совести”, в соответствии со сложившимися обычаями и устоями, объединяющими всех членов общества. Власть рассматривается консерваторами как изначально присущая обществу и всем его социальным институтам. Консерваторы утверждают, что власть необходима и полезна, она предотвращает аномию и социальную нестабильность.

Консерваторы считают, что общество, по своей природе иерархично, тем самым, они отвергают любые дискуссии о социальном равенстве. Консерваторы убеждены, что неравенство имеет глубокие социальные корни, являясь неизбежной чертой органического общества, а не просто следствием индивидуальных различий³⁹. В то же время, они, поддерживая сложившуюся в обществе социальную иерархию, настаивают на зависимости социального положения и социальной ответственности.

³⁹ *Honderich T. Conservatism. Harmondsworth, 1991. P. 34.*

Опора консерваторов на жесткую социальную иерархию и авторитетную власть предопределяет их установку в отношении государства. Это сильное государство, воспитывающее и дисциплинирующее своих граждан, которым следует знать свои обязанности, а не только свои права⁴⁰.

Как и либералы, консерваторы полагают, что собственность является мерилom достоинств людей. Те граждане, которые много работают и имеют таланты, должны обладать большим благосостоянием. Таким образом, собственность “зарабатывается” и на ней базируется вся экономика. Тем не менее, консерваторы также считают, что собственность имеет целый ряд психологических и социальных преимуществ. Например, в непредсказуемом мире владение собственностью дает людям чувство смелости и уверенности, предоставляет им нечто вроде опоры. В этом смысле “благосостояние есть нравственный, а не физический показатель”⁴¹.

В середине XX в. эти традиционные, базовые идеологемы, консервативной идеологии, претерпели определенную диверсификацию в рамках различных направлений консервативной мысли, которые получили собирательное название “неоконсерватизм”. Несмотря на то, что неоконсерватизм — “сложный и противоречивый конгломерат идей, принципов и норм, создающих разнообразные формы современной консервативной идеологии”⁴², в нем можно выделить ряд общих идеологических компонентов, которыми пронизано восприятие отдельных сфер жизнедеятельности человека, общества и государства.

Неоконсерватизм наследует целый ряд установок, традиционно присущих консерватизму как “институциональной идеологии, выступающей в защиту социальных институтов, когда они оказываются под угрозой”⁴³. К ним относятся: приоритеты семьи и религии, моральной взаимной ответственности гражданина и государства, уважение к закону, предпочтение крепкого государственного порядка и стабильности, поддержка традиционных нравственных ценностей, препятствующих духовной деградации личности, защита частной собственности⁴⁴.

В то же время, в основе современного неоконсерватизма, получившего развитие в Западной Европе, лежит ряд программных уста-

⁴⁰ *Scruton R.* The meaning of conservatism. Basingstoke, 1984. P. 114.

⁴¹ The philosophy of Edmund Burke: a selection from his speeches and writings. Ann Arbor, 1960. P. 50.

⁴² Неоконсерватизм // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 58.

⁴³ *Huntington S.* Conservatism as an ideology // The American Political Science Review. 1957. N 51. P. 458.

⁴⁴ *Silver I.* What flows from neo-conservatism // The Nation. 1977. July. N 9. P. 45.

новок, требующих существенного пересмотра текущей политики в области международных отношений, в отношении института демократии, экономической и социальной деятельности государства, нравственной жизни общества и т.п.

Так, отличительная чертой неоконсервативной общественно-политической мысли на Западе считается пристальное внимание к силовым аспектам внешней политики⁴⁵. Как правило, неоконсервативный подход во внешней политике исходит из необходимости неограниченного (вплоть до мировой термоядерной войны) или ограниченного (локального) применения силы⁴⁶. Многие неоконсерваторы разделяют тезис о фатальной неизбежности войны в современную эпоху, поэтому настаивают на увеличении военных расходов, поддержании национальной армии в боевой готовности. Например, американские неоконсерваторы всегда призывали всячески укреплять военную мощь США. “Если США хотят выжить, они должны содержать значительно превосходящие вооруженные силы, финансируемые значительным бюджетом”⁴⁷.

Одни неоконсерваторы придерживаются концепции “ограниченной войны”, исходящей, по их мнению, из оборонительных соображений. Основная идея этой концепции, заключается в том, что если где-то совершена агрессия, то Запад должен прямо или косвенно вмешаться таким количеством сил, которое необходимо для того, чтобы эту агрессию приостановить. Другие считают доктрину “ограниченного применения силы”, локальной войны недостаточно эффективной для достижения внешнеполитических целей⁴⁸.

Следует отметить, что ключевые тезисы консерватизма нашли своеобразное отражение в отечественной консервативной социальной мысли имперского периода российской истории. В данной связи представляется актуальным, теоретически и практически значимым исследование культурно-исторических корней научного осмысления русского консерватизма для того, чтобы лучше осознать его современный смысл.

⁴⁵ См. об этом: *Богданов Р.Г., Кокошин А.А.* США: информация и внешняя политика. М., 1979; *Жиркин В.В.* США и международно-политические кризисы. М., 1975; *Петровский В.Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976; *Современные внешнеполитические концепции США.* М., 1979; *Трофименко Г.А.* США: политика, война, идеология. М., 1976.

⁴⁶ Проблемы войны и мира. Критика современных буржуазных социально-философских концепций / Под ред. Е.Д. Морджинской и др. М., 1967. С. 237.

⁴⁷ *Possony S.* The challenge of crisis. Preliminary thought on a conservative defense doctrine // What is Conservatism? N.Y., 1964. P. 199.

⁴⁸ *Громовик В.Г.* Неоконсервативные идеи в отдельных сферах жизнедеятельности общества // Консервативная идеология в современном мире. М., 2005.

Начало развитию консервативной политической философии в России связывается с Николаем Михайловичем Карамзиным, с его развернутым меморандумом — “Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях”, вошедшем в историю как первый манифест российского консерватизма. В дальнейшем известные русские философы — Михаил Никифорович Катков, Константин Николаевич Леонтьев, Лев Александрович Тихомиров, Константин Петрович Победоносцев и ряд других, обосновали свои идеи о существовании государства, функциях власти, о нравственности и человеческой свободе в русле консервативного мировоззрения.

В целом для данных мыслителей характерно органицистское понимание общества. Оно связано с русским социологом — органицистом Александром Ивановичем Строниным, который в своих трудах “История и метод”, “Политика и наука”, “История общественности” пытался доказать тождество общества с организмом, сопоставляя их функционирование и закономерности⁴⁹.

По мнению русских консерваторов, органическое общество формируется посредством умения людей объединяться в группы. В этом органическом обществе люди, вследствие их духовного развития, проявляют способность властвовать и подчиняться. Отсюда закономерно вытекает вопрос о сущности власти, ее цели и задачах. Например, для М.Н. Каткова, законы общественности тесно связаны с духовным развитием и возникают из психического источника. Этот ученый выводил источники власти и принуждения из самой природы человека. Личность человека постоянно обуревается различными страстями и инстинктами⁵⁰, в ней переплетаются темное и светлое начала, и негативные тенденции души. Эти разрушительные инстинкты личности необходимо подавлять с помощью власти и государства. Кроме того, каждый человек, заключал мыслитель, обязан уважать чужую свободу, — “а из необходимости налагать на людей эту обязанность проистекает власть”⁵¹.

Основная задача власти, по мнению М.Н. Каткова, — создание и сохранение порядка, который определяет представления о справедливом и должном. При этом, представление о “должном” берет свое начало из недр человеческого духа и предполагает обращение к единому для всех идеалу. С точки зрения характера власти это значит, что главная цель власти — дать порядку нравственное содержание,

⁴⁹ См. об этом: *Стронин А.И.* История общественности. СПб., 1885.

⁵⁰ *Катков М.Н.* Песни русского народа, изд. И. Сахаровым. Критика // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Кн. VI. С. 42.

⁵¹ Там же. С. 15.

с помощью которого и будет осуществляться справедливость. Следует отметить, что эти взгляды созвучны идеям К.П. Победоносцева, который писал, что “на правде основана, по идее своей всякая власть”⁵².

Согласно взглядам русских консерваторов, государство не является чем-то непосредственно данным в жизни народа. Оно образуется в процессе “собираания и сосредоточения власти. Покоряются независимые владения, отбирается власть у сильных, и все, что имеет характер принудительный, подчиняется одному верховному над государством началу”⁵³, — писал М.Н. Катков.

Русские консервативные мыслители активно обосновывали идею “сильного государства”, характерными чертами которого считали авторитет власти; устойчивость всей системы общественных отношений и структур; порядок и стабильность в обществе; сохранение традиционных идеалов, национальной самобытности, культурного своеобразия. По их мнению, рамки действия государственной власти определяются обязанностью государства гарантировать защиту жизни и безопасности граждан, предотвращать любое явление, не основанное на законном праве, а также “действовать твердо и решительно”⁵⁴. Они подчеркивали, что любое ослабление власти неизбежно порождает смуту, начинается разложение, “совершаются насилия”, “колеблются основы всякой нравственности”, “дух растления овладевает умами”, и вместо явного правительства появляются тайные, действующие тем сильнее, чем слабее действие государственной власти⁵⁵. Кроме того, падает семейная, общественная и государственная дисциплина.

В данной связи известный скептицизм русские консерваторы выражали по отношению к институту демократии, механизму ее практического функционирования. Они часто отмечали искусственность, видимость, поддельность демократии, а, следовательно, ее ненужность и никчемность. Так, согласно К.П. Победоносцеву, именно из института представительства, опирающегося на мнение большинства, и проистекает “сложный механизм парламентского лицедейства <...> образ великой политической лжи”⁵⁶.

⁵² Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 42.

⁵³ Катков М.Н. Свобода и власть // Катков М.Н. Собрание передовых статей “Московских ведомостей” (1863–1887). М., 1897. С. 224.

⁵⁴ Катков М.Н. Без названия // Московские ведомости. 1861. 26 февр. № 47. С. 379.

⁵⁵ Катков М.Н. Событие 1-го марта // Катков М.Н. Собрание передовых статей “Московских ведомостей” (1863–1887). С. 122.

⁵⁶ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 44.

Русские консервативные мыслители, в отличие от западных, всегда подчеркивали единство власти и народа, постоянно говорили об их взаимном доверии, что составляет, по словам Н.М. Карамзина, “нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости”⁵⁷. Суть этого единства заключается в том, что между интересами народа и интересами государства не должно быть никаких противоречий. Государство не должно в своих взглядах и в своих действиях отделять себя от общественных интересов, тогда оно сможет вернее понять свое положение и будет сильнее⁵⁸.

Согласно воззрениям русских консерваторов, государственный порядок и энергичное преследование целей общественного блага достигаются хорошим устройством правительственного механизма, установлением разумного закона, рядом мер наблюдения, принуждения, кары, поощрения и т.п. Однако, как бы ни были разработаны законы и усовершенствован правительственный механизм, суд и администрация, это еще не обеспечивает достижения целей государства, если граждане не стремятся по собственному побуждению жить согласно справедливости и своему нравственному долгу. Таким образом, *живое нравственное чувство* составляет основу для успеха государства, и будет служить сдерживающим фактором на пути к установлению диктатуры⁵⁹.

В то же время, русские консерваторы предостерегали правительство от принятия только репрессивных мер. Они предлагали выдвинуть идею, которая сплотит весь народ, а также послужит созидательной силой для России. Подобной идеей должна была стать идея национального согласия, единения всего общества, в основе которой лежат восходящие к православной соборности, к традициям высокой духовности такие качества как совесть, сострадание, милосердие, патриотизм. “Все остальное, — писал Л.А. Тихомиров, — внешнее укрепление порядка, власти, прочного действия исторических основ... останется без души, без силы, если оживившееся религиозное сознание не даст личности должного руководства для понимания целей жизни”⁶⁰.

Исследования показали, что именно консервативная, а точнее, — умеренно консервативная идеологическая доктрина наиболее

⁵⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 32.

⁵⁸ Катков М.Н. Вред у нас казенных изданий // Катков М.Н. Собрание передовых статей “Московских ведомостей” (1863–1887). С. 743.

⁵⁹ Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. 1862. Февраль. № 2. С. 841.

⁶⁰ Тихомиров Л.А. Борьба века. М., 1895. С. 61.

полно отражает существующие в России геополитические, экономические, социальные реалии, особенности духовной и культурной традиции⁶¹.

Как показали социологические исследования, в наибольшей степени всегда востребованы такие ценности и цели функционирования государства как мир и порядок, рост благополучия граждан, соблюдение прав человека, обеспечение социальной справедливости⁶². В данной связи именно консервативная, а точнее, — умеренно консервативная идеологическая доктрина содержит совокупность идей, наиболее полно отражающих геополитические, экономические и социальные реалии России, особенности ее духовной и культурной традиции.

Не случайно наиболее приемлемые приоритеты объединяющей идеологеммы, обозначенные российскими исследователями как “духовность, нравственность, патриотизм, державность и единство народа” носят явно консервативный характер. Эти понятия выражают желание масс к восстановлению исторического российского патернализма власти и также “необходимость ее соединения с народом, устройство социально-справедливого созидательного общества, единение духовного и материального”⁶³.

В то же время следует подчеркнуть, что формирование идеологии — длительный процесс, исторически основанный на многочисленных национально-государственных традициях. Невозможно просто сформулировать или “навязать” “идеологию”, можно лишь взять за основу те или иные идеи из основных, сложившихся идеологий, которые имеют политико-философское обоснование и апробировали себя на практическом уровне.

Следовательно, не нужно создавать, а следует всего лишь возродить традиционную для России консервативную систему ценностей, которая станет фундаментом национальной идеи в России в нынешнем столетии. Стратегия развития России может заимствовать из консервативной идеологии как ее рациональное зерно — сохранение и поддержание накопленного в прошлом и настоящем самого ценного для российского человека материального и духовного достояния, так и основополагающие ценности.

На наш взгляд, актуальными для нашей страны установками консервативной идеологии остаются следующие.

⁶¹ Громовик В.Г. Традиционные тезисы консервативной идеологии и их модификация // “Идеология” и “идеологии” как предмет научного анализа. М., 2004.

⁶² Россия: глобальные вызовы и локальные риски. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2004 году. М., 2005. С. 265–266.

⁶³ Россия: вызовы времени и пути реформирования. М., 1998. С. 122.

- необходимость порядка и стабильности в государстве, основной функцией которого должно стать обеспечение безопасности, включающей все составляющие данного понятия: национальную, военную, экономическую, социальную, духовную и личную безопасность;
- возврат утраченных духовных начал, патриотизма, традиционной морали, идеалов единства нации, т.е. того, что издавна составляло суть русской консервативной идеи;
- политика порядка в экономике и в социальной сфере, поддерживаемая тезисом “свободная экономика и сильное государство”;
- единство власти и народа, опирающееся на традиционные особенности восприятия в России таких понятий как “справедливость”, “равенство”, “богатство”, “бедность”, “управление”, “право”, “мораль”.

Наконец, это защита традиционных социальных институтов, когда они находятся под угрозой и, в то же время, осознание необходимости постепенных, обоснованных перемен. Именно на этих, приоритетных установках умеренно консервативной идеологии, сформулированных и детально раскрытых в трудах выдающихся отечественных обществоведов умеренно-консервативного толка, вполне приемлемой для отечественного менталитета, должна базироваться доктрина социально-экономического, политического и духовного возрождения России как сильной цивилизованной державы, гармонически сочетающей достижения мирового прогресса с национальными социокультурными традициями и особенностями, права и свободы личности с интересами страны и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007.

Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.

Головков С.А. Социально-политические взгляды Н.А. Бердяева // Наука. Культура. Общество. 2005. № 3.

Громовик В.Г. Неоконсервативные идеи в отдельных сферах жизнедеятельности общества // Консервативная идеология в современном мире. М., 2005.

Громовик В.Г. Традиционные тезисы консервативной идеологии и их модификация // “Идеология” и “идеологии” как предмет научного анализа. М., 2004.

Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997.

Капустин Б.Г. Либерализм // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М., 2003.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.

Катков М.Н. Песни русского народа, изд. И. Сахаровым. Критика // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Кн. VI.

Катков М.Н. Свобода и власть // Катков М.Н. Собрание передовых статей "Московских ведомостей" (1863–1887). М., 1897.

Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000.

Неоконсерватизм // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3.

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального неравенства // Представительная власть. 2018. № 6. С. 1–12.

Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 5–26.

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.

Россия: вызовы времени и пути реформирования. М., 1998.

Россия: глобальные вызовы и локальные риски. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2004 году. М., 2005.

Скиннер Э.С. Адам Смит // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2009.

Стронин А.И. История общественности. СПб., 1885.

Тихомиров Л.А. Борьба века. М., 1895.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (*Начало*) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 156–181.

Шатобриан Ф.Р. Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.

REFERENCES

Amin S. Virus liberalizma: permanentnaya vojna i amerikanizaciya mira [The Virus of Liberalism: Permanent War and the Americanization of the World]. М., 2007 (in Russian).

Aron R. Opium des Intellectuels. P., 1968.

Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva [Philosophy of inequality]. М., 1990 (in Russian).

Boudon R. L'Ideologie, ou l'origine des idees recues. P., 1986.

Burke E. Reflexions on the Revolution in France. L., 1790.

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme (*Nachalo*) [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma (*Beginning*)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4. S. 27–49 (in Russian).

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism: from the concept of freedom to totalitarian dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 1. S. 156–181 (in Russian).

De Mestr Zh. Rassuzhdeniya o Francii [Reflections on France]. М., 1997 (in Russian).

- Golovkov S.A.* Social'no-politicheskie vzglyady N.A. Berdyaeva [Socio-political views of N.A. Berdyaeva] // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2005. N 3 (in Russian).
- Gromovik V.G.* Neokonservativnye idei v otdel'nyh sferah zhiznedeyatel'nosti obshchestva [Neoconservative ideas in certain spheres of society's life] // Konservativnaya ideologiya v sovremennom mire. M., 2005 (in Russian).
- Gromovik V.G.* Tradicionnye tezisы konservativnoj ideologii i ih modifikaciya [Traditional theses of conservative ideology and their modification] // "Ideologiya" i "ideologii" kak predmet nauchnogo analiza. M., 2004 (in Russian).
- Harvi D.* Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie [A Brief History of Neoliberalism. current reading]. M., 2007 (in Russian).
- Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998.
- Honderich T.* Conservatism. Harmondworth, 1991.
- Huntington S.* Conservatism as an ideology // The American Political Science Review. 1957. N 51.
- Kapustin B.G.* Liberalizm [Liberalism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4-h t. M., 2003 (in Russian).
- Karamzin N.M.* Zapiska o drevnej i novoj Rossii [A note about ancient and new Russia]. M., 1991 (in Russian).
- Katkov M.N.* Pesni russkogo naroda, izd. I. Saharovym. Kritika [Songs of the Russian people, ed. I. Sakharov. Criticism] // Otechestvennye zapiski. 1839. T. IV. Kn. VI (in Russian).
- Katkov M.N.* Svoboda i vlast' [Freedom and power] // Katkov M.N. Sobranie peredovyh statej "Moskovskih vedomostej" (1863–1887). M., 1897 (in Russian).
- Keynes J.M.* The general theory of employment, interest and money. L., 1936.
- Makarenko V.P.* Glavnye ideologii sovremennosti [The main ideologies of modernity]. Rostov n/D., 2000 (in Russian).
- McLellan D.* Ideology. Milton Keynes, 1986.
- Neokonservatizm [Neoconservatism] // Novaya filosofskaya enciklopediya []. M., 2001. T. 3 (in Russian).
- Nisbet R.* Conservatism: dream and reality. Milton Keynes, 1986.
- Osipova N.G.* Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global inequality] // Predstavitel'naya vlast'. 2018. N 6. S. 1–12 (in Russian).
- Osipova N.G.* Social'no-filosofskie osnovy (teoreticheskoe yadro) klassicheskogo liberalizma [Socio-philosophical foundations (theoretical core) of classical liberalism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4. S. 5–26 (in Russian).
- Pobedonoscev K.P.* Velikaya lozh' nashego vremeni [The great lie of our time]. M., 1993 (in Russian).
- Possony S.* The challenge of crisis. Preliminary thought on a conservative defense doctrine // What is Conservatism? N.Y., 1964.
- Rossiya: vyzovy vremeni i puti reformirovaniya [Russia: challenges of the time and ways of reforming]. M., 1998 (in Russian).
- Rossiya: global'nye vyzovy i lokal'nye riski. Social'naya i social'no-politicheskaya situaciya v Rossii v 2004 godu [Russia: global challenges and local risks. Social and socio-political situation in Russia in 2004]. M., 2005 (in Russian).
- Scruton R.* The meaning of conservatism. Basingstoke, 1984.
- Seliger M.* Politics and Ideology. L., 1976.
- Shatobrian F.R.* Genij hristianstva [The Genius of Christianity] // Estetika rannego francuzskogo romantizma. M., 1982 (in Russian).

- Silver I.* What flows from neo-conservatism // *The Nation*. 1977. July. N 9.
The philosophy of Edmund Burke: a selection from his speeches and writings.
Ann Arbor, 1960. P. 50.
- Skinner E.S.* Adam Smit [Adam Smith] // *Nevidimaya ruka rynka / Pod red. Dzh. Ituella, M. Milgejta, P. N'yumena*. M., 2009 (in Russian).
- Stronin A.I.* Istoriya obshchestvennosti [Public history Public history]. SPb., 1885 (in Russian).
- Tihomirov L.A.* Bor'ba veka [Fight of the century]. M., 1895 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-30-61

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА В РОССИИ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная работа завершает цикл статей автора об эволюции института лоббизма в России¹. В предыдущих статьях были проанализированы основные этапы развития института лоббизма в России, начиная с XIX в. и заканчивая сегодняшним днем. В данной статье рассматривается один из самых сложных и неоднозначных вопросов, связанных с лоббизмом в России — можно ли в российских условиях регулировать отношения групп интересов с государством и каким образом? Автор приходит к выводу, что в России существует достаточное количество политико-правовых механизмов, которые регулируют отношения организованных групп и органов власти, однако данные нормы зачастую неупорядочены. Вместе с тем, необходим критический подход ко всем попыткам принятия единого закона о лоббизме, так как у нас нет никаких гарантий, что, даже будучи принятым, данный закон будет работать. Автор предлагает уделять особое внимание развитию системы этических норм для лоббистов, профессионального стандарта лоббистской деятельности, а также развивать антикоррупционное законодательство. Кроме того, необходима ревизия существующих корпоративистских механизмов взаимодействия групп интересов и органов власти, укрепление которых могло бы способствовать развитию более инклюзивного института лоббизма.

Ключевые слова: лоббизм, группы интересов, регулирование лоббизма, закон о лоббизме, коррупция, корпоративизм.

IN SEARCH OF AN OPTIMAL MODEL FOR REGULATING LOBBYING IN RUSSIA

Kanevskiy Pavel S., Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

This work completes a series of articles by the author on the evolution of lobbying in Russia². Previous articles have analyzed the main stages in the development of the

* **Каневский Павел Сергеевич**, e-mail: baggio-18@yandex.ru

¹ См. № 4 за 2021 г. и № 1 за 2022 г. данного журнала.

² See N 4, 2021 and N 1, 2022 of this journal.

institution of lobbying in Russia, from the 19th century to the present day. This article discusses one of the most complex and controversial issues related to lobbying in Russia — is it possible in Russian conditions to regulate the relations of interest groups with the state and how? The author concludes that there are a sufficient number of political and legal mechanisms in Russia that regulate the relations between organized groups and authorities, but these norms are often disordered and disconnected from each other. At the same time, we need a critical look at all previous attempts to adopt a single law on lobbying, because there are no guarantees that, even if adopted, this law can work in Russian conditions. The author proposes to pay attention to the development of ethical standards for lobbyists, a professional standard for lobbying as well as to anti-corruption legislation. In addition, it is necessary to revise the existing corporatist mechanisms of interaction between interest groups and authorities, the strengthening of which could contribute to the development of a more inclusive institution of lobbying.

Key words: lobbying, interest groups, regulation of lobbying, lobbying law, corruption, corporatism.

Начиная с конца XIX в., институт лоббизма был составным элементом политической системы и процесса принятия решений. Однако во все времена он оставался неформальным или полужформальным институтом. В Российской империи начала XX в. и в Советской России в годы нэпа, естественно, ни о каком законодательном регулировании лоббизма не могло быть и речи, так как, во-первых, ни царская Россия, ни СССР не были классическими конституционными режимами, а, во-вторых, на тот момент в мировой практике в принципе не существовало опыта легализации лоббизма. Это, однако, не означает, что у групп интересов не было в распоряжении легальных механизмов, с помощью которых они осуществляли взаимодействие с органами власти. Активное развитие в начале XX в. объединений предпринимательства, а затем институционализация профсоюзов сопровождалась эволюцией нормативной, корпоративистской по духу среды, которая обеспечивала права и возможности организованных групп координировать свои действия и влиять на государственные решения. Исчезновение независимой от государства системы групп интересов в конце 1920-х гг. оборвало данный процесс, превратив институт лоббизма в подчиненный и сугубо неформальный элемент согласования интересов в рамках административно-командной системы.

Эрозия и дальнейший распад советской управленческой модели в конце 1980-х — начале 1990-х гг. видоизменил структуру общества и государства. Спустя шесть десятилетий в России стала вновь зарождаться относительно автономная от государства, дифференцированная система групп интересов. Организованные группы стали важными участниками политического процесса, активно влияя на принимаемые решения и создавая все новые каналы коммуникации

с органами власти. Как следствие, регулирование лоббизма стало одним из насущных вопросов. К моменту принятия в России новой Конституции в 1993 г., которая в значительной степени создавалась под влиянием западных образцов, в мире уже шла активная дискуссия о регулировании лоббизма. Российская политическая элита 1990-х гг., которая тогда во всем стремилась подражать Западу, так же включилась в данную дискуссию. Это привело к тому, что регулирование лоббизма на долгие годы стало одним из самых обсуждаемых и противоречивых вопросов в политической повестке. Однако, несмотря на несколько волн дискуссий и ряд разработанных законопроектов, Россия продолжает относиться к многочисленной категории стран, в которых не создано единого режима регулирования лоббизма. Вместе с тем, нельзя сказать, что группы интересов взаимодействуют с государством в полном правовом вакууме, так как отдельные механизмы продвижения групповых интересов созданы и работают.

Вопрос заключается не в том, нужен России закон о лоббизме или нет, а в том, как создать цивилизованную, эффективную и инклюзивную среду для взаимодействия групп интересов и органов власти. Закон о лоббизме — это далеко не единственный и даже не главный инструмент превращения лоббизма в более цивилизованную форму коммуникации между государством и обществом.

Следует определить основные направления, развитие которых могло бы способствовать дальнейшему укреплению, упорядочиванию и повышению прозрачности в процессе взаимодействия групп интересов и государства. На сегодняшний день можно выделить 6 основных направлений, анализ и развитие которых могут способствовать эволюции лоббизма в сторону более эффективного и функционального социального института и снизить общественные риски от его дисфункций:

- 1) ревизия существующих правовых основ, направленных на урегулирование взаимоотношений между группами интересов и органами власти;

- 2) критический анализ всех существовавших попыток принятия единого закона о лоббизме и рассмотрение дальнейших перспектив законодательного регулирования лоббизма;

- 3) развитие системы этических норм для лоббистов;

- 4) создание профессионального стандарта лоббистской деятельности;

- 5) развитие антикоррупционного законодательства;

- 6) ревизия существующих корпоративистских механизмов и рассмотрение способов по их укреплению.

Политико-правовые основы регулирования лоббизма в России

Первое и главное упущение во многих дискуссиях о неформальной природе лоббизма в России заключается, что в том, что полностью неформальным данный институт назвать нельзя. В последние десятилетия в российской политико-правовой системе сложился и действует ряд норм, направленные на регулирование взаимоотношений групп интересов и органов власти. Первая и главная норма содержится в Конституции РФ. Во 2-й части 3-й статьи сказано, что “Народ осуществляет свою власть непосредственно, а так же через органы государственной власти и местного самоуправления”³. Далее, в части 1 статьи 32 говорится, что “Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей”⁴. Наконец, в статье 33 Конституции установлено следующее: “Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а так же направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления”⁵. Таким образом, Россия относится к той категории стран, где в основном документе, помимо представительных институтов власти, закреплены формы прямого взаимодействия граждан с органами власти.

Основная проблема трактовки конституционных норм заключается в том, что в Конституции субъектом взаимодействия с властью выступают граждане, но ничего не говорится ни о способах и формах их групповой организации, ни о конкретных формах взаимодействия с властью. Этот пробел призван восполнить ряд законов и норм, регламентирующих деятельность некоторых ключевых категорий групп интересов и механизм их взаимодействия с органами власти. Данные законы и нормы следует разделить на две большие категории:

1. Законы и нормы, которые регламентируют деятельность групп интересов, устанавливают их права и возможности участвовать в процессе принятия решений.

2. Законы и нормы, которые регламентируют деятельность органов власти и устанавливают конкретные процедуры участия групп интересов в процессе принятия решений.

Деятельность всех типов групп интересов, включая как коммерческие, так и некоммерческие объединения в России регулируется различными федеральными законами. При этом в ряде законов

³ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2021.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

прописаны прямые или косвенные формы взаимодействия данных групп интересов с государством. В эту категорию входят в первую очередь следующие федеральные законы: “О некоммерческих организациях”, “Об общественных объединениях”, “О политических партиях”, “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”, “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации”, “О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах)”.

Первые два закона являются наиболее широкими, так как определяют содержание деятельности, формы и порядок регистрации некоммерческих групп интересов — крайне широкой категории, которая, согласно российским законам, разделяется на некоммерческие организации и общественные объединения⁶. На конец 2019 г. в России было зарегистрировано около 90 тыс. некоммерческих организаций⁷.

Хотя непосредственный механизм взаимодействия с органами власти для НКО в законе не прописан, данным актом прописывается предмет лоббизма, то есть вопросы, по которым НКО имеют право обращаться к органам власти. Статья 31 закона устанавливает, что “органы государственной власти, органы публичной власти федеральной территории и органы местного самоуправления в соответствии с установленными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами полномочиями могут оказывать некоммерческим организациям экономическую поддержку”⁸. Формы поддержки включают в себя организацию закупок для нужд НКО, предоставление налоговых и иных льгот, приоритетную поддержку социально ориентированным НКО.

Другим актом, который регламентирует деятельность некоммерческих групп интересов, является принятый в 1995 г. закон “Об общественных объединениях”. В статье 3 закона прописано, что “право граждан на объединение включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей, право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а так же право беспрепятственно выходить из

⁶ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) “О некоммерческих организациях”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 22.07.2022).

⁷ См.: Госкомстат РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-10.docx (дата обращения: 22.07.2022).

⁸ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) “О некоммерческих организациях”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 22.07.2022).

общественных объединений. Создание общественных объединений способствует реализации прав и законных интересов граждан”⁹.

В статье 27 достаточно четко прописаны возможные прямые и косвенные формы влияния общественных объединений, являющихся юридическими лицами, на принятие решений. К прямым формам относятся участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, представление и защита своих прав, законные интересы своих членов и участников, а так же других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти. К косвенным формам относятся право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, а также участие в выборах и референдумах¹⁰.

Деятельность политических партий, прописанных в законе “Об общественных объединениях”, с 2002 г. регламентируется отдельным законом “О политических партиях”. Политические партии так же можно считать группами интересов в максимально широкой трактовке данного понятия, однако главной отличительной чертой партий является то, что, в отличие от всех остальных групп интересов, они изначально создаются для завоевания политической власти. Именно поэтому партии целесообразнее рассматривать не как субъекты, но как объекты лоббизма или каналы, посредством которых групп интересов получают возможность влиять на принятие решений. Тем не менее, “Закон о партиях” не содержит прямых норм, устанавливающих порядок их взаимодействия с группами интересов.

Единственной косвенной нормой является статья 30 закона, которая определяет порядок принятия пожертвований политической партии и ее региональным отделениям от физических и юридических лиц. В данной статье обговаривается ряд субъектов, от которых не допускается получение пожертвований. Из данного списка следует, что основные типы групп интересов, включая коммерческие структуры, профсоюзы, ассоциации и прочие некоммерческие организации имеют право жертвовать в фонды партий не более 43 мил-

⁹ Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) “Об общественных объединениях”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/21e3b5b8fdc7e38173cf8cdc09363a4cb0fde52a/ (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁰ См.: Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) “Об общественных объединениях”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/21e3b5b8fdc7e38173cf8cdc09363a4cb0fde52a/ (дата обращения: 22.07.2022).

лионов 300 тысяч рублей в год. Для физических лиц максимальная сумма ежегодных пожертвований составляет 4 миллиона 300 тысяч рублей в год¹¹. Как уже говорилось ранее, предвыборные фонды являются важными каналами влияния для групп интересов. Тем не менее, из-за современной специфики российской партийной системы на федеральном уровне данный канал является малоэффективным для организованных групп, однако может иметь значение при выборах в региональные парламенты.

В отличие от общественных объединений и политических партий, механизм взаимодействия с органами власти более четко прописан для российских профсоюзов. В 1996 г. был принят закон “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”, который определил механизм участия профсоюзов в процессе принятия решений. Статья 11 закона устанавливает следующее: “Проекты законодательных актов, затрагивающих социально-трудовые права работников, рассматриваются федеральными органами государственной власти с учетом предложений общероссийских профсоюзов и их объединений (ассоциаций). Проекты нормативных правовых актов, затрагивающих социально-трудовые права работников, рассматриваются и принимаются органами исполнительной власти, органами местного самоуправления с учетом мнения соответствующих профсоюзов. Профсоюзы вправе выступать с предложениями о принятии соответствующими органами государственной власти законов и иных нормативных правовых актов, касающихся социально-трудовой сферы”¹².

Таким образом, профсоюзы абсолютно легально интегрированы в процесс принятия решений. Крупнейшая зонтичная профсоюзная организация страны Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) является относительно успешным и влиятельным субъектом лоббизма, в реальности участвуя в подготовке и обсуждении значительного числа законопроектов. К тому же ФНПР играет ключевую роль в функционировании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, деятельность которой регулируется отдельным федеральным законом¹³.

¹¹ См.: Федеральный закон “О политических партиях” от 11.07.2001 N 95-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 22.07.2022).

¹² Федеральный закон “О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений” от 01.05.1999 N 92-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22938/ (дата обращения: 22.07.2022).

¹³ Толстых П.А. GR: полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М., 2019. С. 706.

Из 30 мест, отведенных в Трехсторонней комиссии профсоюзам, 24 принадлежит ФНПР. При этом председатель ФНПР М. Шмаков является координатором профсоюзной стороны.

Следующим типом групп интересов, для которых существуют легальные рамки взаимодействия с органами власти — это торгово-промышленные палаты. Статья 12 закона “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации” от 1993 г. определяет широкий перечень прав и возможностей для торгово-промышленных палат участвовать в процессе принятия решений. Помимо прочего, торгово-промышленные палаты имеют право:

- участвовать в подготовке проектов законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы предпринимателей;
- направлять в органы государственной власти и органы местного самоуправления заключения по результатам экспертиз проектов законов и иных нормативных правовых актов;
- представлять законные интересы своих членов и принимать меры по их защите в государственных, муниципальных и иных органах;
- участвовать в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательства;
- по предложению соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления принимать участие в работе ведомственных, межведомственных и иных комиссий, экспертных советов и других органов и организаций, образуемых указанными органами;
- участвовать в выработке и реализации мер по противодействию коррупции при осуществлении хозяйственной деятельности¹⁴.

В реальности закон “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации” регулирует деятельность одной головной ассоциации — Торгово-промышленной палаты РФ (ТПП). В структуру ТПП входит 178 региональных торгово-промышленных палат, 279 членов (бизнес ассоциаций и отдельных компаний), 10 дочерних организаций¹⁵. Основные направления деятельности ТПП определяют 33 комитета и совета, которые являются координирующими органами в процессах агрегирования групповых интересов и их учете при взаимодействии с профильными органами власти.

¹⁴ См.: Закон РФ “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации” от 07.07.1993 N 5340-1 (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2269/ (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁵ См.: Торгово-промышленная палата РФ. URL: https://tpprf.ru/ru/ttpp/all_ttpp/ (дата обращения: 22.07.2022).

Наконец, еще одним видом групп интересов, которые имеют право взаимодействовать с органами власти, являются потребительские объединения. Закон “О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах)” от 1992 г. дает потребительским объединениям право “участвовать в разработке обязательных требований к товарам (работам, услугам), а так же проектов законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей”, а так же “вносить в федеральные органы исполнительной власти, организации предложения о принятии мер по контролю за качеством, производством и распространением товаров”¹⁶.

Таким образом, в блоке законов, регламентирующих деятельность групп интересов, содержатся множественные нормы, которые регулируют процессы их взаимодействия с органами власти. Практически все рассмотренные группы интересов, кроме некоммерческих организаций, имеют право участвовать в разработке законопроектов и иных нормативных актов. Однако юридические права не всегда равняются реальному политическому влиянию, так как лишь малая часть некоммерческих групп интересов реально включены в политический процесс. При этом зонтичные корпоративистские структуры, такие как ФНПР или ТПП, которые являются важнейшими элементами российского корпоративизма, пользуются значительной поддержкой власти. Проблема заключается в инклюзивности данных организаций, так процесс принятия решений в рамках их контактов с властью часто сводится к межэлитным отношениям и мало затрагивает интересы низовых организаций, таких как отдельные профсоюзы или отдельные бизнес группы в регионах.

Второй блок действующих норм лоббизма касается законов и процедур, которые регламентируют деятельность органов власти и устанавливают конкретные механизмы участия групп интересов в процессе принятия решений со стороны государства. Они прописаны в Конституции РФ, а так же многочисленных законах и процедурах, которые определяют процессы принятия и согласования решений и проектов решений в ключевых органах федеральной власти: Президент и Администрация Президента, Правительство, Федеральное Собрание.

Со стороны Президента и Администрации Президента включение групп интересов в процесс принятия решений регламенти-

¹⁶ Закон РФ “О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации” от 19.06.1992 N 3085-1 (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 22.07.2022).

ровано указом Президента “Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации” от 2003 г. В нем сказано, что в функции Администрации Президента входят “обеспечение взаимодействия Президента Российской Федерации с политическими партиями, общественными и религиозными объединениями, профессиональными союзами, торгово-промышленными палатами, организациями предпринимателей и иными организациями... обеспечение диалога со структурами гражданского общества, содействие их развитию и укреплению... учет и анализ обращений граждан, а так же объединений граждан, в том числе юридических лиц, представление соответствующих докладов Президенту Российской Федерации”¹⁷.

Кроме того, Президент своими указами регламентирует деятельность специальных комитетов и комиссий, создаваемых при Президенте. Данные указы определяют содержание, основные направления деятельности и персональный состав данных комиссий. На настоящий момент при Президенте действует 15 комиссий и 15 советов¹⁸. Наибольший интерес для групп интересов представляют комиссии, которые охватывают блок вопросов, связанных с российской промышленностью: Комиссия по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, Комиссия по вопросам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, Комиссия по вопросам развития авиации общего назначения и навигационно-информационных технологий на основе глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, Военно-промышленная комиссия Российской Федерации. Как видно из данного списка, особый упор в структуре комиссий при Президенте сделан на военно-промышленный комплекс, развитие которого находится под особым контролем первого лица страны.

После создания института полномочных представителей Президента в федеральных округах, была введена норма, направленная на то, чтобы связать интересы региональных групп с федеральным центром. Данная норма содержится в указе Президента “О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе” от 2000 г. В указе сказано, что полномочный представитель “организует взаимодействие федеральных органов

¹⁷ Указ Президента РФ от 06.04.2004 N 490 (ред. от 07.03.2020) “Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47272/9375930629345c3f977dbbf1bf3730404b9afbd2/ (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁸ См.: Комиссии и Советы при Президенте. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/councils> (дата обращения: 22.07.2022).

исполнительной власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, политическими партиями, иными общественными и религиозными объединениями”¹⁹.

Весьма подробно прописано взаимодействие групп интересов с Правительством РФ. Основные нормы содержатся в Постановлении Правительства “О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации” от 2004 г.²⁰ В частности, п. 30 Регламента регламентирует, что проект повестки заседаний и материалов правительства может быть разослан отдельным (негосударственным) организациям, которые не позднее чем за 24 часа до начала заседания предоставляют к нему свои замечания и предложения. В п. 31 сказано, что на заседания Правительства, помимо официальных лиц могут приглашаться руководители организаций, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. При этом состав лиц, приглашаемых на заседание Правительства, определяется Заместителем Председателя Правительства — Руководителем Аппарата Правительства по предложениям органов и организаций, ответственных за подготовку рассматриваемых вопросов. Согласно п. 57, проекты актов Правительства до их внесения в Правительство подлежат обязательному согласованию, при необходимости — с другими государственными органами и иными организациями. Состав органов и организаций, с которыми требуются дополнительные согласования, определяется самостоятельно руководителем федерального органа исполнительной власти, вносящим проект, а так же Председателем Правительства и заместителями Председателя Правительства. П. 59. определяет, что, при наличии разногласий по проекту акта Правительства, вносящий проект член Правительства или другой, должен обеспечить обсуждение его с руководителями согласующих органов и организаций или по указанию руководителей их заместителями с целью поиска взаимоприемлемого решения²¹.

¹⁹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849 “О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе”. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/15492> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. N 260 “О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации”. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3133/> (дата обращения: 22.07.2021).

²¹ См.: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. N 260 “О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации”. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3133/> (дата обращения: 22.07.2022).

Другим важным способом легального вовлечения групп интересов в деятельность Правительства является членство или участие в профильных комиссиях, комитетах, коллегиях и президиумах, которые обычно создаются постановлениями Правительства. Практически во всех постановлениях Правительства о создании совещательных органов указано, что данные структуры имеют право “привлекать в установленном порядке представителей заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, научных, общественных и иных организаций”²². В настоящее время при Правительстве функционирует 71 совещательная структура, которые подотчетны Председателю Правительства или его заместителям²³.

Иными словами, в исполнительной ветви создан всеобъемлющий свод правил, который предоставляет группам интересов необходимые каналы связи с профильными подразделениями Администрации Президента и Правительства и дает им возможность участвовать в подготовке решений. Это особенно важно, учитывая, что в данные институты наиболее влиятельными законодателями в стране, а не без их согласия не принимается к рассмотрению ни один законопроект в Государственной Думе. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что в Правительстве механизм взаимодействия с группами интересов прописан более подробно в сравнении с Администрацией Президента, где речь идет скорее о рамочной норме. Это связано с тем, что реальные и весьма существенные полномочия Администрации Президента в процессе принятия решений расходятся с ее номинальными функциями.

Государственная Дума является органом федеральной власти, в которой порядок взаимодействия с группами интересов прописан лишь относительно одной из стадий принятия решений. Регламент Государственной Думы, принятый в 1998 г., упоминает возможности групп интересов принять участие в подготовке законопроектов на стадии внесения законопроектов в Государственную Думу и их предварительного рассмотрения. Так, статья 111 Регламента устанавливает, что для работы над законопроектом создастся рабочая группа из числа депутатов Государственной Думы — членов профильного комитета. А статья 112 определяет, что “по решению ответственного комитета законопроект с сопроводительным письмом за подписью председателя комитета Государственной Думы может

²² Постановление Правительства РФ “О Правительственной комиссии по развитию телерадиовещания” от 22 мая 2006 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3232/> (дата обращения: 22.07.2022).

²³ См.: Координационные и совещательные органы Правительства. URL: <http://government.ru/agencies/> (дата обращения: 22.07.2022).

быть направлен в государственные органы, другие организации для подготовки отзывов, предложений и замечаний, а так же для проведения научной экспертизы”²⁴. Действительно, для разработки многих законопроектов Госдума периодически привлекает профильных экспертов, услуги которых оплачиваются корпоративными или отраслевыми заказчиками²⁵.

Таким образом, утверждение о том, что у российского института лоббизма нет легальных оснований, является неверным. Законодательство, регламентирующее деятельность как различных организованных групп, так и органов власти, содержит множественные нормы, которые определяют порядок продвижения и согласования групповых интересов. Проблемы содержатся в других аспектах данного регулирования.

Во-первых, рассмотренные нормы порой не соотнесены с реальным политическим процессом, что создает множество неопределенностей для групп интересов и лоббистов. Так, нормы участия в подготовке законопроектов содержатся в законах, регламентирующих деятельность Правительства и Государственной Думы, однако в четком виде они не прописаны в Положении об Администрации Президента, которая является важнейшим субъектом принятия решений в стране.

Во-вторых, многие нормы составлены крайне широко и не определяют четких процедур, по которым группы интересов могут участвовать в подготовке и рассмотрении решений. Например, очевидно, что лоббисты взаимодействуют с депутатами Госдумы не только в рамках рабочих групп, но на всех стадиях законотворчества.

В-третьих, ни один орган власти не имеет открытого реестра групп, которые вступают в контакт с официальными лицами. Исключением являются комитеты и комиссии при Президенте и Правительстве, однако механизм включения групп интересов в данные структуры является закрытым, а сами комитеты и комиссии охватывают лишь малую часть российских групп интересов.

В-четвертых, в федеральных органах власти не создано этических кодексов, которые определяли бы допустимые моральные пределы взаимодействия с организованными группами, четко регулировали бы конфликты интересов. В российской власти сохраняется проблема встроенного лоббизма и “вращающихся дверей”, когда

²⁴ См.: Глава 12. Порядок внесения законопроектов в Государственную Думу и их предварительное рассмотрение. Регламент Государственной Думы. URL: <http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-12/> (дата обращения: 22.07.2022).

²⁵ Толстых П.А. GR: полное руководство... С. 1058–1059.

официальные лица в ключевых органах власти прямо или косвенно аффилированы с группами, интересы которых они отстаивают.

В-пятых, сам процесс взаимодействия является теневым, т.е. факт контактов групп интересов с представителями власти закрыт не только для общества, но и для контролирующих органов, которые должны следить за такими вопросами, как снижение коррупционной составляющей, расходование государственных средств, соблюдение прав и возможностей всех потенциальных участников процесса принятия решений и пр.

Почему в России нет единого закона о лоббизме?

С тем, чтобы разрешить эти и другие проблемы, возникающие в процессе взаимодействия групп интересов и органов власти, в России неоднократно предлагалось принять единый закон о лоббизме. Принятие такого закона подразумевает устранение несоответствия федерального законодательства реальной практике лоббизма, повышение прозрачности при проектировании и принятии решений, создание четкого свода правил, регламентирующих лоббистскую деятельность, снижение коррупционных рисков. За последние 30 лет Россия прошла через несколько волн обсуждений закона о лоббизме.

Впервые задача легализовать лоббизм была поставлена в начале 1990-х гг., а первый законопроект “О регулировании лоббистской деятельности” появился в Верховном Совете России в 1992 г. Руководителями первой рабочей группы по подготовке данного законопроекта стал ведущий специалист по лоббизму того времени Н.Г. Зяблюк, а также В.И. Жигулин и В.И. Новиков. Особенностью данного законопроекта было то, что его действие должно было распространиться только на сам Верховный Совет.

После изменения политической системы и принятия новой Конституции в 1993 г. была начата работа над новым законопроектом “О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”. Руководителем новой рабочей группы стал депутат В.А. Лепехин, а в состав рабочей группы вошли ведущие специалисты МГУ имени М.В. Ломоносова и Института США и Канады РАН. Как и в предыдущем случае, работа над законопроектом сопровождалась многочисленными конференциями и круглыми столами. На конференции “Лоббизм в России и проблемы его законодательного регулирования”, в которой приняли участие высшие должностные лица из Правительства, Администрации Президента и Федерального Собрания, отмечалось, что лоббизм проник во все ветви власти, а группы интересов используют любые методы,

в том числе коррупционные, чтобы добиться нужных для себя решений²⁶. В отличие от законопроекта от 1992 г., авторы данного документа предлагали распространить действие закона и на законодательную, и на исполнительную ветви. Законопроект был рассмотрен Государственной Думой в ноябре 1995 г. и отклонен при 117 голосах за, при том что 96 депутатов воздержались от голосования, решив его судьбу²⁷.

В Думе второго созыва было инициировано обсуждение нового законопроекта, которое началось в 1996 г. За основу был взят все тот же законопроект, разработанный группой В.А. Лепехина, хотя главным инициатором в этот раз выступала Администрация Президента. Однако, получив ряд негативных отзывов из Правительства, данный законопроект был снят с рассмотрения, но лишь затем, чтобы быть внесенным заново в 1997 г. с минимальными изменениями и под другим названием — “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”. Инициаторами внесения нового законопроекта стали депутаты Государственной Думы В.И. Зоркальцев, Г.Н. Махачев, А.В. Чуев. Обсуждение законопроекта растянулось на 7 лет и только в 2004 г. он поступил в Совет Госдумы, который снял его с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы.

С 1993 г. по 2004 г. в России фактически рассматривался практически один из тот же законопроект, который претерпел незначительные изменения в разных его вариантах, но сохранил общие положения и смысл. Согласно последнему варианту законопроекта от 1997 г., лоббистскую деятельность предлагалось определить, как “взаимодействие юридических и физических лиц с федеральными органами государственной власти и их представителями с целью оказания влияния на разработку и принятие указанными органами законодательных актов, административных, политических и иных решений в своих интересах или в интересах конкретных клиентов”²⁸. Законопроект устанавливал процедуру взаимодействия групп интересов с органами власти через механизм аккредитации, подконтрольный министерству юстиции. Лишь аккредитованные лоббисты и представители групп интересов имели право входить в здания федеральных органов власти и вступать в какой-либо контакт с официальными лицами. При этом группы интере-

²⁶ См.: Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 50–51.

²⁷ См.: Там же. С. 51.

²⁸ Проект Федерального закона N 97801795-2 от “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”.

сов трактовались максимально широко, как “юридические лица и их представители, осуществляющие коммерческую и некоммерческую деятельность”, представляющие отраслевые, региональные, корпоративные, общественные, частные и иные индивидуальные и групповые интересы²⁹.

Параллельно с рассматриваемым законопроектом “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти” депутаты третьего созыва Б.Б. Надеждин, Б.Е. Немцов, И.М. Хакамада в 2003 г. внесли альтернативный законопроект “О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”. Его главным отличием от законопроекта от 1997 г. было то, что он вводил более полную отчетность для лоббистов, но и предоставлял им больше прав, предложив легализовать их “участие в заседаниях участие в рабочих совещаниях, заседаниях комиссий, коллегий, комитетов и иных структур соответствующих федеральных органов государственной власти по вопросам, соответствующим целям лоббистской деятельности”³⁰. Однако данный законопроект так же был снят с рассмотрения Госдумой в 2005 г.

Следующая волна обсуждения законопроектов о регулировании лоббизма пришлась на середину 2010-х гг. Этому предшествовало принятие “Национального плана по противодействию коррупции” на 2012–2013 гг., утвержденного Президентом Д.А. Медведевым, в соответствии с которым на Минэкономразвития возлагалась обязанность организовать “обсуждение вопроса о формировании института лоббизма с представителями различных социальных групп, а так же изучить международный опыт регулирования лоббистской деятельности”³¹. В следующем плане на 2014–2015 гг., утвержденным Президентом В.В. Путиным, уже содержался пункт о разработке нормативной базы для создания в России легального института лоббизма³². Появление данного вопроса в политической повестке было связано с тем, что Россия с 2007 г. начала переговоры о присоединении к Организации по экономическому сотрудничеству и

²⁹ См.: Проект Федерального закона N 97801795-2 от “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”.

³⁰ Проект Федерального закона N 396138-3 “О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”.

³¹ Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2012 г. № 297 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2012 — 2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции”. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/34928> (дата обращения: 22.07.2022).

³² Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2014 г. № 226 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 — 2015 годы”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38316> (дата обращения: 22.07.2022).

развитию (ОЭСР), которая рекомендовала провести ревизию национального законодательства и закрепить четкие правила лоббизма.

Результатом поручений Президента и Правительства стало появление двух конкурирующих законопроектов: “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их представителей, коммерческих компаний, в том числе иностранных”, разработанный Минэкономразвития в 2014 г. и “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления”, разработанный группой во главе с депутатом Госдумы Н.В. Левичевым в 2013 г.

Оба документа уже не претендовали на универсализм законопроектов 1993–2005 гг. Проект Минэкономразвития предлагал установить правила, согласно которым государственные и муниципальные служащие должны были ежемесячно отчитываться и выкладывать в интернет информацию о том, с представителями каких коммерческих и некоммерческих групп интересов они встречались³³. Причем из предложенных норм исключались члены Федерального Собрания, так как, по мнению составителей законопроекта, законотворческая деятельность в реальности ведется в Правительстве и ее необходимо регулировать в первую очередь. По сути за основу брался немного видоизмененный британский подход, который предполагал повышение ответственности для госслужащих во взаимодействии с лоббистами.

Законопроект Н.В. Левичева предлагал диаметрально противоположный подход — переложить ответственность на сообщество лоббистов, которые должны были создать саморегулирующуюся организацию, определяющую основные этические нормы для самих лоббистов. Кроме того, данный законопроект был направлен на взаимодействие исключительно бизнес-групп с органами власти, исключив некоммерческие и целевые группы интересов³⁴.

³³ См.: Проект Федерального закона “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей, коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе иностранных, и их уполномоченных представителей” (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.12.2014).

³⁴ См.: Проект Федерального закона N 833158-6 “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления” (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.07.2015).

Ни один из указанных законопроектов в итоге не был принят. Дальнейшая работа над проектом Минокомразвития прекращена в 2016 г., законопроект Н.В. Левичева был возвращен на доработку в 2015 г., а после повторного внесения снят с рассмотрения Госдумой в 2016 г. Последний раз вопрос о регулировании лоббизма поднимался в 2019 г., когда заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции А.Б. Выборный сообщил, что депутаты начнут работу над новым законопроектом, однако никаких дальнейших движений в этом направлении сделано не было³⁵.

Существует целый ряд причин, по которым, несмотря на многочисленные обсуждения и законопроекты, поручения Президента и Правительства, в России до сих пор не был принят закон о лоббизме.

Во-первых, как представители власти, так и группы интересов расколоты во мнениях относительно перспектив такого закона. Многие политики, лоббисты и эксперты справедливо отмечают, что закон о лоббизме не обязательно приведет к кардинальным изменениям во взаимодействии групп интересов и органов власти. Рассмотренный в данной диссертации опыт стран Центральной и Восточной Европы, которые пошли по пути государственного регулирования лоббизма, в целом подтверждает данное мнение. В Польше, Венгрии, Литве подобные законы носили декларативный характер и в реальности практически не регулировали теневой лоббизм. Особенно это касается реестров лоббистов, которые предполагают раскрытие информации о контактах с представителями власти и предмете лоббизма.

Ни представители власти, ни группы интересов не желают раскрывать связей друг с другом, так как их полностью устраивают сложившиеся неформальные правила. Как справедливо отмечает П.Я. Фельдман, в случае принятия закона «лоббисты не будут в полной мере раскрывать информацию о своей профессиональной деятельности»³⁶. К тому же лоббисты зачастую опасаются чрезмерного контроля и бюрократизации со стороны государства, так как за аккредитацию лоббистов будут отвечать органы власти.

Не стремятся к большей прозрачности и представители власти, у многих из которых существуют тесные, доверительные отношения с группами интересов, которые они не хотят афишировать. Кроме того, значительная часть субъектов лоббизма представлена госу-

³⁵ См.: В Госдуме сообщили о проработке проекта о легализации лоббизма для борьбы с коррупцией // ТАСС. 2019.09.01. URL: <https://tass.ru/politika/5981098> (дата обращения: 22.07.2022).

³⁶ Фельдман П.Я. Нужен ли России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2. С. 121.

дарственными компаниями или компаниями подконтрольными государству. Для такого рода групп интересов в принципе не нужны законодательно оформленные правила лоббизма, так как они и без этого имеют постоянный, гарантированный доступ к центрам принятия решений. Иными словами, повышение прозрачности выгодно далеко не всем субъектам и объектам лоббизма.

Во-вторых, в условиях федерализма одного закона о лоббизме будет недостаточно. В России значительная часть взаимодействия групп интересов с органами власти происходит на уровне субъектов федерации, а потому важно гармонизировать федеральное и региональное законодательство о лоббизме, как это происходит в США, Канаде или Австралии. В этих странах первые режимы регулирования лоббизма были изначально созданы именно на региональном уровне и лишь затем распространились на федеральный. То же самое касается и ряда унитарных государств. В Италии и Испании, в которых нет единого закона о лоббизме, создаются отдельные законы на уровне регионов, что создает предпосылки для дальнейшего переноса данной практики на национальный уровень. В современной России отдельные положения, касающиеся лоббизма, прописаны лишь в законе “О правотворчестве и нормативных правовых актах” Краснодарского края от 1995 г.³⁷ Однако серьезных дискуссий по данному направлению в регионах сегодня не ведется.

В-третьих, в России существует относительно небольшое количество профессиональных лоббистов, которые во многих странах двигают дискуссию о регулировании лоббизма. Хотя GR-отделы в крупных компаниях и профильные консалтинговые агентства постепенно развиваются, это все еще крайне замкнутый, небольшой круг специалистов, который, по некоторым оценкам, не превышает трех тысяч человек³⁸. В отличие от многих стран Запада, где количество профессионалов по связям с органами власти составляет десятки тысяч человек, в России это пока небольшое и недостаточно интегрированное сообщество. Впрочем, как будет показано ниже, процессы профессионализации лоббистского сообщества, запущенные в начале XXI в., создают важные предпосылки для саморегулирования данной отрасли.

В-четвертых, Россия в 2014 г. приостановила процесс вступления в ОЭСР, что было одним из ключевых стимулов для инициации

³⁷ См.: Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года N 7-КЗ “О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/461607123> (дата обращения: 22.07.2022).

³⁸ См.: Алмататов А. Доступ по правилам // Коммерсантъ Власть. 2015. № 43. С. 16.

регулирования лоббизма в планах по противодействию коррупции на 2012–2013 и 2014–2015 гг. Следование антикоррупционным стандартам многих международных институтов, включая прежде всего ООН, Совет Европы и ОЭСР, долгое время было важным подспорьем при обсуждении перспектив регулирования лоббизма. После поправок в Конституцию РФ в 2020 г., которые определили верховенство российского права над международным, роль данного фактора постепенно снижается, хотя вопрос о принятии и ратификации многих международных положений остается открытым.

Альтернативные механизмы регулирования лоббизма

Следует признать, что на настоящий момент принятие в России закона о лоббизме в англо-американском варианте с введением строгой отчетности для лоббистов и/или госслужащих и обязательной регистрацией лоббистов скорее всего окажется безрезультатным. Это не приведет к искоренению неформальных связей, закон будет попросту игнорироваться большинством лоббистов и госслужащих как это происходит во многих других странах. Это не значит, что стоит заранее отбрасывать все предложения, которые поднимались экспертами и законодателями в последние 30 лет. Однако инициатива по регулированию лоббизма должна исходить не только и не столько от государства, сколько от профессионального сообщества лоббистов, которое заинтересовано в формировании четких норм и правил игры.

Активный этап создания профессиональных ассоциаций лоббистов пришелся на 2000–2010-е гг. На настоящий момент в стране функционируют такие ассоциации лоббистов, как Национальная Лига специалистов по связям бизнеса и государства (GR-Лига), Комитет по отношениям с органами власти в Ассоциации менеджеров России (АМР), Комитет по GR при Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО). А.А. Дегтярев справедливо отмечает, что основные задачи профессиональных лоббистских ассоциаций должны заключаться в развитии и внедрении “правил профессиональной этики в практике работы общенационального, местных и отраслевых сообществ GR-специалистов и лоббистов”³⁹.

Следующим шагом на пути интеграции лоббистского сообщества должно стать объединение существующих ассоциаций, созданных на базе закона “О некоммерческих организациях”, в саморегулируемую организацию лоббистов (СРО) в соответствии с

³⁹ Дегтярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / Под ред. Л.Е. Ильичевой. М., 2012. С. 8.

федеральным законом “О саморегулируемых организациях” от 2007 г. Согласно данному закону, “саморегулируемая организация разрабатывает и утверждает стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности”, а также отвечает за ведение реестра членов организации⁴⁰. Идея создания СРО была сформулирована в законопроекте о регулировании лоббизма Н.А. Левичева в 2013 г., а также обсуждалась в середине 2010-х гг. на уровне Минэкономразвития. Однако данный процесс должен исходить не от Правительства или законодателей, а от самого профессионального сообщества.

Первое, чему должно способствовать создание СРО — это внедрение саморегулируемого профессиональным сообществом реестра лоббистов. В отличие от варианта с введением обязательного государственного реестра, который почти наверняка не будет рабочим, добровольный реестр должен ввести минимальные требования о добровольном раскрытии информации о лоббистах и их деятельности. Через аналогичный процесс прошли многие режимы регулирования лоббизма в мире, в том числе в Великобритании и Евросоюзе. При этом для Евросоюза, как и для многих других стран, добровольный реестр стал переходным этапом на пути внедрения обязательного реестра.

Другой важной функцией СРО является формирование этических кодексов и профессионального стандарта лоббизма. Единственный существующий на сегодня вариант этического кодекса лоббистов был создан в 2013 г. крупнейшей ассоциацией лоббистов — GR-Лигой⁴¹. Однако данный кодекс, во-первых, носит слишком рамочный характер, а, во-вторых, не отражает реальных поведенческих практик российских лоббистов, которые в значительной степени все еще следуют установленным неформальным правилам, нередко переходящих в коррупционные действия. И.Е. Минтусов и О.Г. Филатова, проанализировав мировой опыт этических стандартов в сфере лоббизма пришли к выводу, что основными принципами профессиональной этики лоббистов являются “честность, правдивость, открытость, соблюдение закона и норм морали, служение обществу”⁴². Этический кодекс должен быть крайне подробным,

⁴⁰ См.: Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 11.06.2021) “О саморегулируемых организациях”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 22.07.2022).

⁴¹ См.: Кодекс этики Российских специалистов по взаимодействию с органами власти. URL: <https://rumiantsev.ru/a877/> (дата обращения: 22.07.2022).

⁴² Минтусов И.Е., Филатова О.Г. Этика GR-коммуникаций в общеевропейской и российской практике: сравнительный анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 4. С. 89.

содержать в себе конкретные нормы снижения коррупционных рисков и урегулирования конфликтов интересов, четкие принципы работы с конфиденциальной информацией, вопросы профессиональной подготовки и переподготовки и пр.⁴³

Создание и внедрение профессиональных стандартов является не менее важным направлением на пути формирования правил лоббизма внутри данного сообщества. В середине 2010-х гг. Министерство труда уже рассматривало профессиональный стандарт, разработанный GR-Лигой, “Специалист по связям с органами государственной власти, органами местного самоуправления, некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации”, однако дальнейшая работа с документом прекратилась в 2017 г.⁴⁴. Создание СРО должно способствовать дальнейшему продвижению профессиональных стандартов, направленных на развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров, “обладающих знаниями и опытом в таких областях, как политический и административный процесс, юриспруденция, профильные сферы отстаивания интересов”⁴⁵. Важнейшей целью внедрения профессионального стандарта является так же легитимация профессии лоббиста в России, которая общественным мнением все еще воспринимается скорее негативно, так как лоббизм плотно связан с коррупцией и теневой деятельностью.

Другим ключевым компонентом становления режима регулирования лоббизма в России должен стать дальнейшее совершенствование антикоррупционного законодательства. Унаследовав неформальные практики из позднесоветской эпохи, активная фаза становления лоббизма в современной России пришлась на стремительную криминализацию власти и собственности в 1990-е гг., что не могло не отразиться на лоббистских практиках. С законодательной точки зрения Россия не была готова к столь быстрому развитию коррупции, а потому потребовались многие годы, чтобы в правовой системе укрепились нормы, определяющие понятие и формы коррупции, а так же способы ее предотвращения.

⁴³ См.: Павроз А.В. Этические принципы лоббизма в условиях современной демократии // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 2. С. 93–95.

⁴⁴ См.: Профессиональный стандарт “Специалист по связям с органами государственной власти, органами местного самоуправления, некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации”. Минтруд России. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/reestr-uvedomleniy-o-razrabotke-peresmotre-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=64182 (дата обращения: 22.07.2022).

⁴⁵ Кириллина В.Н., Яникеева И.О. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 1. С. 8.

Важным шагом на этом пути стало принятие в 2008 г. федерального закона “О противодействии коррупции”⁴⁶. Помимо этого, в законодательстве появилось понятие конфликта интересов и ответственности за него, госслужащих и парламентариев обязали отчитываться о доходах, а механизм государственных закупок стал более прозрачным. В России существует реестр уволенных за утрату доверия лиц, которые не урегулировали конфликт интересов, не задекларировали доходы или нарушили запреты и ограничения.

В то же время в российском праве присутствует и ряд проблемных точек. В частности, до сих пор не создано механизмов защиты прав заявителей о коррупции. Хотя Россия в 2006 г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, две ее статьи — о защите прав заявителей (статья 33) и об уголовной ответственности за незаконное обогащение чиновников (статья 20) не имплементированы до сих пор⁴⁷. Кроме того, во время встречи “Группы 20” в 2010 г. был принят Антикоррупционный план действий, в рамках которого Россия, как участница “Группы 20”, приняла на себя обязательства по его исполнению, в том числе, касающиеся усиления юридической защиты заявителей о коррупции⁴⁸. После этого министерство труда дважды инициировало разработку законопроекта о защите прав заявителей о коррупции, в котором был прописан подробный механизм защиты самих заявителей и их близких, вводились инструменты мотивации подачи подобных заявлений. Дума даже приняла в первом чтении в 2017 г., однако затем сама же сняла с рассмотрения в 2019 г. в связи “с утратой актуальности”.

Другим важным направлением развития антикоррупционного законодательства должны стать нормы, регулирующие возмещение вреда от коррупции. Это будет способствовать снижению рисков как взяточничества со стороны официальных лиц, так и взяточничества со стороны лоббистов. По факту в России существует практика возмещения вреда от коррупции по решению судов, однако отдельного закона, который регламентировал бы данную проце-

⁴⁶ См.: Федеральный закон “О противодействии коррупции” от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 22.07.2022).

⁴⁷ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 22.07.2022).

⁴⁸ См.: Информация о подготовке Минтрудом России проекта федерального закона, направленного на защиту лиц, сообщивших о коррупционном правонарушении. Законопроект “О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов”. URL: <https://www.government-nnov.ru/?id=187900> (дата обращения: 22.07.2022).

дуру, не существует. Важным шагом на пути развития данной части антикоррупционного законодательства могла бы стать ратификация Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Конвенция предусматривает введение четких процедур возмещения лицам, пострадавшим от коррупции⁴⁹. Принятие конвенции Конвенция упоминались в нескольких национальных планах по противодействию коррупции, однако она до сих пор не принята Российской Федерацией.

В сторону более инклюзивного института лоббизма

Проблема в развитии российского института лоббизма заключается не в законе о лоббизме *per se*, а в повышении прозрачности принимаемых решений и созданию таких условий, при которых доступ к центрам власти смогут получать не только избранные группы крупного бизнеса, а процесс согласования и принятия интересов будет учитывать интересы общества. В более широком контексте проблема касается не только создания четких механизмов лоббизма и минимизации коррупции, но и общей модели, в рамках которой должно осуществляться взаимодействие организованных групп и общества.

Очевидно, что либеральный плюрализм в том виде, в котором он развился в России в 1990-е гг., привел к значительному дисбалансу в пользу частных интересов или, пользуясь терминологией Г. Алмонда, “специальных интересов”. В 2000–2010-е гг., при сохранении влияния крупного бизнеса, значительно усилилась роль государственных групп интересов, как активных субъектов лоббизма. В итоге в развитии системы групп интересов совпало два вектора — сверхлиберализация с одной стороны и этатизация с другой. В этой модели на заднем плане оказался средний уровень, представленный корпоративистскими институтами, основная задача которых заключается в поддержании баланса между частными и общественными интересами.

Корпоративизм в России имеет все основания служить противовесом как плюрализму, основанному на торжестве частного интереса, так и чрезмерному огосударствлению института лоббизма. На примере ряда современных стран западной и северной Европы можно видеть, как традиции солидарности, диалога и компромисса формируют специфическую культуру взаимодействия групп интересов и органов власти. Это культура, которая построена на согла-

⁴⁹ См.: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Принята в Страсбурге, 4 ноября 1999 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901858911> (дата обращения: 22.07.2022).

совании интересов основных групп общества через головные, зонтичные организации, которые должны эффективно представлять интересы предпринимателей и работников при посреднической роли государства.

Как было показано выше, в истории России уже возникали корпоративистские механизмы, которые более всего соответствовали вековым традициям соборности и коллективизма. Во времена поздней монархии шел процесс становления предпринимательских ассоциаций, которые брали на себя функции интеграции интересов предпринимательского сообщества. В этих условиях у отдельных частных групп фактически не было возможности продвигать свои частные интересы, так как они должны были прежде согласовать свою позицию с отраслевыми ассоциативными объединениями, которые затем во взаимодействии с представителями власти коллективно решали вопросы в основных отраслях и регионах. В 1920-е гг. в годы нэпа, к возродившимся ассоциациям предпринимателей добавилось сильное профсоюзное движение и были созданы институциональные основы для социального партнерства.

В России с начала 1990-х гг. начался очередной исторический виток становления институтов корпоративизма и социального партнерства. Развивались ассоциации предпринимателей, новые профсоюзы, создавались трипартистские институты, такие как трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, отдельные трехсторонние комиссии на уровне регионов. Правовые основы социального партнерства были прописаны в Трудовом кодексе, который установил права работодателей и работников, определил основные органы социального партнерства, ввел порядок заключения коллективных договоров⁵⁰.

Однако дальнейшее развитие корпоративизма и социального партнерства в России натывается на несколько преград. Первое и самое главное — в России тормозится дальнейшее становление основных корпоративистских структур. Деятельность ассоциации предпринимателей регламентирована только в части торгово-промышленных палат. Остальные бизнес-ассоциации вынуждены оформляться как общественные организации, хотя очевидно, что их статус ближе к торгово-промышленным объединениям. Заслуживает внимания мнение В.Н. Кириллиной и Д.Р. Попова, которые

⁵⁰ См.: Раздел II. Социальное партнерство в сфере труда. “Трудовой кодекс Российской Федерации” от 30.12.2001. №197-ФЗ (ред. от 28.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/addd79960fa4a5f2a217e-92d5007516ac36ee15b/ (дата обращения: 22.07.2022).

считают целесообразным расширить действие закона о торгово-промышленных палатах на все основные объединения предпринимателей, включая РСПП, “Деловую Россию” и “Опору России”⁵¹.

Другой проблемой является сохраняющаяся слабость профсоюзного движения. Профсоюзы не способны мотивировать работников на участие в жизни профсоюзов, слабо регулируют трудовые отношения на местах, профсоюзные лидеры в целом малоинициативны и предпочитают не вступать в споры с администрацией предприятий⁵². Это делает профсоюзную вертикаль достаточно слабой в общем механизме социального партнерства.

Еще одним слабым звеном российской системы социального партнерства является фактическое отсутствие значимых объединений работодателей, которые так и не удалось создать в последние десятилетия. По этой причине “больше половины общероссийских отраслевых соглашений подписаны только министерствами и ведомствами без участия работодателей и бизнес-структур”⁵³. Бизнес объединения нацелены на отстаивание интересов предпринимателей и значительно меньше внимания уделяют переговорам по трудовым договорам. Данная ситуация является частным случаем более общей проблемы, которая уже рассматривалась выше — в России трудно происходит становление профессиональных ассоциаций, профессиональным сообществам не хватает координации усилий и сильного организационного начала.

Корпоративистская составляющая в России проявляется скорее в административном русле, когда органы власти пользуются своим влиянием, чтобы прямо или косвенно контролировать деятельность ведущих групп интересов. Слова, сказанные С.П. Перегудовым в 1994 г., являются актуальными и сегодня: “Мы имеем дело не с превращением бюрократического корпоративизма тоталитарного государства в либеральный неокорпоративизм государства демократического, а скорее с возникновением новой, специфически российской формы либерально-бюрократического корпоративизма”⁵⁴. Данная форма корпоративизма проявляется с одной стороны в стремлении групп интересов из отдельных отраслей создавать кон-

⁵¹ Кириллина В.Н., Попов Д.Р. Проблема институционализации бизнес объединений в России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3. С. 155.

⁵² См.: Кривошеев Т.К. Социальное партнерство и корпоративизм: российская специфика // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 43.

⁵³ Михеев В. Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений как институт согласования интересов // Власть. 2013. № 4. С. 46.

⁵⁴ Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 5. С. 73.

солидированные способы защиты и согласования своих интересов, с другой — в монополистических тенденциях со стороны государства, которое старается контролировать отдельные отрасли либо путем создания государственных компаний, либо прямым или косвенным контролем отдельных ключевых предприятий.

Трудности развития российского корпоративизма связаны со спецификой системы групп интересов и сложившихся механизмов согласования решений. Институт корпоративизма и социального партнерства не смогли стать инклюзивными, они подчинены логике межэлитного взаимодействия. Например, в ключевом на настоящий момент трипартистском институте — Трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений — координация всех ключевых вопросов и коллективных договоров происходит между заместителем Председателя Правительства, главой ФНПР и главой РСПП. В этом процессе не участвуют ни другие объединения профсоюзов, ни прочие объединения предпринимателей. Очевидно, что практика корпоративизма и социального партнерства должна пронизывать всю систему групп интересов и если не заместить собой (что представляется малореальным), то стать альтернативой неформальному плюрализму. Для этого следует пойти по пути реструктуризации основных корпоративных групп, сформировать для них адекватные институты представительства, нормативно-правовую базу, выработать практики коллективно-договорного регулирования и правил игры в целом. Наряду с процессами профессионализации сообщества лоббистов, развитие корпоративизма является важнейшим элементом регулирования и саморегулирования института лоббизма, так как это создает предпосылки для более легитимных в общественном сознании институтов представительства интересов, направленных на реализацию общих, а не частных или бюрократических интересов.

Заключение

Развитие режима регулирования лоббизма в современной России не должно упираться в вопрос закона о лоббизме. Проблема стоит гораздо шире и касается общей модели, согласно которой должен развиваться институт лоббизма в стране. В настоящее время российская система групп интересов развивается в логике плюрализма и этатизма, которые приводят к образованию неформальных сетей влияния, построенных вокруг защиты интересов частных или государственных компаний. Принятие закона о лоббизме, особенно если он будет принят в англо-американском варианте, является преждевременным шагом, он почти наверняка окажется дисфункциональ-

ным, поскольку ни группы интересов, ни органы власти не пойдут на раскрытие инсайдерской информации о реальных каналах взаимодействия и обсуждаемых вопросах.

Вместо этого следует сосредоточиться на развитии культуры лоббизма, чтобы превратить его из неформального и нелегитимного в общественном сознании института в институт, построенный на цивилизованных формах взаимодействия. Для этого необходимо развивать систему этических норм и профессиональный стандарт для лоббистов, совершенствовать антикоррупционное законодательство. Но самое главное состоит в смещении фокуса с лоббизма, построенного на частных интересах, на лоббизм, который отражал бы общественные интересы. Этому должно способствовать развитие нормативной и этической базы российского корпоративизма, как среднего пути между либерализацией и усилившейся роли государства. Необходимо усилить роль ассоциативных объединений, агрегирующих групповые интересы в конкретных отраслях, профессиональных сообществах и регионах, а так же реформировать и создать легальные механизмы согласования и продвижения этих интересов в органах власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмататов А. Доступ по правилам // Коммерсантъ Власть. 2015. № 43.
- Дегтярев А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте // Государство, бизнес, общество: современные теории и российские реалии / Под ред. Л.Е. Ильичевой. М., 2012.
- Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года N 7-КЗ “О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края”.
- Закон РФ “О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации” от 19.06.1992 N 3085-1 (последняя редакция).
- Закон РФ “О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации” от 07.07.1993 N 5340-1 (последняя редакция).
- Кириллина В.Н., Попов Д.Р. Проблема институционализации бизнес объединений в России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3.
- Кириллина В.Н., Яникеева И.О. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 1.
- Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года.
- Конституция Российской Федерации. М., 2021.
- Кривошеев Т.К. Социальное партнерство и корпоративизм: российская специфика // Социологические исследования. 2004. № 6.
- Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.
- Минтусов И.Е., Филатова О.Г. Этика GR-коммуникаций в общеевропейской и российской практике: сравнительный анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 4.

Михеев В. Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений как институт согласования интересов // Власть. 2013. № 4.

Павроз А.В. Этические принципы лоббизма в условиях современной демократии // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 2.

Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 5.

Постановление Правительства РФ “О Правительственной комиссии по развитию телерадиовещания” от 22 мая 2006 г.

Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. N 260 “О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации”.

Проект Федерального закона “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей, коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе иностранных, и их уполномоченных представителей”.

Проект Федерального закона N 396138-3 “О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”.

Проект Федерального закона N 833158-6 “О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления” (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.07.2015).

Проект Федерального закона N 97801795-2 от “О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти”.

Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М., 2019.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. №197-ФЗ (редакция от 28.06.2021).

Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2014 г. № 226 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 — 2015 годы”.

Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2012 г. № 297 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции”.

Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849 “О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе”.

Указ Президента РФ от 06.04.2004 N 490 (редакция от 07.03.2020) “Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации”.

Федеральный закон “О политических партиях” от 11.07.2001 N 95-ФЗ (последняя редакция).

Федеральный закон “О противодействии коррупции” от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция).

Федеральный закон “О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений” от 01.05.1999 N 92-ФЗ (последняя редакция).

Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (редакция от 11.06.2021) “О саморегулируемых организациях”.

Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (редакция от 02.07.2021) “О некоммерческих организациях”.

Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (редакция от 30.12.2020) “Об общественных объединениях”.

Фельдман П.Я. Нужен ли России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2.

REFERENCES

Almatatov A. Dostup po pravilam [Access according to the rules] // Kommersant” Vlast’. 2015. N 43 (in Russian).

Degtyarev A.A. O roli formal’nyh principov i neformal’nyh pravil v sovremennom GR-menedzhmente [On the role of formal principles and informal rules in modern GR management] // Gosudarstvo, biznes, obshchestvo: sovremennye teorii i rossijskie realii / Pod red. L.E. Il’ichevoj. M., 2012 (in Russian).

Federal’nyj zakon “O politicheskikh partijah” ot 11.07.2001 N 95-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Political Parties” of July 11, 2001 N 95-FZ (last edition)] (in Russian).

Federal’nyj zakon “O protivodejstvii korrupcii” ot 25.12.2008 N 273-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Combating Corruption” dated December 25, 2008 N 273-FZ (last edition)] (in Russian).

Federal’nyj zakon “O Rossijskoj trekhstoronnej komissii po regulirovaniyu social’no-trudovyh otnoshenij” ot 01.05.1999 N 92-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On the Russian tripartite commission for the regulation of social and labor relations” dated 01.05.1999 N 92-FZ (last edition)] (in Russian).

Federal’nyj zakon ot 01.12.2007 N 315-FZ (redakciya ot 11.06.2021) “O samoreguliruemym organizacijah” [Federal Law N 315-FZ of December 1, 2007 (as amended on June 11, 2021) “On Self-Regulating Organizations”] (in Russian).

Federal’nyj zakon ot 12.01.1996 N 7-FZ (redakciya ot 02.07.2021) “O nekommercheskich organizacijah” [Federal Law N 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on July 2, 2021) “On Non-Commercial Organizations”] (in Russian).

Federal’nyj zakon ot 19.05.1995 N 82-FZ (redakciya ot 30.12.2020) “Ob obshchestvennyh ob’edineniyah” [Federal Law N 82-FZ of May 19, 1995 (as amended on December 30, 2020) “On Public Associations”] (in Russian).

Fel’dman P. Ya. Nuzhen li Rossii zakon o lobbizme? [Does Russia need a law on lobbying?] // Vlast’. 2014. N 2 (in Russian).

Kirillina V.N., Popov D.R. Problema institucionalizacii biznes ob’edinenij v Rossii [The problem of institutionalization of business associations in Russia] // Biznes. Obshchestvo. Vlast’. 2020. N 2–3.

Kirillina V.N., Yanikeeva I.O. K voprosu o lobbistskoj deyatel’nosti v sovremennoj Rossii [To the question of lobbying activity in modern Russia] // Biznes. Obshchestvo. Vlast’. 2017. N 1 (in Russian).

Konvenciya Organizacii Ob’edinennyh Nacij protiv korrupcii. Prinyata rezolyuciej 58/4 General’noj Assamblei ot 31 oktyabrya 2003 goda [United Nations Convention against Corruption. Adopted by General Assembly resolution 58/4 of 31 October 2003] (in Russian).

Konstituciya Rossijskoj Federacii [The Constitution of the Russian Federation]. M., 2021 (in Russian).

Krivosheev T.K. Social’noe partnerstvo i korporativizm: rossijskaya specifika [Social partnership and corporatism: Russian specificity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. N 6 (in Russian).

Lyubimov A.P. Istoriya lobbizma v Rossii [History of lobbying in Russia]. M., 2005 (in Russian).

Miheev V. Rossijskaya trekhstoronnaya komissiya po regulirovaniyu social'no-trudovyh otnoshenij kak institut soglasovaniya interesov [Russian tripartite commission for the regulation of social and labor relations as an institution for harmonizing interests] // *Vlast'*. 2013. N 4.

Mintusov I.E., Filatova O.G. Etika GR-kommunikacij v obshcheevropejskoj i rossijskoj praktike: sravnitel'nyj analiz [Ethics of GR communications in common European and Russian practice: a comparative analysis] // *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. 2015. Iss. 4 (in Russian).

Pavroz A.V. Eticheskij principy lobbizma v usloviyah sovremennoj demokratii [Ethical principles of lobbying in the conditions of modern democracy] // *POLITEKS*. 2015. T. 11. N 2 (in Russian).

Peregudov S.P. Organizovannye interesy i rossijskoe gosudarstvo: smena paradigm [Organized interests and the Russian state: a paradigm shift] // *Polis*. 1994. N 5 (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva RF "O Pravitel'svennoj komissii po razvitiyu teleradioveshchaniya" ot 22 maya 2006 g. [Decree of the Government of the Russian Federation "On the Government Commission for the Development of Television and Radio Broadcasting" dated May 22, 2006] (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 iyunya 2004 g. N 260 "O Reglamente Pravitel'stva Rossijskoj Federacii i Polozhenii ob Apparate Pravitel'stva Rossijskoj Federacii" [Decree of the Government of the Russian Federation of June 1, 2004 N 260 "On the Regulations of the Government of the Russian Federation and the Regulations on the Office of the Government of the Russian Federation"] (in Russian).

Proekt Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovaniya mekhanizma vzaimodejstviya organov vlasti i predstavitelej obshchestvennyh ob'edinenij, individual'nyh predprinimatelej, kommercheskih i nekommercheskih organizacij, v tom chisle inostrannyh, i ih upolnomochennyh predstavitelej" [Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Improving the Mechanism for Interaction between Authorities and Representatives of Public Associations, Individual Entrepreneurs, Commercial and Non-Commercial Organizations, including Foreign ones, and Their Authorized Representatives"] (in Russian).

Proekt Federal'nogo zakona N 396138-3 "O lobbistskoj deyatel'nosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti" [Draft Federal Law N 396138-3 "On lobbying activities in federal government bodies"] (in Russian).

Proekt Federal'nogo zakona N 833158-6 "O poryadke prodvizheniya interesov kommercheskih organizacij i individual'nyh predprinimatelej v organah gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya" (redakciya, vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 07.07.2015) [Draft Federal Law N 833158-6 "On the Procedure for Promoting the Interests of Commercial Organizations and Individual Entrepreneurs in State Authorities and Local Self-Government Bodies" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 07.07.2015)] (in Russian).

Proekt Federal'nogo zakona N 97801795-2 ot "O pravovyh osnovah lobbistskoj deyatel'nosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti" [Draft Federal Law N 97801795-2 "On the Legal Basis for Lobbying Activities in Federal Government Bodies"] (in Russian).

Tolstyh P.A. GR: polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskih reshenij, teorii i praktike lobbirovaniya [GR: A Complete Guide to Public Policy Development, Lobbying Theory and Practice]. M., 2019 (in Russian).

Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001. N 197-FZ (redakciya ot 28.06.2021) [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001. N 197-FZ (as amended on 06/28/2021)] (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.04.2014 g. N 226 “O Nacional’nom plane protivodejstviya korrupcii na 2014–2015 gody” [Decree of the President of the Russian Federation of April 11, 2014 N 226 “On the National Anti-Corruption Plan for 2014–2015”] (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.03.2012 g. N 297 “O Nacional’nom plane protivodejstviya korrupcii na 2012–2013 gody i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Prezidenta Rossijskoj Federacii po voprosam protivodejstviya korrupcii” [Decree of the President of the Russian Federation of March 13, 2012 N 297 “On the National Plan for Combating Corruption for 2012–2013 and Amending Certain Acts of the President of the Russian Federation on Combating Corruption”] (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.05.2000 g. N 849 “O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal’nom okruge” [Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2000 N 849 “On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District”] (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 06.04.2004 N 490 (redakciya ot 07.03.2020) “Ob utverzhdenii Polozheniya ob Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii” [Decree of the President of the Russian Federation of April 6, 2004 N 490 (as amended on March 7, 2020) “On approval of the Regulations on the Administration of the President of the Russian Federation”] (in Russian).

Zakon Krasnodarskogo kraya ot 6 iyunya 1995 goda N 7-KZ “O pravotvorchestve i normativnyh pravovyh aktah Krasnodarskogo kraya” [Law of the Krasnodar Territory dated June 6, 1995 N 7-KZ “On lawmaking and regulatory legal acts of the Krasnodar Territory”] (in Russian).

Zakon RF “O potrebitel’skoj kooperacii (potrebitel’skih obshchestvah, ih soyuzah) v Rossijskoj Federacii” ot 19.06.1992 N 3085-1 (poslednyaya redakciya) [Law of the Russian Federation “On consumer cooperation (consumer societies, their unions) in the Russian Federation” dated 19.06.1992 N 3085-1 (last edition)] (in Russian).

Zakon RF “O trgovo-promyshlennyyh palatah v Rossijskoj Federacii” ot 07.07.1993 N 5340-1 (poslednyaya redakciya) [Law of the Russian Federation “On Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation” dated 07.07.1993 N 5340-1 (last edition)] (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-62-84

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.К. Леонов, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируется роль инновационных СМИ, в частности Интернета, в процессе политической социализации российской молодежи, которая происходит в условиях глубоких социально-экономических и политических преобразований, глобализации и цифровизации. Трансформационный потенциал интернет-технологий неоспорим. Агрегаторы политических новостей, онлайн-блогеры, анонимные Telegram-каналы представляют широкий спектр политической информации и мнений. Рассматривая Интернет как революционное средство коммуникации, авторы предприняли анализ его основных характеристик, особенностей функционирования институтов политической социализации в условиях цифровизации, роль онлайн-активизма, цифровых форм протеста как детерминант политической социализации. Обоснована важность адекватной оценки роли инновационных медиа в политической социализации молодежи, в формировании политической субъективности молодых российских граждан.

Ключевые слова: средства массовой информации, интернет, цифровизация, российская молодежь, политическая социализация, политический активизм.

THE ROLE OF THE INTERNET IN THE POLITICAL SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Samsonova Tatiana N., PhD in political science, professor, Department of politology and the sociology of political processes, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ashberry@mail.ru

Leonov Evgeniy K., master's student, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: e.kn.leonov@gmail.com

* **Самсонова Татьяна Николаевна**, e-mail: ashberry@mail.ru

** **Леонов Евгений Константинович**, e-mail: e.kn.leonov@gmail.com

The article analyzes the role of innovative mass media, in particular Internet in the process of political socialization of the Russian youth, taking place in the context of deep socioeconomic and political transformations, globalization and digitalization. The transformational potential of Internet technologies is undeniable today. Political news aggregators, online bloggers, anonymous Telegraph channels present a broad range of political information and opinion. Considering the Internet as a revolutionary means of communication, the authors carried out an analysis of its main characteristics, features of the functioning of institutions of political socialization in the context of digitalization, the role of online activism, digital forms of protest as determinants of political socialization. The importance of an adequate assessment of the role of innovative media in the political socialization of young people, in shaping the political subjectivity of young Russian citizens is obvious.

Key words: mass media, the Internet, digitalization, Russian youth, political socialization, political activism.

В Интернете самое главное —
слова и воображение.
Януш Вишневский

В моем мире, если нет в Сети,
значит, не существует.
Цитата из фильма
“Американский палач”

Статья 2

Институты политической социализации в условиях цифровизации

Институты политической социализации (это, прежде всего, государство, семья, школа, армия, СМИ) претерпевают в условиях информационного общества, цифровизации значительные изменения. Относительно их роли в процессе социализации ведутся масштабные научные споры: часть исследователей считает, что все традиционные институты утрачивают свое влияние при повышении значимости интернета, другие же убеждены в их способности адаптироваться к новым условиям.

В современной социологии довольно хорошо изучена взаимосвязь между семьей и системой средств массовой коммуникации (СМК) и СМИ. Отмечается, что в процессе получения новой информации о политической системе члены семьи могут влиять на ее усваивание социализантом, комментируя те или иные события, раскрывая значение неизвестных терминов, устраивая обсуждения новостной повестки. При этом на политическую социализацию индивида будет влиять как наличие вышеперечисленных явлений в семье, так и их отсутствие. Отношения между новыми средствами

коммуникации и семьей в процессе политической социализации можно назвать взаимодополняющими¹.

Говоря об институте семьи в условиях информационного общества, нельзя не упомянуть развернувшуюся в отечественной науке дискуссию между сторонниками модернистской парадигмы и кризисной модели развития семьи. Так, А.Б. Синельников, критикуя теорию второго демографического перехода, отмечает, что в условиях высокой разводимости разрушенные брачные союзы не компенсируются повторными, а статус сожительства, который в модернистской литературе приравнивается к браку, является промежуточной формой между законным браком и одиночеством².

Ряд исследователей считают снижение роли семьи в процессе формирования политических ориентаций младшего поколения одним из признаков социальной неопределенности, что обусловлено высокой занятостью представителей среднего и старшего поколения, малодетностью, высокой разводимостью и общим кризисом культурных традиций³. Однако, признавая кризисное положение института семьи в современном обществе, все же нельзя не отметить, что для социализантов семья по-прежнему является важным институтом формирования политических ориентаций.

Коммуникация в онлайн-пространстве детерминирована устоявшимися в обществе поведенческими практиками, которые и формируют пользовательские привычки. Вместе с тем средства массовой коммуникации (СМК) и информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) оказывают непосредственное влияние на то, каким образом складываются отношения в реальном мире⁴. Другими словами, практики, связанные с использованием гаджетов, во многом обусловлены влиянием социального порядка и устоявшимися в обществе поведенческими паттернами. Нормативность или ненормативность порядка использования современной техники является результатом и существующих социальных правил, и формирования новых на основе практической деятельности⁵.

¹ См.: Тарасова Е.Г. Семья как агент политической социализации // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 27.

² См.: Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. № 1. С. 108.

³ См.: Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 43.

⁴ См.: Kitchin R., Dodge M. Code/space: Software and Everyday Life. Cambridge, 2011.

⁵ См.: Forlano L. Making Waves: Urban Technology and the Co-production of Place // First Monday. Vol. 18. N 11. 2013. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4968/3797> (дата обращения: 25.09.2021).

Скорость развития ИКТ и распространения практики их повседневного использования растет значительно быстрее скорости выработки социальных навыков взаимодействия социализантов с цифровыми средствами связи⁶. На фоне этого дисбаланса в семьях возникает множество принципиально новых проблем: родители могут опасаться возникновения зависимости от интернета у своих детей и при этом испытывать фрустрацию от недостатка знаний об СМК и своей некомпетентности по техническим вопросам. В большинстве случаев оценка поведения подрастающего поколения в цифровой среде происходит на основе противопоставления использования технологий для учебы и работы или для развлечения и досуга. Вместе с усложнением структуры Интернет-пространства границы между “полезным” и досуговым использованием социальных сетей постепенно стираются. Поэтому в социологии семьи все большую остроту и актуальность приобретают исследования, направленные на изучение восприятия родителями различных поведенческих практик взаимодействия с СМК.

Примечательно в данном контексте исследование П.В. Колозариدي, посвященное изучению восприятия родителями использования цифровых устройств⁷. Опрошенные качественными методами жительницы города Москвы, имеющие одного и более детей, назвали разрушение связей и “включенности в момент” главным негативным последствием использования гаджетов. Многие указали, что СМК играют принципиальную роль для сохранения современной расширенной семьи и круга социальных связей. Респонденты часто обращали внимание на важность социальной оценки поведенческих практик, связанных с использованием цифровых технологий. Например, пользование смартфоном на детской площадке, где присутствуют родители других детей, некоторые считают переключением ответственности за своего ребенка на посторонних. Такая негативная оценка поведенческих практик во многом связана с формированием стихийной коллективности в рамках городского общественного пространства — так называемой “коллективной матери”. Пренебрежение родительскими обязанностями ради проверки социальных сетей и мессенджеров может вызвать общественное осуждение и раздражение.

Под влиянием глобализации в системе общего и специального образования, цифровизации учебного процесса, глубоким транс-

⁶ См.: Качкаева А.Г., Кирия И.В. Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 6–18.

⁷ См.: Колозариди П.В. Родители и гаджеты в большом городе // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 2. С. 149.

формациям подвержена школа как институт политической социализации. С распространением смартфонов, имеющих непрерывный доступ к интернету, преподаватель утратил роль единственного источника знаний в процессе обучения. В информационном обществе педагог выполняет иную функцию, помогая ученикам или студентам ориентироваться в широком информационном пространстве⁸. Расширение доступа к новым технологиям позволило в значительной мере преуспеть в преодолении разрыва между людьми, имеющими доступ к цифровым устройствам и гаджетам, и теми, кто такого доступа не имел. Однако развитие цифровой реальности поставило систему образования перед принципиально новой проблемой⁹: речь идет о разрыве между индивидами, которые используют цифровые технологии в профессиональной и творческой деятельности, и теми, кто использует гаджеты только в бытовых целях. Социологи указывают на третий уровень цифрового разрыва, который проявляется в ограничении жизненных шансов и возможностей индивида, реализации его гражданских прав, использования механизмов продвижения по карьерной лестнице и т.д. в результате отсутствия доступа к современным технологиям и низкого уровня индивидуальной цифровой грамотности. Кроме того, все чаще в социальных науках речь заходит о возникновении нового уровня цифрового разрыва, связанного с работой алгоритмов¹⁰.

Применение цифровых технологий в образовательном процессе подразумевает не просто внедрение этих средств, а пересмотр и разработку новых форматов обучения с использованием гаджетов, позволяет не только решить вышеупомянутую “цифровую пропасть”, но и персонализировать обучение и ускорить глобализационные процессы в системе образования¹¹. Это приводит к демократизации школы и образовательного процесса в целом, вместе с тем ослабляет государственный контроль над политической социализацией. Дифференциация образовательных программ, диверсификация источников получения информации, отход от модели образования сквозь

⁸ См.: Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. С. 91.

⁹ См.: Там же. С. 89.

¹⁰ См.: Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 175.

¹¹ См.: Крамаренко Н.С., Квашин А.Ю. Психологические и организационные аспекты введения цифрового образования, или как внедрение инноваций не превратить в “цифровой колхоз” // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 1.

призму официальной идеологии — все эти процессы, характерные только для информационной стадии развития общества (или приближения к ней).

К позитивным последствиям роли интернета в образовательной системе относят снижение экономических издержек образовательного процесса, его доступность, мобильность и гибкость. К негативным — ослабление способностей учеников и студентов к критическому осмыслению получаемой информации, а также опасения утраты национальной идентичности¹². В рамках осмысления цифровизации школы исследователи поднимают вопрос о необходимости соединения идеологического, духовного и функционального аспекта образования¹³. Так, Б.В. Марков предлагает обратиться к антропологическому анализу новых образовательных практик, пересмотру культурной и просветительской политики государственной власти, введению новых институциональных форм образовательного процесса, привлечению методических комиссий и внедрению современных наукометрических показателей.

В результате пандемии COVID-19 образовательные учреждения по всему миру, в том числе, на территории Российской Федерации были переведены на дистанционный формат обучения. Это привело к необходимости в кратчайшие сроки трансформировать образовательный процесс по самым разным аспектам: методическому, поведенческому, коммуникационному, управленческому и т.д. Глубокого научного осмысления эти события пока получить не успели: в научной среде проводятся многочисленные исследования с целью выявить отношение к дистанционному обучению у педагогов, родителей и учащихся. Так, в одном из подобных исследований, проведенных в последнее время, были опрошены жители нескольких регионов России¹⁴. В результате, более 50% преподавательского состава оценили дистанционное обучение в период карантина отрицательно, назвав главными технические проблемы (37,6%). 44,3% учащихся также отрицательно охарактеризовали дистанционное обучение, однако, по их мнению, ключевыми проблемами стали коммуникативные (34,3%) и проблемы личностного характера (23,8%). Среди родителей большинство описывают опыт удаленного образования как нейтральный (54,4%), в то время как 33,6% из них также охарактеризовали этот опыт как отрицательный. Основную

¹² См.: Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М., 2015. С. 18.

¹³ См.: Марков Б.В. Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты // Высшее образование в России. 2021. № 2. С. 109.

¹⁴ См.: Муратова Л.В., Муратова А.С., Орлова К.С. Дистанционное обучение: первичный анализ данных оценки текущей ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 286–288.

проблему родители, как и их дети, видят в нарушениях коммуникации между преподавателями и учениками (61,1%). Из этих результатов можно сделать вывод о том, что пандемия коронавируса стала серьезнейшим вызовом для образовательной системы, в котором большинство участников образовательного процесса (триумвират педагогов, родителей и учеников) дали дистанционному обучению негативную оценку. Важно, на наш взгляд, обратить внимание на то, как три категории респондентов по-разному описали возникшие перед ними трудности: представители преподавательского состава рассматривают недостатки такой формы обучения с технической стороны, а родители и ученики видят необходимость в пересмотре способов коммуникации в рамках онлайн-образования. Вместе с тем респонденты всех трех категорий высоко оценили возможности развития навыков самоорганизации и самодисциплины в условиях карантина.

Несмотря на светский характер Российской Федерации, значимым социальным институтом остается церковь. Исследователи, изучающие религиозность молодежи в условиях цифровизации, фиксируют снижение числа респондентов, относящих себя к той или иной религии¹⁵. Изучение проявлений религиозной идентичности в виртуальном пространстве показывает, что РПЦ, как и иные конфессии, представленные в Российской Федерации, пытаются освоить социальные сети и интернет-пространство для расширения возможностей прозелитистской деятельности. Однако и сами представители церкви признают, что их электронные ресурсы интересны только представителям профессиональных религиозных институтов¹⁶. Потенциально освоение технических возможностей, предоставляемых информационным обществом, может позволить увеличить количественные и качественные показатели религиозности россиян, однако в настоящий момент говорить о позитивных результатах цифровизации церкви не приходится.

Риторика российских религиозных лидеров в период пандемии COVID-19 привлекла внимание исследователей, с одной стороны, из-за длительного игнорирования ими угрозы заражения коронавирусом в начале пандемии и, с другой стороны, из-за перехода к активному использованию ИКТ во время карантина. Внутри РПЦ были очевидны колебания ее высших функционеров как по вопросам опасности нового заболевания, так и относительно перехода к

¹⁵ Романова А.П., Топчиев М.С., Черничкин Д.А., Дрягалов В.С., Rogov A.B. Влияние виртуального пространства на формирование религиозной идентичности студенческой молодежи (на примере юга России) // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. С. 114.

¹⁶ Там же. С. 115.

цифровой активности. Эта “турбулентность” вызвала существенные конфликты внутри РПЦ, которые в СМИ описывают как новый неофициальный раскол церкви. Его апогеем стала ситуация вокруг бывшего иеромонаха Сергия Романова в Среднеуральском женском монастыре в Екатеринбурге. Тем не менее, под натиском изменившихся условий за 2020 г. число личных блогов священнослужителей в социальных сетях радикально возросло, а некоторые таинства (например, исповеди) стало возможно проводить при помощи современных цифровых средств¹⁷.

В ряде исследований влияния церкви на процесс социализации отмечается распространение ее служителями эсхатологических настроений, конспирологических теорий и ксенофобии¹⁸. Так, в результате контент-анализа, проведенного в социальных сетях “ВКонтакте” и Facebook^{19*}, были выявлены тематические “очаги” стереотипизации и фрагментации политического мышления: среди них наиболее заметны антиамериканские и антисемитские настроения, конспирологические теории происхождения коронавируса, а также проявления так называемого эсхатологического сознания. Однако исследователи отмечают, что ключевая роль в этом процессе упрощения социального знания принадлежит все-таки не РПЦ, а традиционному для кризисных периодов апокалиптическому сознанию²⁰.

Обратимся к вопросу о влиянии цифровизации на армию. Популяризация военной службы в социальных сетях и в интернет-пространстве в целом началась еще в 2000 г., когда цифровая деятельность военных была регламентирована директивой министра обороны «О мерах по использованию сети “Интернет” в целях рекламно-информационного обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации». Был создан официальный сайт Министерства обороны, на котором изначально планировалось публиковать социальную информацию о деятельности ведомства. Однако в том же году был подписан приказ № 358 «О создании на базе Военного информационно-рекламного направления Министерства обороны РФ и Центра по распространению информации Федерального государственного учреждения Агентства “Военин-

¹⁷ См.: Федорова М.В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6. С. 71.

¹⁸ См.: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Эсхатологические представления в России в дискурсе постсоветских трансформаций // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 3. С. 115–139.

¹⁹ *Деятельность Facebook запрещена в Российской Федерации.

²⁰ Федорова М.В. Хайп-эсхатология или “игра в COVID-19”: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1. С. 6.

форм” Министерства обороны РФ»²¹. Было учреждено ведомственное информационное агентство, деятельность которого направлена на популяризацию военной службы среди молодежи, а также на создание и распространение социальной рекламы.

С тех пор Министерство обороны успешно развило целую сеть ведомственных информационных порталов и сайтов, которая сегодня насчитывает более 200 наименований. Исследователи обращают внимание, что официальные сайты Минобороны находятся в лидерах по посещаемости среди всех ведомственных интернет-ресурсов²². Официальный сайт Министерства обороны за 20 лет со своего учреждения превратился в полноценное ведомственное СМИ, которые публикует 50–100 сообщений и материалов в сутки, выполняя, в сущности, функции полноценного информационного агентства, а не просто пресс-службы силового ведомства.

Министерство обороны ведет также активную деятельность в крупнейших социальных сетях России — “ВКонтакте”, “Одноклассниках”, Instagram^{23*}, Twitter, YouTube и т.д. В основном на упомянутых платформах публикуются видео- и фотоматериалы с ведомственной социальной рекламой. На наш взгляд, инструментализация интернета Министерством обороны стала одним из приоритетных направлений в рамках реализации информационной политики. Среди институтов государственной власти в России армия пользуется высоким уровнем доверия молодежи, рассматривающей ее как гарант национальной безопасности²⁴.

Государственное регулирование интернет-пространства

В российской политической культуре доминирует патерналистская модель взаимодействия государства и гражданского общества²⁵. Аналогичная ситуация наблюдается и в государственной

²¹ См.: Приказ, Министр обороны Российской Федерации, «О создании Федерального государственного учреждения «Агентство “Военинформ” Министерства обороны Российской Федерации»», от 09.07.2000 г. № 358. URL: <https://www.voenprav.ru>

²² См.: Половенко О.П. Цифровизация социальной рекламы в Вооруженных Силах России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 301.

²³ * 21 марта 2022 г. деятельность Instagram запрещена в Российской Федерации.

²⁴ Российское «поколение Z»: установки и ценности (2019/2020) // «Фонд имени Фридриха Эберта» в Российской Федерации. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (Дата обращения: 15.09.2021).

²⁵ Самсонова Т.Н. Когда же взойдет «заря гражданственности новой» над Россией? (О формировании гражданской политической культуры в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. №3. С. 75.

политике в области интернет-коммуникаций. Россия, наряду с КНР, стала одним из двигателей идей цифрового суверенитета в мире. Цифровой суверенитет — это концепция, согласно которой национальное государство должно осуществлять контроль и управление цифровой сферой по вопросам доступа к ресурсам, публикуемой информации, проблемам нормативного регулирования коммуникации, развития инфраструктуры. В последние годы реализация идеи цифрового суверенитета активно набирает обороты, а действия государственной власти в данном направлении аргументируются необходимостью защиты национальных экономических интересов и обеспечения информационной безопасности²⁶.

Если говорить об альтернативных вариантах регулирования цифровой среды, то государству в данном вопросе противостоят крупнейшие международные корпорации — Facebook, Google, Amazon и т.д. Каждая из них может, вне зависимости от законов государства, на территории которого она функционирует, вводить собственные правила пользования разработанной цифровой экосистемой. Так, основатель социальной сети Facebook М. Цукерберг описал будущее устройство мирового интернета как глобальную “социальную структуру, объединяющую все человечество”²⁷. В данном варианте развития виртуальной сферы все социальные процессы будут происходить внутри глобальной структуры, в том числе, в политической сфере и в вопросах формирования гражданственности. Тем самым мировые информационные гиганты уже сегодня претендуют на часть функций, традиционно принадлежащих государству и институтам политической власти. Учитывая, что у социальных сетей есть возможности при помощи алгоритмов адресно подбирать информацию для пользователей по общественно-политическим вопросам, их деятельность становится серьезным вызовом для традиционных институтов власти.

Государства в последние годы активно занялись вопросами регулирования Интернета. В России в 2010–2020-е гг. значительно выросло количество законов, направленных на регулирование цифровой среды. Так, с 2016 г. в России вступил в силу так называемый “пакет Яровой”, предписывающий мобильным операторам до полугода хранить всю информацию, передаваемую пользователями; с 1 ноября 2019 г. — “закон о суверенном интернете”, который, по

²⁶ Грязнов С.А. Международное правовое регулирование киберпространства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №1-3. С. 83.

²⁷ Zuckerberg M. Building Global Community // Запись в социальной сети Facebook. 2017. URL: <https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/> (дата обращения: 10.09.2021).

версии инициаторов, направлен на обеспечение бесперебойной работы интернета на территории России в случае информационной атаки. Противники этого законопроекта критиковали его за создание предпосылок к государственному контролю над интернет-трафиком, угрозу цензуры и фильтрации информации, распространяемой в цифровой среде, за риск централизации и изоляции российского интернета по китайскому образцу.

Еще одним примером влияния органов государственной власти в России на онлайн-коммуникацию является деятельность Роскомнадзора (неудачная блокировка мессенджера Telegram, “замедление” социальной сети Twitter и т.д.). Аналогичные процессы происходят и в Евросоюзе, и в США. Многие эксперты предполагают, что расширение государственного участия в цифровой среде придет к образованию “государства-платформы”²⁸. При таком развитии цифровой среды государство будет не только в большей степени контролировать социализационные процессы в интернете, но и возьмет на себя обеспечение граждан разными вариантами решения жизненных ситуаций. Это возможно только при условии, что именно за государством закрепится доступ ко всем данным человека и право на управление ими через органы исполнительной власти. При этом заметна тенденция к расширению числа категорий данных, необходимых для успешного функционирования платформенного государства.

Сегодня государственная власть в России стремится выстраивать патерналистские отношения с различными IT-компаниями, например, принуждая их осуществлять хранение данных российских пользователей на территории страны, согласно упомянутому выше “пакету Яровой”. Расширение государственного контроля над СМК представляется исследователям наиболее вероятным вектором развития его деятельности в интернет-пространстве²⁹. Социально-политические последствия расширения государственных возможностей в цифровой среде пока трудно прогнозируемы, однако их характер говорит о том, что в этом процессе необходимо активное участие и сотрудничество гражданского общества.

Заслуживает внимания анализ действий политических партий в социальных сетях. Исследование активности в интернете новых

²⁸ Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа // Центр стратегических разработок. 2018. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet_21.05.2018.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

²⁹ Колозарики П.В. Интернет будущего: чем они могут быть для гражданского общества // Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества. 2020. № 1. С. 182.

российских политических партий³⁰ показало, что наибольшую эффективность в использовании СМК продемонстрировала партия “Новые люди”. Отмечался ее высокий потенциал на предстоящих выборах в Государственную Думу (что и подтвердили итоги выборов 2021 г.). Инструментальный потенциал социальных сетей активно использовала также партия “За правду” (с января 2021 г. она объединилась с партиями “Справедливая Россия” и “Патриоты России”).

Авторы указанного исследования сформулировали ряд рекомендаций для политического менеджмента в социальных сетях: 1) информационный поток должен отличаться целостностью; 2) наибольшее распространение получает неформальный контент; 3) партии должны эффективно использовать неполитический контент; 4) информационные сообщения должны носить адресный характер.

Социальные сети могут выступать крайне эффективным инструментом для политической агитации и мобилизации электората перед выборами. Однако политические партии не в полной мере используют их потенциал: для традиционных партий социальные сети зачастую становятся лишь инструментом информирования граждан, а понимание их как инструмента политической социализации и политизации, как правило, не находит своего практического выражения. Однако для осуществления эффективного процесса политической социализации партиям необходимо не просто информировать, но и вовлекать пользователей в формирование политической повестки. Социальные сети с их возможностями мгновенного получения обратной связи при понимании цифровой инфраструктуры (количественного и качественного состава аудитории, технических возможностей платформы, разнообразия форматов представления политического контента и т.д.) могут стать эффективной площадкой для диалога между потенциальными избирателями и политическими силами.

Онлайн-активизм, цифровые формы протеста как детерминанты политической социализации

В условиях, когда влияние традиционных институтов политической социализации под натиском процессов цифровизации и глобализации ослабевает, динамика этих процессов делает передачу политического опыта старшего и среднего поколения младшему недостаточной для равномерного воспроизводства и формирования политической культуры. Для стабильного функционирования по-

³⁰ См.: Азаров А.А., Бродовская Е.В., Лукушин В.А. Цифровые сообщества новых политических партий в России (2020 г.) // Власть. 2021. № 1. С. 77–83.

литической системы необходима гражданская культура, которая возможна только при условии успешной идентификации граждан на национальном уровне. Функционал государственной системы в политической социализации выражен в способности влиять на институты политической социализации. Гражданское воспитание осуществляется через СМИ, систему общего и специального образования, а также через формальные и неформальные общественные объединения, создаваемые в том числе политическими партиями. В рамках таких организаций выполняется важнейшая для существования системы функция политического рекрутирования. В последнее время в России особенно заметны попытки найти консолидирующие для общества ценности (“суверенная демократия”, “глубинный народ” и т.д.), что подтверждает роль государства в идентификационных процессах. Тем самым повышается и субъектность государства в политической социализации.

Интернет за последние годы превратился в пространство для политического активизма. Политические акции и гражданские инициативы распространяются даже в рамках таких неполитических сервисов, как приложения для романтических знакомств (*Tinder*) или платформы для размещения коротких развлекательных видеороликов (*TikTok*). Политически активные пользователи дэйтинг-овых приложений размещали в качестве фотографии своего профиля политические плакаты и карикатуры для постулирования своей позиции по важным общественно-политическим вопросам. Интернет-активизм из движения сторонников свободного нерегулируемого государством интернета в восприятии исследователей трансформировался в инструментальное использование онлайн-платформ для политизации. Политические мемы и иллюстрации стали рассматриваться социологами и политологами наравне с лозунгами, плакатами и листовками, которые используются на реальных протестах³¹. При этом все бóльшую актуальность приобретают исследования символической политической мобилизации. Ее ключевая особенность заключается в том, что политическая информация в рамках символической мобилизации либо вовсе не имеет текстового выражения, либо содержит его в минимальном количестве. Так, индивиды получают политическую информацию в форме графических иллюстраций и мемов. Их широкое распространение может частично объясняться “теорией подкрепления”, которая состоит в

³¹ См.: Бродовская Е.В., Лифанова В.А. Политические интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 3–14.

убеждении, что социализант ищет и воспринимает только ту политическую информацию, которая соотносится с его ценностными установками³².

Оценка влияния цифровизации на протестную активность и ее виртуальные формы оказалась в фокусе исследований социологов и политологов сравнительно недавно³³. В этих условиях и с учетом распространения в мире неконвенциональных форм протеста (массовые беспорядки, погромы, столкновения с полицией и т.д.) следует обратить особое внимание на специфику социального протеста в России, а также на поиск ответа на вопрос: в какой момент виртуальный протест становится реальным и какую форму он при этом приобретает?

В рамках теоретического исследования феномена виртуального политического активизма политолог Е.О. Негров описал шесть моделей онлайн-протеста³⁴: 1) полный неструктурированный протест; 2) деятельностно-целевая (кооптационная) модель; 3) проактивно-лоялистская модель; 4) адаптационно-фрустрационная модель; 5) политизированно-гражданская модель; 6) локальная модель. Кратко охарактеризуем их.

Полный неструктурированный протест отличается широтой и абстрактностью политических требований активистов. Мотивация участников протеста не структурирована и не закреплена, при этом динамика протестной активности в рамках данной модели может привести к неконвенциональным формам протеста и повышению градуса агрессии. Эта модель также характеризуется эмоциональным характером высказываний его лидеров и участников, обилием обценной лексики в лозунгах. *Кооптационная* модель цифрового протеста подразумевает возрастающую потребность молодежи в участии в политической жизни страны, желание быть услышанной, а также стремление к преодолению существующего социального неравенства. Ее главная отличительная черта — готовность к участию в политической жизни страны в нормативных формах, в

³² См.: Гришин Н.В. “Теория подкрепления” и изучение влияния интернеттехнологий на политическое участие современной молодежи // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 47–59.

³³ Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы “Группа Белановского” // Личный сайт С. Белановского. URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-VROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).

³⁴ См.: Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 26–27.

выборах. *Лоялистская модель* протеста в цифровой среде — политически активные граждане принимают участие в работе аффилированных с государством политических организациях; отличаются высокой лояльностью к существующему политическому режиму и желанием использовать действующие механизмы политической системы для реализации своих политических амбиций. *Адапционно-фрустрационная модель* — высокая политическая активность в социальных сетях и в интернете при неготовности принимать участие в реальных политических мероприятиях (как в протестах, так и в выборах). Она возникает в результате противоречий между политическими запросами индивида и доминирующими в обществе политическими ценностями. Такая фрустрация может привести к абсентеистским настроениям и политической апатии. В рамках *политизированно-гражданской модели* активисты ведут борьбу против недостатков политического режима. Участники могут мотивировать свое раздражение сложившейся политической ситуацией по самому широкому спектру вопросов. Наконец, *локальная модель* — ориентация участников на решение проблем регионального и локального масштаба.

Под влиянием цифровизации складываются следующие тенденции развития политического активизма³⁵: 1) социальные сети успешно справляются с функцией мобилизации и координации политического протеста, несмотря на попытки введения государственного контроля над системой СМК; 2) процесс цифровизации является фактором повышения политической активности молодежи в крупных российских городах. Политический протест соответствует моделям полного неструктурированного либо локального протеста; 3) политизация в социальных сетях зачастую приводит к размыванию протестной политической повестки и снижению консолидации протестных сил; 4) в результате развития “новых медиа” и осуществления онлайн-трансляций политических акций происходит “виртуализация” политического протеста (потенциальные участники политических протестов наблюдают за политическими событиями “дома”); 5) современные СМК активно используются несистемной оппозицией, что позволяет альтернативным политическим силам, не представленным в органах государственной власти, формировать собственную политическую повестку и влиять на политическую социализацию молодого поколения.

Объединения людей в виртуальном пространстве могут оказывать значительное влияние на характер социализационного про-

³⁵ См.: Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. № 1. С. 86–87.

цесса, а эмоциональные и когнитивные впечатления, полученные онлайн, по важности вполне сопоставимы со своими “реальными” аналогами. Несмотря на перспективы инструментализации онлайн-флешмобов властными институтами, исследователи продолжают высказывать небезосновательные опасения относительно хаотичности и неуправляемости социализационного процесса в рамках цифровой толпы.

“Новые медиа” как детерминанты политической социализации: возможности и проблемы (заключение)

Если в XX в. социализанты потребляли политическую информацию через радио и печатные издания, набирающее популярность телевидение³⁶, то сейчас основным каналом получения политической информации у молодежи становятся новые медиа³⁷. Их широкое распространение и преимущества дают возможность двусторонней коммуникации (в отличие от традиционных СМИ), открытых дискуссий с авторами материалов. Тем самым вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь происходит раньше по сравнению с предыдущими поколениями. Рассматривая интернет как пространство политической социализации, нельзя утверждать, что взаимосвязь между виртуальным и реальным миром является однонаправленной. Напротив, существующая политическая культура и преходящие онлайн-тренды оказывают взаимное влияние друг на друга: интернет наполняется социальными практиками, существовавшими задолго до его появления, а реальный мир дополняется новыми цифровыми явлениями.

Политическая социализация в цифровом пространстве представляет собой как интериоризацию, так и экстериоризацию результатов социальной и культурной деятельности общества³⁸, поэтому последствия интернет-социализации противоречивы. С одной стороны, современные медиа-ресурсы предоставляют практически безграничный доступ к самой разнообразной информации, выступают в качестве СМК, что сказывается на групповой интеграции и солидаризации; предоставляют возможности получения неинституционального образования и повышения профессиональной

³⁶ См.: Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. Статья I // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.

³⁷ См.: Flew T. New media. Oxford, 2013.

³⁸ Мудрик А.В., Патутина Н.А. Детерминанты позитивных и негативных потенциалов, составляющих процесса социализации // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 13.

квалификации, расширяют досуговые и творческие возможности социализантов. Интернет и как среда политической социализации, и как инструмент политического участия влияет на формирование политической субъектности молодежи, что важно, учитывая недостаточно высокий уровень ее политизированности. Так, согласно социологическим исследованиям, многие молодые россияне в возрасте от 18 до 24 лет положительно оценивают возможности политического участия в цифровой среде, причем с увеличением возраста респондентов позитивная оценка возрастает³⁹. В то же время немало и негативных потенциалов цифровой социализации: пропаганда насилия, склонность к конспирологическому мышлению, распространение ксенофобии и расизма (а это может иметь дестабилизирующий политическую систему эффект), увеличение количества киберпреступлений, доступ к сайтам деструктивных образований (террористических и экстремистских организаций, онлайн-казино и т.д.), также “столкновение” социализантов с кибербуллингом, киберхаррасментом, порнографией, обценной лексикой.

Исследователями высказываются опасения о неизбежности изменений в политической культуре: ее дальнейшая фрагментация, усиление ориентации на законы общества потребления, все большее распространение индивидуалистических настроений, в результате снижение активной гражданской позиции⁴⁰. Поэтому государству, наряду с другими институтами, важно переосмыслить возможности инструментализации интернет-пространства. Следует отойти от патерналистской модели взаимоотношений между государством и гражданским обществом, перейти к активному диалогу, инструментом и площадкой для которого может стать интернет-пространство.

Разработка новой модели политической социализации с учетом многоаспектности коммуникаций в интернете, социальных сетях, использование новейших СМК позволит сделать этот процесс более прогнозируемым, выработать стратегию активного включения молодежи в политическую жизнь России, что, в конечном итоге, и есть гарант стабильности и развития политической системы страны.

³⁹ См.: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник МГГУ имени М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2015. № 2. С. 83; см. также: Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е. Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. Т. 92. № 3.

⁴⁰ См.: Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М., 2021. С. 66–67.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азаров А.А., Бродовская Е.В., Лукушин В.А. Цифровые сообщества новых политических партий в России (2020 г.) // Власть. 2021. № 1.

Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Эсхатологические представления в России в дискурсе постсоветских трансформаций // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 3.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник МГГУ имени М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2015. № 2.

Бродовская Е.В., Лифанова В.А. Политические интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1.

Гришин Н.В. “Теория подкрепления” и изучение влияния интернет технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1.

Грязнов С.А. Международное правовое регулирование киберпространства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1–3.

Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. № 1.

Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1.

Качкаева А.Г., Кирия И.В. Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4.

Кленина Е.А., Песков А.Е. Роль политической социализации молодежи в сохранении демократического потенциала общества // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2014. № 2 (58).

Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1.

Колозариди П.В. Интернет будущего: чем они могут быть для гражданского общества // Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества. 2020. № 1.

Колозариди П.В. Родители и гаджеты в большом городе // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 2.

Крамаренко Н.С., Квашин А.Ю. Психологические и организационные аспекты введения цифрового образования, или как внедрение инноваций не превратить в “цифровой колхоз” // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4.

Марков Б.В. Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты // Высшее образование в России. 2021. № 2.

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.

Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М., 2015.

Мудрик А.В., Патутина Н.А. Детерминанты позитивных и негативных потенций, составляющих процесса социализации // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3.

Муратова Л.В., Муратова А.С., Орлова К.С. Дистанционное обучение: первичный анализ данных оценки текущей ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86).

Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1.

Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы “Группа Белановского” // Личный сайт С. Белановского. URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-VROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf>

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, издательство. 2020. № 1.

Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа // Центр стратегических разработок. 2018. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet_21.05.2018.pdf

Половенко О.П. Цифровизация социальной рекламы в Вооруженных Силах России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8.

Приказ, Министр обороны Российской Федерации, «О создании Федерального государственного учреждения «Агентство “Военинформ” Министерства обороны Российской Федерации»», от 09.07.2000 г., № 358. URL: <https://www.voenprav.ru>

Романова А.П., Топчиев М.С., Черничкин Д.А., Дрягалов В.С., Rogov A.B. Влияние виртуального пространства на формирование религиозной идентичности студенческой молодежи (на примере юга России) // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2.

Российское “поколение Z”: установки и ценности (2019/2020) // “Фонд имени Фридриха Эберта” в Российской Федерации. 2020. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>

Самсонова Т.Н. Когда же взойдет “заря гражданственности новой” над Россией? (О формировании гражданской политической культуры в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 3.

Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е. Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. Т. 92. № 3.

Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. Статьи I, II // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4; 2020. № 1.

Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М., 2021.

Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. № 1.

Тарасова Е.Г. Семья как агент политической социализации // Социально-политические науки. 2018. № 5.

Федорова М.В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6.

Федорова М.В. Хайп-эсхатология или “игра в COVID-19”: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1.

REFERENCES

Azarov A.A., Brodovskaya Ye. V., Lukushin V.A. Tsifrovyye soobshchestva novykh politicheskikh partiy v Rossii (2020 g.) [Digital communities of new political parties in Russia (2020)] // Vlast'. 2021. N 1 (in Russian).

Bagdasaryan V.E., Resnyanskiy S.I. Eskhatologicheskiye predstavleniya v Rossii v diskurse postsovetских transformatsiy [Eschatological representations in Russia in the discourse of post-Soviet transformations] // Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii. 2016. N 3 (in Russian).

Brodovskaya Ye. V., Dombrovskaya A. YU., Sinyakov A. V. Politicheskaya sub'yektnost' pol'zovateley sotsial'nykh setey v Rossii: rezul'taty vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Political subjectivity of social network users in Russia: results of the all-Russian sociological research] // Vestnik MGGU imeni M.A. Sholokhova. Seriya: Istoriya i politologiya. 2015. N 2 (in Russian).

Brodovskaya Ye. V., Lifanova V.A. Politicheskiye internet-memy kak instrument formirovaniya obshchestvennogo mneniya o politicheskikh liderakh i politicheskikh partiyakh (na primere pensionnoy reformy v Rossii) [Political Internet memes as a tool for shaping public opinion about political leaders and political parties (on the example of pension reform in Russia)] // Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki. 2021. N 1 (in Russian).

Fedorova M. V. Religioznaya identichnost' v sovremennom tsifrovom mire [Religious identity in the modern digital world] // Sotsiodinamika. 2020. N 6 (in Russian).

Fedorova M. V. Khayp-eskhatologiya ili “игра в COVID-19”: izmeneniye religioznogo soznaniya v epokhu global'nogo krizisa [Hype eschatology or “playing in COVID-19”: changing religious consciousness in the era of global crisis] // Filosofskaya mysl'. 2021. N 1 (in Russian).

Flew T. New media. Oxford, 2013.

Forlano L. Making waves: urban technology and the co-production of place // First Monday. Vol. 18. N 11. 2013. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4968/3797>

Grishin N. V. “Teoriya podkrepleniya” i izucheniye vliyaniya internet tekhnologiy na politicheskoye uchastiye sovremennoy molodezhi [Reinforcement theory and study of the impact of Internet technologies on the political participation of modern youth] // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2021. N 1 (in Russian).

Gryaznov S.A. Mezhdunarodnoye pravovoye regulirovaniye kiberprostranstva [International legal regulation of cyberspace] // Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2021. N 1–3 (in Russian).

Ignatovskiy YA.R. Rol' tsifrovizatsii v transformatsii rossiyskogo politicheskogo protesta [The role of digitalization in the transformation of Russian political protest] // Vlast'. 2021. N 1 (in Russian).

Kachkayeva A.G., Kiriya I.V. Dolgosrochnyye tendentsii razvitiya sektora massovykh kommunikatsiy [Long-term trends in the development of the mass communications sector] // Forsayt. 2012. T. 6. N 4 (in Russian).

Kas'yanov V.V., Krotov D.V., Samygin S.I. Spetsifika politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Specificity of political socialization of Russian youth in conditions of social uncertainty] // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2017. N 1 3 (in Russian).

Kitchin R., Dodge M. Code/space: software and everyday life. Cambridge, 2011.

Klenina Ye.A., Peskov A. Ye. Rol' politicheskoy sotsializatsii molodezhi v sokhranении demokraticeskogo potentsiala obshchestva [The role of political socialization of youth in preserving the democratic potential of society] // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. N 2 (58) (in Russian).

Kolozaridi P.V. Internety budushchego: chem oni mogut byt' dlya grazhdanskogo obshchestva [The Internet of the future: what they can be for civil society] // Skanirovaniye gorizontov: rol' informatsionnykh tekhnologiy v budushchem grazhdanskogo obshchestva. 2020. N 1 (in Russian).

Kolozaridi P.V. Roditeli i gadzhety v bol'shom gorode [Parents and gadgets in the big city] // Shagi/Steps. 2017. Vol. 3. N 2 (in Russian).

Kozlova N. Sh. Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii [Digital technologies in education] // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2019. N 1 (in Russian).

Kramarenko N.S., Kvashin A. YU. Psikhologicheskiye i organizatsionnyye aspekty vvedeniya tsifrovogo obrazovaniya, ili kak vnedreniye innovatsiy ne prevratit' v "tsifrovoy kolkhoz" [Psychological and organizational aspects of the introduction of digital education, or how the introduction of innovations cannot be turned into a "digital collective farm"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2017. N 4 (in Russian).

Markov B.V. Vyssheye obrazovaniye pered vyzovom setevogo obshchestva: filosofskiy syuzhet [Higher education facing the challenge of a networked society: philosophical plots] // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2021. N 2 (in Russian).

Martynenko T.S., Dobrinskaya D. Ye. Sotsial'noye neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic divide] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. 2021. N 1 (in Russian).

Mikhaylov I.F. Chelovek, soznaniye, seti [Man, consciousness, networks]. M., 2015 (in Russian).

Mudrik A.V., Patutina N.A. Determinanty pozitivnykh i negativnykh potentsiy, sostavlyayushchikh protsessa sotsializatsii [Determinants of positive and negative potentialities that make up the process of socialization] // Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal. 2019. N 3 (in Russian).

Muratova L.V., Muratova A.S., Orlova K.S. Distantionnoye obucheniye: pervichnyy analiz dannykh otsenki tekushchey situatsii [Distance learning: primary analysis of the assessment data of the current situation] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. N 1 (86) (in Russian).

Negrov Ye.O. Rol' i osobennosti molodezhnogo politicheskogo onlayn-aktivizma v sovremennoy Rossii [The role and features of youth political online activism in

modern Russia] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. N 1 (in Russian).

Novyy spektr politicheskikh nastroyeniy v rossiyskom obshchestve v 2020 g.: doklad nezavisimoy issledovatel'skoy gruppy "Gruppa Belanovskogo" [A new spectrum of political sentiments in Russian society in 2020: report of the independent research group "Belanovsky's Group"] // Lichnyy sayt S. Belanovskogo. URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-VROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (in Russian).

Osipova N.G., Yelishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoy molodezhi moskovskikh vuzov o protsessakh, institutakh sotsializatsii i sub'yektakh osushchestvleniya molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Representations of the students of Moscow universities about the processes, institutions of socialization and subjects of the implementation of youth policy in the Russian Federation (based on the results of the 2019 study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2020. N 1 (in Russian).

Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. Gosudarstvo kak platforma [State as a platform] // Tsentri strategicheskikh razrabotok. 2018. URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet_21.05.2018.pdf (data obrashcheniya: 03.02.2021) (in Russian).

Polovenko O.P. Tsifrovizatsiya sotsial'noy reklamy v Vooruzhennykh Silakh Rossii [Digitalization of social advertising in the Armed Forces of Russia] // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2019. N 8 (in Russian).

Prikaz, Ministr oborony Rossiyskoy Federatsii, «O sozdanii Federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya «Agentstvo "Voeninform" Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii»», ot 09.07.2000 g., № 358 [Order, Minister of Defense of the Russian Federation, «On the establishment of the Federal State Institution «Agency "Voeninform" of the Ministry of Defense of the Russian Federation»», dated 09.07.2000, N 358]. URL: <https://www.voenprav.ru> (in Russian).

Romanova A.P., Topchiyev M.S., Chernichkin D.A., Dryagalov V.S., Rogov A.V. Vliyaniye virtual'nogo prostranstva na formirovaniye religioznoy identichnosti studencheskoy molodezhi (na primere yuga Rossii) [The influence of the virtual space on the formation of the religious identity of student youth (on the example of the south of Russia)] // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2019. T. 20. N 2 (in Russian).

Rossiyskoye "pokoleniye Z": ustanovki i tsennosti (2019/2020) [Russian "Generation Z": attitudes and values (2019/2020)] // "Fond imeni Fridrikha Eberta" v Rossiyskoy Federatsii. 2020. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (in Russian).

Samsonova T.N. Kogda zhe vzoydet "zarya grazhdanstvennosti novoy" nad Rossiyey? (O formirovanii grazhdanskoy politicheskoy kul'tury v sovremennoy Rossii) [When will the "dawn of a new civic consciousness" rise over Russia? (On the formation of civic culture in modern Russia)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2020. N 3 (in Russian).

Samsonova T.N., Zinenko V. Ye. Formirovaniye politicheskoy sub'yektnosti molodezhi v sovremennoy Rossii: kriterii, usloviya, problemy [Formation of the political subjectivity of youth in modern Russia: criteria, conditions, problems] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2021. T. 92. N 3 (in Russian).

Samsonova T.N., Naumova Ye.S. Rol' SMI v politicheskoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi. Stat'i I, II [The role of the media in the political

socialization of modern Russian youth. Articles I, II] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. N 4; 2020. N 1 (in Russian).

Selezneva A.V. ROSSIYSKAYA MOLODEZH': politiko-psikhologicheskiy portret na fone epokhi [RUSSIAN YOUTH: political and psychological portrait against the background of the era]. M., 2021 (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Sem'ya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and marriage: crisis or modernization?] // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2018. N 1 (in Russian).

Tarasova Ye.G. Sem'ya kak agent politicheskoy sotsializatsii [Family as an agent of political socialization] // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2018. N 5 (in Russian).

Zuckerberg M. Building Global Community // Zapis' v sotsial'noy seti Facebook, 2017. URL: [https:// www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/](https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634/)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-85-106

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЯ: НАЧАЛО ЭРЫ СОЦИАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей влияния эпохи и идеологии Просвещения на жизнедеятельность западноевропейской великой культуры и современного мира. С консервативных позиций, в рамках цивилизационного подхода, автор рассматривает закономерность их оформления в процессе развития западноевропейской великой культуры, а также анализирует те последствия, которые они имели, как для западноевропейской культуры, так и для всего человечества в целом, особенно для научной сферы жизнедеятельности.

Эпоха Просвещения, по мнению автора, была сопряжена с активным проникновением в науку, в систему образования идеологии Просвещения, а соответственно и привнесения в них различных манипулятивных приемов и практик. Естественным, что данное обстоятельство самым негативным образом сказалось на качестве и объективности оценок различного рода государственно-правовых, социально-политических и исторических явлений и процессов, закономерно ввергая эти отрасли знания в тяжелое кризисное состояние. Чрезмерная идеологизированность современных социально-гуманитарных наук, в том числе и идеологемами Просвещения (а также произрастающим из них идеологемами марксизма и неолиберализма), делают данную проблематику крайне актуальным направлением современных социологических исследований, а преодоление этих негативных последствий данной эпохи и ее идеологии — вызовом для современной научной мысли, систем среднего и высшего образования, а также последующего успешного развития современного российского общества и государства.

Особый акцент автор статьи делает на анализе ключевых положений идеологии Просвещения, а также результатов пропаганды идеологии Просвещения, положившей начало эры манипуляций и активной реализации масштабных социальных манипулятивных проектов в отношении значительных человеческих общностей, целых культурных регионов, ее особую роль в осуществлении Великой французской революции и формировании антисистемного мировоззрения.

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

Ключевые слова: Просвещение, Эпоха Просвещения, идеология Просвещения, культ, культура, цивилизация, иерархия ценностей, прогрессизм, манипулирование, консерватизм.

THE AGE OF ENLIGHTENMENT AND ITS IDEOLOGY: THE BEGINNING OF THE ERA OF SOCIAL MANIPULATION

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to the study of the peculiarities of the influence of the era and the ideology of the Enlightenment on the vital activity of the Western European great culture and the modern world. From a conservative position, within the framework of a civilizational approach, the author considers the regularity of their formation in the process of development of the Western European great culture, and also analyzes the consequences that they had, both for Western European culture and for all mankind as a whole, especially for the scientific sphere of life.

The Age of Enlightenment, according to the author, was associated with active penetration into science, into the educational system of the ideology of the Enlightenment, and, accordingly, the introduction of various manipulative techniques and practices into them. Naturally, this circumstance had the most negative impact on the quality and objectivity of assessments of various kinds of state-legal, socio-political and historical phenomena and processes, naturally plunging these branches of knowledge into a severe crisis state. The excessive ideologization of modern social sciences and the humanities, including the ideologemes of the Enlightenment (as well as the ideologemes of Marxism and neoliberalism growing from them), make this issue an extremely relevant area of modern sociological research, and overcoming these negative consequences of this era and its ideology is a challenge for modern scientific thought, systems of secondary and higher education, as well as the subsequent successful development of modern Russian society and the state.

The author of the article makes a special emphasis on the analysis of the key provisions of the ideology of the Enlightenment, as well as the results of the propaganda of the ideology of the Enlightenment, which marked the beginning of the era of manipulation and the active implementation of large-scale social manipulative projects in relation to significant human communities, entire cultural regions, its special role in the implementation of the Great French Revolution and the formation anti-systemic mindset.

Key words: Enlightenment, Enlightenment Epoch, Enlightenment ideology, cult, culture, civilization, hierarchy of values, progressivism, manipulation, conservatism.

Одним из значимых и актуальных направлений современных социологических исследований является изучение влияния эпохи и идеологии Просвещения на жизнедеятельность современных обществ. К изучению этой знаковой эпохи и ее идеологии обращались, как классики социологии, так и выдающиеся российские и зарубежные современные исследователи. И это неудивительно: ведь эпоха

Просвещения стала той эпохой, когда в науку была привнесена идеология, прежде всего, идеология Просвещения, а следом и различного рода манипулятивные практики и технологии. Именно в это время, под влиянием идеологии Просвещения и частично в полемике с ней, формируются три базовые политические идеологии: консерватизм, либерализм и социализм, которые начинают играть заметную роль в формировании мировоззрения и умонастроений не только ученых и интеллектуалов, но и значимых человеческих общностей. До эпохи Просвещения, политические идеологические построения ученых-интеллектуалов не имели такого значения и влияния на процессы жизнедеятельности человеческих обществ, оставаясь вторичными по отношению к вероучениям, философии или опыту государственного строительства.

Следует также отметить, что Просвещение, или эпоха Просвещения, представляет собой — влиятельное культурное, интеллектуальное и духовное движение конца XII — начала XIX в. в странах западноевропейской великой культуры. При этом, оно оценивается, как ее апологетами, так и критиками, как закономерный этап в развитии западноевропейской великой культуры — первой секулярной великой культуры в мировой истории.

Без Просвещения (эпохи Просвещения), по мнению одних исследователей, например, марксистски-ориентированных, был бы невозможен переход от феодальных к капиталистическим отношениям и буржуазной общественно-экономической формации. По мнению других, невозможен переход от традиционного (аграрного, военного, доиндустриального) типа обществ к обществу индустриальному (промышленному, современному). Без этой эпохи, на взгляд третьих, невозможно представить и переход от метафизической стадии развития общества к стадии позитивной, в терминологии О. Конта. Все эти точки зрения исследователей, в целом, носят безусловно апологетический характер и положительно оценивают данную эпоху в развитии западноевропейской великой культуры, исходя из социалистических и либеральных воззрений, высказывающих их ученые.

Однако, с точки зрения консервативных мыслителей, данная эпоха в развитии западноевропейской великой культуры, оценивается часто негативно и критически, поскольку она знаменует собой фактически начало процесса упадка, заката западноевропейской (западно-христианской) великой культуры, отказа от ее традиционных ценностей и устоев жизнедеятельности. Именно с нее начинается трансформация этой великой культуры из культуры христианской — в “мир цивилизованный”: секулярный, материалистический

и потребительский. В преодолении, привнесенных этой эпохой тенденций развития и ее закономерных последствий, на взгляд консерваторов, только и может состоять последний шанс западноевропейской великой культуры на возможное оздоровление и последующее нормальное развитие. Хотя, относительно возможности такого оздоровления западноевропейской великой культуры многие авторы высказывают вполне обоснованные сомнения, позицию которых в целом, мы также разделяем и попытаемся обосновать.

С консервативной точки зрения, для понимания закономерности и значения возникновения данной эпохи в процессе развития западноевропейской великой культуры, очень удачен будет выбор цивилизационного подхода к процессу осмысления общественно-исторического развития человеческих обществ и государств. Именно он, на наш взгляд, хорошо разъясняет и показывает определенную естественность и неизбежность оформления данной эпохи и ее идеологии в процессе развития западноевропейской великой культуры, а также последующий аномальный путь развития данной великой культуры.

В рамках данного подхода для полноценного раскрытия обозначенной проблематики, прежде всего, необходимо уточнить, а что представляет, собственно говоря, из себя отдельно взятая “великая культура”? и в чем отличие процесса развития западноевропейской великой культуры от иных великих культур? Попытаемся, поэтапно дать разъяснения на эти вопросы.

Известно, что универсального, единого и общепринятого определения понятия “культура” до сих пор не существует. Количество попыток дать таковое перевалило уже за несколько сотен. В целом различные авторы сходятся в том, что культура (от лат. *cultura* — “возделывание, воспитание, развитие”) представляет собой среду обитания; определенный способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, находящей свое выражение в продуктах духовного и материального труда, системе социальных норм и духовных ценностях, а также взаимоотношений людей между собой и с окружающим миром.

Понятие “культура” включает в себя как общие отличия человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие конкретных ее форм в рамках отдельных эпох и стадий развития различных этносов и государств.

Такое во многом расплывчатое определение в то же время не мешает выявлению структуры и иерархии ценностей, которыми обладает “культура”, как и любая другая сложная система. Иерархия ценностей — упорядоченная, обладающая определенной целостностью

система ценностей, охраняемых и культивируемых в том или ином обществе и государстве; главный критерий отличия, разграничения и классификации политических режимов¹. По степени обобщенности картин мира, которую дают различные стороны человеческой жизнедеятельности, можно выделить такие элементы ее структуры, как богословие, философию, искусство, научное познание, политическую культуру, хозяйственную деятельность, быт.

Культуры существуют исключительно в национальных, а также в формах общностей более высокого порядка, уровня культурного региона — “великих” культур.

Культура великая (региональная) (термин историка и культуролога В.Л. Махнача²) — замкнутая культурная общность, симфония нескольких национальных культур, объединенных определенной иерархией ценностей, неповторимым обликом и своеобразием исторического развития. Является синонимом терминов “культурно-исторический тип” (Н.Я. Данилевский³), “культура” (О. Шпенглер⁴), “цивилизация” (А. Дж. Тойнби⁵), “суперсистема” (П.А. Сорокин⁶), “суперэтнос” (Л.Н. Гумилев⁷)⁸.

“Великих” культур не так много. По оценкам Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, количество их на всем протяжении существования человеческого рода колеблется в пределах 9–11 единиц; по оценкам А. Дж. Тойнби, число их составляет 21 единицу. К ныне существующим “великим” культурам относятся: культура ислама; западноевропейская культура; восточноевропейская культура, куда, в частности, входит и русская культура; еврейская культура; тибето-монгольская культура; начинающаяся складываться в настоящее время латиноамериканская культура; культура Китая, а также культура Индостана. Различия культур предопределяют различия в поступках и действиях людей, в организации материального производства, выборе форм политической организации.

Каждая “великая” культура представляет собой определенный замкнутый и самодостаточный культурный центр со своим неповторимым обликом и своеобразием развития. Как и все на свете,

¹ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 50, 164–170.

² См.: Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия. М., 2008. С. 10.

³ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 85.

⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 262.

⁵ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 40.

⁶ См.: Сорокин П.А. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1998. С. 47.

⁷ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 104.

⁸ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 50–51.

“великие” культуры — смертны, хотя и относительно долговечны. Любая из них, подобно человеку, проходит стадии младенчества и юности, зрелости, старости и смерти. Срок жизни каждой “великой” культуры зависит исключительно от ее внутреннего жизненного цикла, подчиненного определенным законам. Законы эти непознаваемы для нас и обуславливают упадок и гибель любой “великой” культуры. Ядром и стержнем, вокруг которого образуется “великая” культура, является религиозный “культ”.

Культ (лат. *cultus* — “почитание, поклонение”) — определенный тип и опыт богослужения, находящий свое выражение в соответствующем поведении и специфических действиях. Религиозный “культ” занимает наивысшее место в иерархии ценностей “великих” культур, обуславливая единство и целостность входящих в “великую” культуру этносов и государств⁹.

Следует особо отметить, тот факт, что на современном этапе развития западноевропейской великой культуры единство ее основано не на общности культа, а на признании, приоритете благ и достижений, порожденных этой цивилизацией по сравнению с культом. В этом и состоят главная особенность и необычность развития этой “великой” культуры. Как это случилось? Основой целостности культуры, как уже было нами показано, является “культ”, именно он порождает и вокруг него формируется “великая” культура. Культура неизбежно проявляет себя в материальной сфере. Если определять некоторый уровень развития культуры в материальной сфере как “цивилизацию”, то можно сказать, что “цивилизация”, прежде всего, характеризуется такими компонентами, как городская инфраструктура, непрестанно развивающиеся индустрия, наука и технологии¹⁰.

Понятия “культ”, “культура”, “цивилизация” имеют различную ценностную нагрузку (ценностный вес), что позволяет обратиться к образу пирамиды для обозначения иерархии ценностей при описании “великих” культур. На вершине пирамиды находится “культ”, основание пирамиды — “цивилизация”, посередине — “культура”. Подобная иерархия ценностей лежит в основе любой “великой” культуры¹¹.

Своеобразием развития “великой” культуры Запада, по мнению В.Л. Махнач, явилось то, что на определенном этапе ее развития данная иерархия ценностей претерпевает существенные измене-

⁹ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 51.

¹⁰ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 52.

¹¹ См.: Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 51, 64; Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. С. 50–57; Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2004.

ния¹². Отправной точкой данного процесса являлась эпоха Возрождения, ознаменовавшая собой смену картины мира у западноевропейцев, когда они от теоцентристской картины мира, свойственной Средневековой Европе, где в центре мироздания был Бог, перешли к антропоцентричной картине мира, где в центре мироздания появился фигура аморфного человека, разум которого вскоре был признан философами-рационалистами мерилom всего сущего и основой познания мира.

В свою очередь, рационализм как философское течение, признающее человеческий разум как самостоятельное и автономное средство познания, закономерно переходил в “деизм”, напроочь устраняющий Бога из созданного им мира. Доктрина “деизма” отвергает вмешательство Творца в самодвижение природы и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума. Говоря о самоустранении Творца от дел нашего мира логично было бы признать то, что человек, как носитель разума, является “царем” вселенной. Тем самым фактически обожествленный человек становился в центр космологической системы мира, подменяя собой Бога.

Попытка реформирования Римо-Католической Церкви, Контрреформация и последующая за ней эпоха религиозных войн самым печальным образом сказались на процессе жизнедеятельности западноевропейской великой культуры. Протестантскому миру не удалось ни, расколов старую, создать новую “великую” культуру, ни выработать единого, хотя бы для себя, “культа”. Восстановить и достичь единства на этой основе западному миру не представлялось возможным.

Тем не менее обрести, казалось бы, потерянную целостность Запад смог. Удалось это ему за счет того, что вся пирамида этих фундаментальных ценностей оказалась перевернутой, и в основу единства западноевропейской “культуры” был положен не “культ”, а “цивилизация”. Блага и достижения в материальной сфере начинают играть первостепенную роль в жизни этого секулярного, потребительского мира, ценность и значение “культа” в свою очередь постепенно и планомерно сводится на нет. Соответственно, влияние богословия, религиозных институтов на жизнедеятельность общества, традиционных ценностей, социально-политических и религиозных систем существенно упало.

Важнейшим принципом, положенным в основу существования западного мира, стала полная “религиозная терпимость”, получившая свое отображение в требованиях обретения и защиты так на-

¹² См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. С. 52–53.

зываемой “свободы совести” и свободы вероисповедания. Каждому отдельно взятому человеку предоставлялось право верить или не верить во все, что бы он ни пожелал, учреждать “новый” культ или провозглашать “новое” религиозное учение. За всем этим легко просматривалось безразличное отношение к религиозной истине, ее значению и месту в жизни человека.

Следствием внесения подобных изменений в иерархию ценностей западноевропейской “великой” культуры явилось возникновение абсолютно аномальной иерархии, — первой и единственной в истории “секулярной” “великой” культуры. Социальный заказ оправдания этой аномальной иерархии и был реализован идеологией Просвещения и “прогрессизма”.

Идеологию Просвещения в целом характеризует установка на активное развитие и запуск процесса секуляризации западноевропейской великой культуры, а соответственно ее антирелигиозный и антихристианский пафос. Лучшей иллюстрацией этому служат слова Ф. Вольтера “Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать!”, а также его призывы к популяризации и распространения “Завещания” Ж. Мелье, своеобразного по его мнению “катехизиса Вельзевула”¹³, в котором, в частности содержались и такого рода высказывания: “...всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство, что все законы и декреты, издаваемые именем и властью бога и богов, лишь измышление человека, точно так же как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов”¹⁴.

Не менее важной установкой идеологии Просвещения также является рационализм, его пропаганда, доведенная до крайности — с утверждениями и призывами о необходимости создания и практического воплощения определенного социально-нравственного идеала — “царства разума” на земле, культ которого (человеческого разума), стал явно приобретать подчеркнуто псевдорелигиозный оттенок, зримо воплотившийся в соответствующие революционные квазирелигиозный культ и политику дехристианизации времен Великой французской революции.

При этом, следует подчеркнуть, что рационализм оказал перво-степенное по своей важности влияние на основоположников теории “прогресса” (своеобразной “визитной карточки” идеологии Просвещения) Ж.А. Кондорсе и О. Конта. В знаменитой работе Ж.А. Кон-

¹³ См.: Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // Шафаревич И.Р. Сочинения. В 3т. Т. 1. М.: Феникс, 1994. С. 129.

¹⁴ Мелье Ж. Завещание. М.: ГАИЗ, 1937. С. 18.

дорсе “Эскизы исторической картины прогресса человеческого разума” человеческий разум признается ничем иным, как демиургом истории, в возможностях развития которого не существует никаких мыслимых пределов или границ. Выделяя в истории развития человеческого рода десять исторических периодов развития и, анализируя “общие факты и неизменные законы развития человеческих способностей”, Ж.А. Кондорсе приходит к выводу о ведущей роли прогресса человеческого разума в историческом развитии человечества¹⁵.

По его мнению, в результате прогресса человеческого разума должно наступить такое время, “когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума”¹⁶. Один из основоположников позитивизма О. Конт, избравший девизом своей научной деятельности словосочетание “Порядок и Прогресс”, в дальнейшем сказал, что “существуют законы, управляющие развитием человеческого рода, столь же точные, как те, которые определяют падение камня”¹⁷.

Идея такого рода “прогресса”, в его “просветительском” понимании (отличном от принятого научного употребления данного термина), легла в основу большинства философско-политических течений Нового времени, став своеобразной верой, определяющей мировоззренческие ориентиры множества людей. С этого момента, понятие “прогресс” приобрело иное, отнюдь не его изначально оценочное звучание (с обозначением четко заданных пространственно-временных границ исследуемого феномена, института или процесса), превратившись в непререкаемую идеологическую установку, что в свою очередь не могло не сказаться на качестве оценок социальных явлений и не привести к искажению реального содержания данного термина. Термин “прогресс” становится синонимом понятию развития в широком смысле вообще или “эволюции”.

Идея “прогресса” как непрерывного, ничем и нигде не ограниченного пространственно-временными рамками развития, родившись в кулуарах масонских лож, органично вписалась и дополнила эволюционистские теории философов–“просветителей”. Весь ход истории человеческого рода трактуется “просветителями” как поступательное и непрерывное движение от стадии “дикости” к стадиям “цивилизации”, все ступени которого связаны едиными для всех

¹⁵ См.: Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

¹⁶ Там же. С. 227–228.

¹⁷ Цит. по: Шафаревич И.Р. Две дороги — к одному обрыву // Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 356.

“естественными” законами, подлежащими философскому наблюдению и осмыслению. Регрессом, соответственно, начинает считаться все то, что препятствует данному движению или не приемлет его. На вершине лестницы подобного движения, на их взгляд, стоит Западная Европа. В этом контексте, абсолютно неслучайно, что самоназванием западноевропейской великой культуры стал термин “мир цивилизованный”, автоматически противопоставляющий ее иным культурным пространствам.

Утверждение подобных идей, в свою очередь, не могло не привести к возникновению целого ряда утопий и “антисистем” (системных целостностей людей с негативным мироощущением)¹⁸. Желание заново отстроить, воссоздать Царство Божие на земле являлось вековой мечтой падшего человека, идея же непрерывного “прогресса” оказалась отличным грезостимулятором. Впрочем, популярность этих идей находит свое объяснение не только в особенностях устройства природы человеческой, но и в обозначенных закономерностях и странностях развития западноевропейской культуры.

Именно в эпоху Просвещения происходит и окончательное оформление прогрессизма — основополагающего умственного и духовного течения, идеологии современного западного мира, основанной на идее непрерывного, ничем и нигде не ограниченного пространственно-временными рамками “прогресса”, трактующей весь ход истории человеческого рода как поступательное и непрерывное движение от стадии “дикости” к стадиям “цивилизации”, в основу которого положен опыт развития исключительно западноевропейской культуры. Признавая западноевропейский опыт единственно возможным и безальтернативным вариантом развития человечества, идеология прогрессизма к настоящему времени является действенным и эффективным оружием духовной агрессии Запада в иных культурных пространствах.

Не менее важными идеологемами Просвещения стали, получившая свое второе рождение и развитие теория договорного происхождения государства, в виде возникшей концепции “Общественного договора”; произрастающая из него концепция “естественного права”; концепция “народного суверенитета” Ж.-Ж. Руссо и концепция разделения властей Ш.Л. Монтескье.

Все эти теории и концепции прочно укоренились в системе социально-гуманитарных наук, средней и высшей школе, несмотря на их очевидную ущербность и идеологическую ангажированность.

¹⁸ См., подробнее: *Елишев С.О.* Политика. Базовые понятия. С. 247–250; *Он же.* О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017. С. 67–78.

Это хорошо можно проиллюстрировать на примере так называемой теории “Общественного договора” — учения Томаса Гоббса, развитого Джоном Локком, Шарлем Луи Монтескье, Жан-Жаком Руссо о возникновении государства и права посредством заключения людьми договора, призванного урегулировать все нестроения в обществе.

В соответствии с данной теорией, возникновению государства предшествует период “естественного” (догосударственного) состояния, сущность которого разные авторы описывали по-разному. Например, Т. Гоббс период догосударственного “естественного” состояния охарактеризовал как состояние войны “всех против всех”¹⁹. Состояние, когда в условиях отсутствия закона, справедливости и власти, во взаимоотношениях между людьми, обладающими всей полнотой “естественных” прав и свобод (когда человек был ничем не ограничен и имел в таком состоянии “право на все, даже на жизнь всякого другого человека”²⁰), доминировал принцип “человек человеку — волк”, в силу чего мир погряз в войнах, хаосе и насилии, что необходимо было в срочном порядке исправить. Для пресечения этого состояния, обретения мира и нормализации человеческого общежития, люди и заключают между собой договор о создании государства, делегируя часть своих прав государственной власти, вкуче с обязательством подчиняться ей. Государство же, концентрирующее в своих руках всю полноту власти, в этом контексте является тем инструментом (“искусственным человеком” — “Левиафаном”, в терминологии Т. Гоббса²¹), который способен держать людей в страхе и способствовать защите индивидов, исполнению их “естественных” прав и, достижению ими общего блага. Как отмечал Т. Гоббс, “при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося <...> необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов”²². По его мнению, “естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости,

¹⁹ См.: Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 87.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ См.: Там же. С. 8.

²² Там же. С. 116.

мести и т.п.”²³ Такая позиция, обозначенная Т. Гоббсом, неизбежно привела к возникновению этатизма с его необоснованным признанием примата государства (“Левиафана”) над обществом и нацией, оправданием необходимости активного вмешательства государства в экономическую, социально-политическую, духовную и культурную жизни общества.

В соответствии с теорией основоположника либерализма Дж. Локка, основной целью заключения общественного договора и образования государства, являлась защита института частной собственности²⁴ и обеспечение реализации основных неотъемлемых прав и свобод граждан, что в догосударственный период, в условиях “войны всех против всех” сделать было невозможно. Однако, государство в значительной степени ограничено в своих правах по отношению к гражданам и не должно покушаться на жизнь, имущество, а также другие права и свободы граждан. Если этого не происходит, граждане имеют право свергнуть деспотическую власть²⁵. “Народ, с которым все время дурно обращаются и права которого нарушают, будет готов при первом же случае освободиться от лежащего на нем тяжкого бремени”²⁶. И “если в результате длинного ряда злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же, народу становится ясно, что здесь имеется определенный умысел, и он не может не чувствовать, что его гнетет, и не видеть, куда он идет, то не приходится удивляться, что народ восстает и пытается передать власть в руки тех, кто может обеспечить ему достижение целей, ради которых первоначально создавалось государство и без которых древние названия и благовидные формы ничуть не лучше, а гораздо хуже, чем естественное состояние или чистейшая анархия”²⁷.

На взгляд Ж.Ж. Руссо, заключение договора об образовании государства, на практике привело к закреплению различных видов неравенства, ибо создание государства произошло вследствие возникновения института частной собственности, а далее — заговора богатых против бедняков (“чтобы держать бедняка в нищете, а богачу обеспечить его узурпацию”²⁸), для закрепления своего господствующего положения и существующих форм социального, экономического, политического и других видов неравенства. Для ис-

²³ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 116.

²⁴ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. М., 2009. С. 367.

²⁵ См.: Там же. С. 353–385.

²⁶ Там же. С. 370.

²⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 370–371.

²⁸ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права. М., 1938. С. 20.

правления данной ситуации Ж.-Ж. Руссо, разрабатывая концепцию “народного суверенитета”, предлагал возможность “пересмотреть” некоторые положения договора, что, по его мнению, было вполне реально, ибо вся власть принадлежит в соответствии с договором народу. А тот, может посредством восстания или революции, может настоять на исправлении и устранении исторической “несправедливости”, посредством заключения нового варианта договора. Ибо, как отмечал Ж.-Ж. Руссо, “в тот самый момент, когда правительство узурпирует суверенитет, общественный договор расторгнут, и все простые граждане, вернувшись по праву в состояние естественной свободы, вынуждаются, но вовсе не обязаны повиноваться”²⁹. При этом, по его мнению, “договор об установлении Власти настолько расшатан деспотизмом, что деспот остается повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее всех; но как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие. Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает”³⁰.

Иными словами, популяризируя и пропагандируя свою концепцию “народного суверенитета” Ж.-Ж. Руссо фактически активно участвовал в подготовке общественного мнения во Франции к революции и низвержению монархии, ведя против данного института по сути неприкрытую информационную войну.

В настоящее время, можно с полным обоснованием утверждать, что договорная теория происхождения государства в ее “просвещенческой” интерпретации, не была выкинута “на свалку истории” только из-за предельной идеологизации и политизированности всей системы общественно-гуманитарных наук. Ибо критики данной теории, прежде всего, консервативного лагеря, уже давно не оставили от нее камня на камне. По своей сути она — исключительно теоретический концепт, не только не находящий свое подтверждение на практике (поскольку в истории нет ни одного примера образования государства путем заключения Общественного договора), но, к тому же, и весьма поверхностный, так как не дает никого ответа об условиях, механизмах заключения договора, его участниках, свидетелях, их правах и обязанностях, способах фиксации и т.д.

²⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права. М., 1938. С. 75.

³⁰ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 96.

Концепции “естественного” права и разделения властей Ш.Л. Монтескье также представляли собой похожие теоретические концепты, активно привносимые и внедряемые в науку (благодаря пропаганде идеологии Просвещения и популяризации ее своеобразного наукообразного манифеста — “Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел” под редакцией Д. Дидро и Ж.Л. Д’Аламбера³¹) и некритично воспроизводимые в значительной части современной научной и учебной литературе.

Внедрение установок и теоретических концептов идеологии Просвещения в науку, а затем и в массовое сознание западноевропейцев, закономерно привели к превращению данной эпохи в своеобразную эру начала тотального социального манипулирования, дав отправную точку масштабным социальным экспериментам и манипулятивным проектам.

Как справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза, несмотря на то, что “доктрины и развитые теории манипуляции сознанием сложились недавно, уже в нашем веке, <...> главные камни в их основание были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе”³². “Во всех странах Запада, где произошли великие буржуазные революции, ученые, философы и гуманитарии внесли свою лепту в это программирование поведения масс”³³. Так во Франции, “помимо великого дела по освобождению мышления человека и освоению им нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения осуществили глубокое воздействие на сознание в чисто политическом плане”³⁴.

Если говорить о социологическом осмыслении сущности и идеологии эпохи Просвещения, то достаточно критическую позицию в их отношении можно увидеть в работе Т. Адорно и М. Хоркхаймера “Диалектика Просвещения. Философские фрагменты”. По мнению этих ученых, с одной стороны, “Программой Просвещения было расколдовывание мира. Оно стремилось разрушить мифы и свергнуть воображение посредством знания”³⁵. С другой стороны, эпоха и идеология Просвещения имели тоталитарный характер, одновременно “превращаясь в тотальный обман масс”³⁶.

³¹ См.: История в энциклопедии Дидро и Д’Аламбера. Л., 1978.

³² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2017. С. 48.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997. С. 16.

³⁶ См.: Там же. С. 60.

“Просвещение тоталитарно как ни одна из систем. Неистина его коренится не в том, в чем издавна упрекали его романтически настроенные противники, не в аналитическом методе, не в редукции к элементам, не в разрушении посредством рефлексии, но в том, что для него всякий процесс является с самого начала уже пред-
решенным. Когда некой математической процедурой неизвестное превращается в неизвестное того или иного уравнения, на нем тем самым ставится клеймо давно и хорошо известного, еще до того, как устанавливается какое бы то ни было его значение. Природа, как до, так и после квантовой теории, является тем, чему надлежит быть постигнутым математическим образом; что тому противится, все неразложимое и иррациональное подвергается травле со стороны математических теорем”³⁷. “Просвещение относится к вещам точно так же, как диктатор к людям. Они известны ему в той степени, в какой он способен манипулировать ими”³⁸, — писали эти мыслители.

Действительно даже в своем самонаименовании — обозначении, а уж тем более и оценке своей деятельности, мыслители Просвещения фактически прибегали к использованию различного рода манипулятивных технологий. Гордо именуя себя “просветителями”, а свою деятельность — Просвещением, они автоматически навешивали на своих оппонентов, с целью их дискредитации, ярлыки с явно негативной окраской — “мракобесы”, “обскуранты”, “ретрограды”, “тираны”, “деспоты”³⁹, и так далее, при этом, изменяя изначальную смысловую нагрузку различного рода терминов (например, понятий “республика”, “демократия”, “диктатура” и других), а также стремясь заменить их терминами “новыми”⁴⁰.

Примером тому служит термин “просвещенная монархия”. В интерпретации просветителей “просвещенным монархом” назывался глава государства, который или разделял их взгляды, или сочувствовал их деятельности и финансировал ее. Глава государства, не разделявший их воззрений и не финансирующий их деятельность, объявлялся ими “тираном”, которого необходимо было от власти отстранить для последующего изменения ситуации и “прогрессивного” развития общества.

³⁷ См.: Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения... С. 40.

³⁸ См.: Там же. С. 22–23.

³⁹ См.: Бердяев Н.А. Обскурантизм // Путь. 1928. № 13. С. 19; Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936; Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999.

⁴⁰ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. С. 40–43; Махнач В.Л. Доктрина прогресса и искажение фактов // Махнач В.Л., Елишев С.О. Факты и смысл. М., 2003. С. 46–66, 98–110.

Для дискредитации своих оппонентов просветители не пренебрегали использованием любых средств. К примеру, для дискредитации и очернения института монархии во Франции и правящей королевской семьи, они активно тиражировали, хотя и не нашедшую свое отображение в официальных документах, вырванную из контекста фразу (“Государство — это я”), сказанную в свое время королем Людовиком XIV, стремясь выставить короля неадекватным человеком, а монархию — устаревшей формой правления.

На самом деле, воспроизведение всего высказывания короля Людовика XIV, с учетом ситуации, в которой оно было произнесено, давало совсем иную, вполне логичную картину и позволяло оценить адекватность позиции короля в тех исторических условиях, когда она была произнесена. Эта вырванная из контекста фраза была сказана королем зарвавшимся феодалам и их сторонникам-парламентариям, распекаемым королем в стенах французского парламента, с целью поставить их на место и имела совсем иную смысловую нагрузку: “Вы думаете, господа, что государство — это вы? Ошибаетесь! Государство — это я!”⁴¹.

На протяжении десятилетий деятели французского Просвещения подготавливали революцию и возвращали тот слой населения, который французский историк Огюстен Кошен, анализирувавший причины Великой французской революции, назвал “Малым народом”, отметив его особую значимость в процессе подготовки и осуществления этой революции. Как справедливо пишет И.Р. Шафаревич: «Огюстен Кошен в своих работах обратил особое внимание на некий социальный, или духовный слой, который он назвал “Малым Народом”. По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: “Малый Народ” среди “Большого Народа”»⁴², “*антинарод* среди народа”⁴³, обращением мировоззрения которого Просветители и занимались. Целью подобного “обращения” являлось создание “необходимого для переворота типа человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность

⁴¹ https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/652/Государство, <https://history.wikireading.ru/140951> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴² Шафаревич И.Р. Русский вопрос // Шафаревич И.Р. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 114.

⁴³ Там же. С. 114.

к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии”⁴⁴. И который двигался к “свободе” «в смысле все большего освобождения от представлений “Большого Народа”: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним»⁴⁵, т.е. освобождения от традиционных социальных ценностей и норм, кульминацией которого стала Великая французская революция, повлекшая изменения, грабежи и убийства⁴⁶.

Помимо культивирования “антинарода”, идеология Просвещения способствовала формированию того, что сами “просветили” обозначили, как “общественное мнение”, “выраженное и имеющее силу закона в политике, с самого начала <...> мнение узко ограниченного населения”⁴⁷. Как отмечает П. Шампань, категория “общественное мнение” по своей сути “является чем-то вроде машины идеологической войны, которую смастерили на протяжении XVIII века интеллектуальные элиты и маститая буржуазия с целью легитимации их собственных требований в области политики и ослабления королевского абсолютизма”⁴⁸. При этом он подчеркивает, что слово “смастерить” используется им специально для того, чтобы показать, что “общественное мнение” — “это профессиональная идеология”⁴⁹.

Необходимо отметить, что механизм и последствия проникновения этой “профессиональной идеологии” в “душу толпы” в свое время достаточно четко описал Г. Лебон. По мнению Г. Лебона, “идея проникает, наконец, в душу толпы, она получает непреодолимую власть над нею и порождает ряд последствий, которые приходится переносить. Философские идеи, приведшие к французской революции, потребовали целое столетие для того, чтобы укрепиться в душе толпы. Известно уже, какую непреодолимую силу они приобрели после того, как укрепились. Стремление целого народа к приобретению социального равенства, к реализации абстрактных прав и вольностей расшатало все троны и глубоко потрясло западный мир. В течение целых двадцати лет народы устремлялись друг на друга, и Европа пережила такие гекатомбы, которые могли бы испугать Чингисхана и Тамерлана”⁵⁰.

⁴⁴ Шафаревич И.Р. Русский вопрос...

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. С. 190.

⁴⁷ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997. С. 56.

⁴⁸ Там же. С. 52.

⁴⁹ Там же. С. 53.

⁵⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 189–190.

Блестящий научный анализ идеологической подоплеке событий, которые служили началом Великой французской революции, сопровождали ее и следовали за ней, дал Э. Берк в работе “Рассуждения о революции во Франции”. В частности, этот ученый обосновал механизм, посредством которого крупная буржуазия, пришедшая к власти, развернула деятельность по манипуляции массовым сознанием. Для этого она заключила союз с группой “политических литераторов”, которые “подстегиваемые желанием выдвинуться, редко бывают противниками новшеств”⁵¹.

Эта группа, когда двор “потерял для них свою привлекательность”, под эгидой “двух французских академий” и с помощью “грандиозного предприятия по изданию Энциклопедии”, создала “нечто вроде программы регулярного разрушения христианской религии. Они преследовали ее с невиданным доселе пылом, который можно сравнить разве что с пылом каких-нибудь религиозных фанатиков. Одержимые духом фанатичного прозелитизма, начиная с этого времени, они медленно, но неуклонно следовали политике, отвечающей их целям. То, чего им не удавалось сделать непосредственно и сразу, они осуществляли методами более медленными, подготавливая общественное мнение. Чтобы руководить общественным мнением, первым и необходимым шагом было установление владычества над теми, кто его создает. Их первой заботой было захватить в свои руки все пути, ведущие к литературной славе; многие из них действительно достигли высот в науках и литературе; весь мир отдавал им должное; за таланты им прощали ту опасную цель, которую они поставили перед собой. На это благородство они ответили, направив все усилия на то, чтобы исключительно себе и своим последователям создать репутацию единственных обладателей ума, образованности и вкуса”⁵², — писал Э. Берк.

Э. Берк также доказал необоснованность претензий “просветителей” и революционеров на абсолютную истинность и непогрешимость, которую они стремились подтвердить с помощью различных уловок, пропаганды и манипулятивных технологий.

Так, получив статус “наставников-эстетов”, они, будучи “слепо привержены своим идеям, <...> научились выступать против церковников, пользуясь взятой у них формой проповеди. Но во всем другом они были людьми вполне светскими. Ущербность своих аргументов они скрывали с помощью интриг. Систему литературной монополии они дополнили безжалостным очернительством и дискредитацией любыми способами всех, кто не поддерживал их партию.

⁵¹ Берк Э. Рассуждения о революции во Франции. М., 1993. С. 98.

⁵² Там же. С. 98.

Продолжительное наблюдение за их поведением давно позволяло сделать вывод, что им не хватало только власти, чтобы перейти от литературной нетерпимости к прямому гонению на собственность, свободу и жизнь противников”⁵³.

При этом “групповой интерес, интриги, прозелитизм преобладали во всех, даже самых незначительных их разговорах и поступках. В своем дискуссионном рвении они обратили мысли к сильным мира сего и начали переписку с зарубежными монархами в надежде, что власть, которой те обладают и которой они не стеснялись льстить, поможет осуществить желаемые перемены. Им было все равно — произойдут ли эти перемены в результате удара молнии деспотизма или как результат землетрясения, вызванного народными массами. <...> С той же целью, с какой они вели интриги с европейскими монархами, они завязали отношения с капиталистами Франции и сделали это весьма изысканным образом. Теперь, благодаря расположению последних, они начали использовать их возможности для распространения своих идей и завоевания общественного мнения”⁵⁴.

С помощью пропаганды различных нововведений “эти писатели демонстрировали сочувствие бедным и самым низким общественным слоям и в то же время всячески преувеличивали в своих сатирах недостатки монархов, дворян и священников, вызывая к ним ненависть. Они стали в известном смысле демагогами, связав воедино в пользу своей цели враждебность богатых и отчаянье бедных”⁵⁵ (а по сути, манипуляторами — С.Е.). Фактически, описанный Э. Берком процесс проникновения идеологии Просвещения в науку, по его мнению, сопровождался активной деструктивной, дестабилизирующей и антисистемной деятельностью ее носителей и пропагандистов, направленной не только на область и “нужный” вектор формирования общественного мнения, но и на необъективное осмысление различного рода феноменов и процессов.

Таким образом, начиная с эпохи Просвещения, ознаменовавшей собой начало эры тотального манипулирования, манипуляции стали специфическим предметом не только общественно-политической сферы жизнедеятельности Запада, но и всей западной науки, в рамках самых разнообразных научных направлений.

Поэтому изучение влияния эпохи и идеологии Просвещения на жизнедеятельность не только западноевропейской великой культуры, но и современных обществ, актуально, как никогда. Ведь в пре-

⁵³ Берк Э. Рассуждения о революции во Франции. С. 98–99.

⁵⁴ Там же. С. 99.

⁵⁵ Там же.

одолении их влияния и негативных последствий для науки и практики человеческой жизнедеятельности, состоит залог возможного оздоровления и последующего успешного развития многих стран мира, возможно, хотя весьма сомнительно и, некоторых стран Запада. Но начинаться оно должно, прежде всего, в науке, в системах среднего и высшего образования. Без этого, мы не сможем сделать какие-либо шаги в направлении выхода из порожденных эпохой и идеологией Просвещения эры тотальной манипуляции и деградации человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.
- Берк Э. Рассуждения о революции во Франции. М., 1993.
- Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
- Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2017.
- Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
- Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004.
- Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
- Локк Дж. Два трактата о правлении. М., 2009.
- Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000.
- Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия. М., 2008.
- Махнач В.Л., Елишев С.О. Факты и смысл. М., 2003.
- Мелье Ж. Завещание. М., 1937.
- Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права. М., 1938.
- Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
- Сорокин П.А. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1998.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
- Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2004.
- Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.
- Шафаревич И.Р. Две дороги — к одному обрыву // Шафаревич И.Р. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. М., 1994.
- Шафаревич И.Р. Русский вопрос // Шафаревич И.Р. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994.
- Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // Шафаревич И.Р. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1994.
- Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

REFERENCES

- Adorno T., Khorkkhajmer M.* Dialektika Prosveshheniya. Filosofskie fragment [Horkheimer M. Dialectics of the Enlightenment. Philosophical Fragments]. M.-SPb., 1997 (in Russian).
- Berk E.H.* Rassuzhdeniya o revolyutsii vo Frantsii [Reflections on the Revolution in France]. M., 1993 (in Russian).
- Gobbs T.* Leviatan [Leviathan]. M., 2001 (in Russian).
- Gumilev L.N.* Ehtnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. L., 1990 (in Russian).
- Danilevskij N. Ya.* Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M., 1991 (in Russian).
- Elishev S.O.* Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
- Elishev S.O.* O sushhnosti "sovremennykh revolyutsij" i gosudarstvennykh perevorotov [On the essence of "modern revolutions" and coup d'état]. M., 2017 (in Russian).
- Kara-Murza S.G.* Manipulyatsiya soznaniem [Mind manipulation]. M., 2017 (in Russian).
- Kondorse Zh.A.* Ehskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Sketch of a historical picture of the progress of the human mind]. M., 1936 (in Russian).
- Koshen O.* Malyj narod i revolyutsiya [Small people and revolution]. M., 2004 (in Russian).
- Lebon G.* Psikhologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]. SPb., 1995 (in Russian).
- Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii [Two treatises on government]. M., 2009 (in Russian).
- Makhnach V.L.* Ocherki pravoslavnoj traditsii [Essays on the Orthodox Tradition]. M., 2000 (in Russian).
- Makhnach V.L., Elishev S.O.* Politika. Osnovnye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. M., 2008 (in Russian).
- Makhnach V.L., Elishev S.O.* Fakty i smysl [Facts and Meaning]. M., 2003.
- Mel'e Z.H.* Zaveshhanie [Testament]. M., 1937 (in Russian).
- Monteske S.H.* O dukhe zakonov [About the spirit of laws]. M., 1999 (in Russian).
- Russo Zh.-Zh.* Ob obshhestvennom dogovore. Printsipy politicheskogo prava [About the social contract. Principles of political law]. M., 1938 (in Russian).
- Russo Zh.-Zh.* Traktaty [Treatises]. M., 1969 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Obshhie printsipy tsivilizatsionnoj teorii i eyo kritika [General principles of civilizational theory and its criticism] // Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij: Khrestomatiya. M., 1998 (in Russian).
- Tojnbi A. Dzh.* Postizhenie istorii [Understanding history]. M., 1999 (in Russian).
- Florenskij P.A. (svyashhennik).* Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoj antropoditsei) [Collected works. Philosophy of the cult (experience of Orthodox anthropodicy)]. M., 2004 (in Russian).
- Shampan' P.* Delat' mnenie: novaya politicheskaya igra [Making an opinion: a new political game]. M., 1997 (in Russian).
- Shafarevich I.R.* Dve dorogi — k odnomu obryvu [Two roads — to one cliff] // Shafarevich I.R. Sochineniya. V 3-kh t. T. 1. M., 1994 (in Russian).
- Shafarevich I.R.* Russkij vopros [Russian question] // Sobr. soch. v 3-kh t., T. 2. M., 1994 (in Russian).

Shafarevich I.R. Sotsializm kak yavlenie mirovoj istorii [Socialism as a Phenomenon of World History] // *Shafarevich I.R. Sochineniya. V 3t. T. 1. M., 1994* (in Russian).

Shpengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]: v 2 t. T. 1. M., 1993 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-107-121

НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ХАРРИЕТ МАРТИНО

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Актуальность работы обусловлена проблемой возникновения такого известного в современной науке направления как феминистская социология. С статье предпринята попытка рассмотреть начало формирования феминистской социологии в Европе. На основе анализа первоисточников автор раскрывает вклад в развитие этого направления английской исследовательницы Харриет Мартино. Ее вклад в развитие социологии как науки в настоящее время не вызывает сомнений, поскольку имя этого английского социолога ставят в один ряд с признанными социологами-классиками, такими как О. Конт, Г. Спенсер. Мартино была одной из тех социологов, кто обратил внимание на иное видение социальной реальности, а именно на тот факт, что женщины видят мир иначе, чем мужчины, их мысли и чувства социально и культурно обусловлены. Видение и подходы Мартино к исследованию социальной проблематики отличаются оригинальностью и основаны на собственных многочисленных эмпирических исследованиях. Автор статьи предпринял попытку проследить исследовательскую логику английского социолога. Если первые позитивисты занимались поиском и обоснованием законов стадий общественного прогресса, то для Мартино одной из главных задач было исследование социальной жизни в обществе в ее конкретном проявлении, повседневных моделей взаимодействия между людьми, формирующихся в различных культурно-исторических контекстах. Автор показывает, что творчество английской исследовательницы действительно позволяет говорить о ее социально-критическом подходе к изучению общества и большом значении проблемы дискриминации женщин в современном ей обществе. Социологию Мартино можно рассматривать как феминистскую, положившую начало женским исследованиям и общей социально-критической направленности мышления в науке, в некоторой степени оппозиционной социологическому канону.

Ключевые слова: феминистская социология, классическая социология, история социологии, Харриет Мартино.

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

THE BEGINNING OF EUROPEAN FEMINIST SOCIOLOGY: HARRIET MARTINEAU

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Professor of History and Theory of Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, 33, Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The relevance of the work is due to the problem of the emergence of such a well-known trend in modern science as feminist sociology. The article attempts to consider the beginning of the formation of feminist sociology in Europe. Based on the analysis of primary sources, the author reveals the contribution of the English researcher Harriet Martineau to the development of this direction. Her contribution to the development of sociology as a science is currently beyond doubt, since the name of this English sociologist is put on a par with recognized classical sociologists such as O. Comte, G. Spencer. Martino was one of those sociologists who drew attention to a different vision of social reality, namely the fact that women see the world differently than men, their thoughts and feelings are socially and culturally conditioned. Martino's vision and approaches to the study of social issues are distinguished by originality and are based on his own numerous empirical studies. The author of the article made an attempt to trace the research logic of the English sociologist. If the first positivists were engaged in the search and justification of the laws of the stages of social progress, then for Martino one of the main tasks was to study social life in society in its concrete manifestation, everyday patterns of interaction between people formed in various cultural and historical contexts. The author shows that the work of the English researcher really allows us to talk about her socially critical approach to the study of society and the great importance of the problem of discrimination against women in modern society. Martineau's sociology can be regarded as feminist, which marked the beginning of women's studies and the general socio-critical orientation of thinking in science, to some extent opposed to the sociological canon.

Key words: feminist sociology, classical sociology, history of sociology, Harriet Martineau.

В современной социологии существуют различные точки зрения по вопросу о том, когда появилась социология, с какими интеллектуальными образованиями ее следует идентифицировать, кто является основателем научной социологии. Признанными классиками европейской социологии считают А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Парето и др., в числе которых практически не встречается ни одной женщины. История русской классической социологии представляется подобным образом, женщины являются редким исключением, например, А.С. Звоницкая. В связи вопросом о периоде формирования социологической науки встает вопрос о времени возникновения такого направления, как феминистская социология. В большей степени преобладает мнение, что феминистская социология — это новое образование, возникшее в XX

в., что связано с известными общественными трансформациями в различных сферах общественной жизни. Тем не менее нам хотелось бы обратить внимание на более ранний период, тот который в истории социологии называют классическим. В истории развития социальной мысли можно назвать женщин, которые внесли значительный вклад в развитие социологической науки и заложили основы феминистской теории.

Одной из таких женщин-социологов является Харриет Мартино (1802–1876), она была младше О. Конта всего на четыре года. Мартино родилась в Англии в семье текстильного фабриканта. Родители придерживались консервативного подхода в воспитании своих детей, хорошие манеры и начитанность в семье поощрялись. В 1821 г. Мартино начала писать статьи для периодических изданий, а когда ей исполнилось 27 лет, семейный бизнес потерпел неудачу и ей пришлось зарабатывать на жизнь для своей семьи и отойти от традиционной женской роли. Мартино занималась писательской деятельностью и стала очень популярной в этой области. В своей автобиографии она описывает изменения, произошедшие в ее жизни, которые способствовали ее писательскому успеху¹. Активная литературная деятельность позволила ей почувствовать полноту жизни, как пишет сама Мартино “по-настоящему жить, а не прозябать”. Работа Мартино не ограничивалась публицистикой, она писала большие художественные и научные произведения. Одной из первых книг, принесших ей также большое признание и успех, стала работа “Иллюстрации политической экономии”², опубликованная в 1832 г. Эта работа была посвящена популяризации идей Адама Смита. Успехи Мартино в области политической экономии были в какой-то степени вызовом своего времени, так как писательской деятельностью традиционно занимались в большей степени мужчины, женщинам оставляли только небольшое поле, каким была любовная лирика и семейная проблематика.

В нашей отечественной литературе о Харриет Мартино стало известно только в XX в. Ее называют писательницей, журналисткой, общественным деятелем, экономистом, профессиональным социологом. В зарубежной социологии ее имя также практически не упоминалось среди отцов-основателей науки. Как отмечают

¹ *Martineau H.* Harriet Martineau's Autobiography. Boston, 1877. URL: <http://oll.libertyfund.org>; https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2011/Martineau_1385.01_Bk.pdf (accessed: 27.01.2022).

² *Martineau H.* Illustrations of political economy. L., 1832. URL: https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/1690/1299.02_Bk.pdf (accessed: 27.01.2022).

современные феминистские теоретики, именно факт гендерной принадлежности Мартино способствовал тому, что ее творчество оставалось не замеченным в течение длительного периода времени. В настоящее время по-прежнему не все признают значимость идей и трудов английской писательницы несмотря на то, что при жизни ее работы были достаточно известны и популярны. Как отмечает сама Х. Мартино, гендерное неравенство в значительной степени препятствовало ее работе, это сказывалось прежде всего на возможностях сбора эмпирических данных.

В XX в. имя Мартино стало известно более широкому кругу изучающих социологию, благодаря упоминанию о ней таких известных современных ученых-социологов, как Э. Гидденс, Дж. Ритцер в зарубежной литературе и С.А. Кравченко в отечественной, признающих ее значительный вклад в развитие социологии в целом³. Х. Мартино была лично знакома с О. Контом и занималась переводом на английский язык его основного труда “Курс позитивной философии”. Благодаря ее усилиям появился один из первых переводов этой работы Конта, который был одобрен самим автором и опубликован в 1853 г., книга получила название “Позитивная философия Огюста Конта”⁴. Объем этого шеститомного издания был значительно сокращен (до двух томов), Мартино стремилась сделать более доступными и понятными идеи О. Конта, чему посвятила свои комментарии и критический обзор, которые также были благосклонно приняты основателем социологии и позже переведены на французский язык. Научные интересы английского социолога были широки и многообразны. Она занималась не только теоретической, но и эмпирической социологией. Как теоретика ее интересовали проблемы общественного развития, прогресса, социальные институты, “универсальные законы” развития, поиск которых был важной задачей для первых социологов-позитивистов (О. Конт, Г. Спенсер), природа морали, социальное неравенство, возможности реформирования общества. Как и многие первые социологи Мартино не называла себя социологом, хотя одна из первых отмечала необходимость внесения в программу общего образования “политической экономии”, именуя так науку об обществе, поскольку название “социология” в это время не только не утвердилось, но и не было еще предложено О. Контом.

³ Гидденс Э. Социология. М., 2005; Кравченко С.А. Социология. Классические теории через призму социологического воображения. М., 2014; Ritzer G. Blackwell companion to major social theorists. Oxford, 2000. P. 41–68.

⁴ Martineau H. The positive philosophy of Auguste Comte. L., 1853. URL: <https://ia802605.us.archive.org/28/items/positivephiloso03martgoog/positivephiloso03martgoog.pdf> (accessed: 28.01.2022).

С одной стороны, Мартино была знакома с идеями некоторых известных социологов-классиков и испытывала влияние позитивизма в своем творчестве. Она была солидарна с идеями О. Конта о необходимости использования научных методов при исследовании общества, а также принимала разработанный Контом знаменитый “закон трех стадий”. С другой стороны, ее подход к изучению общества отличался особым видением социальной жизни, оригинальностью восприятия различных социальных проблем. В отличие от Конта, который как известно, был исключительно кабинетным ученым, Мартино занималась эмпирической социологией. Она имела возможность много путешествовать, что способствовало сбору большого количества фактических данных для изучения различных социологических проблем. В частности, это давало широкие перспективы исследовать социальные институты в контексте различных культур, изучать реальное социальное неравенство и процессы формирования моральных принципов, экономическое развитие и влияние различных культурно-исторических факторов. Социология Мартино была непохожей на социологию своего времени, отличаясь тем, что английский социолог не ставила задачи описать общество в целом, для нее больший интерес представляли конкретные общества (Англия, Америка, страны Ближнего Востока). Если первые позитивисты занимались поиском и обоснованием законов стадий общественного прогресса, то для Мартино одной из задач было исследование социальной жизни в обществе в ее конкретном проявлении, повседневных моделей взаимодействия между людьми, формирующихся в различных культурно-исторических контекстах.

Развивая эмпирическую социологию, Мартино проводила собственные исследования, на основе использования качественных методов, а также сравнительного анализа. Ряд работ были посвящены эмпирической социологии, такие как “Эссе об искусстве мыслить” (1830) и “Как наблюдать мораль и манеры” (1838)⁵. Описание принципов эмпирической социологии было предпринято английской исследовательницей в 1838 г. Мартино описывает основные правила систематического наблюдения, особенности сбора информации, вопросы репрезентативности выборки, основы методов сравнения и эксперимента, подбор социальных индикаторов, анализ вторичных данных, классификации данных, проблемы учета ошибок. Английская исследовательница указывала на необходимость планирования исследования, то, что в современной социологии называют программой исследования, важными частями которой является изначальное

⁵ Martineau H. How to observe morals and manners. L., 1838.

формулирование целей и задач, подбор материала, систематическую фиксацию наблюдаемых данных.

Особенности социологии Х. Мартино не исчерпывались большим акцентом на эмпирической составляющей. В целом можно говорить о ее специфическом подходе к анализу социальных явлений, к пониманию прогресса, морали, типизации общества, а также следует принимать во внимание основные проблемы, имеющие для исследовательницы особое значение. Некоторые историки социологического знания отмечают скептическое отношение Х. Мартино к мужскому видению мира, нежелание признавать его в качестве “универсального”, к сложившейся в социальных науках так называемой мужской монополии. Творчество английской исследовательницы действительно позволяет говорить о ее социально-критическом подходе к изучению общества и большом значении проблемы дискриминации женщин в современном ей обществе. Социологию Мартино можно рассматривать как феминистскую, положившую начало женским исследованиям и общей социально-критической направленности мышления в науке, в некоторой степени оппозиционной социологическому канону.

Большую известность получила работа Х. Мартино “Общество в Америке”, опубликованная в 1837 г., в которой она не только использует термин “социология”, но и подходит к исследованию различных социальных проблем с точки зрения сложившегося неравенства между мужчинами и женщинами⁶. В начале 1830-х гг. Мартино совершила длительную поездку в США. Она встречалась с известными людьми, в числе которых был и четвертый президент США Джеймс Мэдисон. Результатом этой поездки и стали две работы “Общество в Америке” (1837) и “Ретроспектива западного путешествия” (1838)⁷. Посещение Америки было продиктовано отчасти заботой о собственном здоровье, отчасти большим интересом к американскому обществу, которое воспринималось жителями Европы как общество, развивающееся на эгалитарных принципах, общество без феодальной истории, монархии, единой общенациональной церкви, потомственной аристократии, всего того, что было характерно для европейских государств. Мартино активно путешествовала по всей Америке, ее интересовали различные сферы общественной жизни

⁶ Martineau H. Society in America. L., 1837. URL: <https://ia800307.us.archive.org/5/items/societyinamerica02martiala/societyinamerica02martiala.pdf> (accessed: 27.01.2022).

⁷ Martineau H. Retrospect of Western travel. L., 1838. URL: <https://ia800501.us.archive.org/35/items/retrospectofwest03martrich/retrospectofwest03martrich.pdf> (accessed: 25.01.2022).

США, что позже было отражено в трех частях ее книги “Общество в Америке”: политическая система — в первой части, экономическая система — во второй, третья часть книги была посвящена культуре, обычаям и социальному поведению. Большое впечатление на английскую исследовательницу произвело рабство, описание которого вошло в ее книгу, она подвергает критике южных рабовладельцев прежде всего за их отношение к женщинам-рабыням, которые по мнению автора находились в более тяжелом положении по сравнению с мужчинами-рабами. Рабовладельцы не только использовали женщин для работы, они считали их своим гаремом, а также извлекали экономическую выгоду из продажи их детей.

Мартино обратила внимание также на тот факт, что подобное обращение наблюдалось и в отношении белых рабовладельцев к своим женам, которых рассматривали скорее в качестве украшения дома, мнение которых не носило никакой ценности, права которых были весьма ограничены, начиная с права на полноценное образование. Одна из глав ее книги, в которой повествуется об идентичности положения белых свободных женщин в Америке с положением рабынь, получила название “Политическое несуществование женщин”. Мартино непосредственно изучала состояние брачно-семейных отношений в Америке, на основании которых она описывала подчиненную роль женщин и указывала на особенности взаимоотношений между полами, в которых продолжает действовать право сильного. Специфика методологического подхода выражалась в ее требовании к наблюдателю исследовать “частную жизнь в обществе”, поскольку, по мнению Мартино, без этого невозможно в полной мере понять любое общество. Таким образом, она сама уделяла большое внимание изучению конкретных социальных практик гостеприимства, ведения домашнего хозяйства, моделей воспитания детей, сексуальности, что давало более полную картину культурно-исторического контекста того или иного общества. Английский социолог полагала, что на основе таких наблюдений можно производить типизацию обществ. Изучение общественной жизни в Америке привело Мартино к пониманию того, что мужское и женское видение социальных проблем может значительно различаться, это касается восприятия свободы и демократии, социального счастья и социальных тревог, а также многого другого. Идеи Мартино могут рассматриваться не только как начало женских исследований, но и как обоснование принципов феминизма, как начало феминистской теории.

Проблема неравенства между мужчинами и женщинами в творчестве английской исследовательницы оказалась тесно связана с ее

представлениями и прогрессе. Критерии общественного прогресса, по мнению Мартино, составляют: моральное благополучие; уровень общего экономического развития; степень автономности или зависимости индивидов; условия жизни социально зависимых индивидов (расовые меньшинства, женщины, заключенные, больные); степень возможности самостоятельно осуществлять практические действия и моральные акты. Самым важным законом социальной жизни, как утверждает Мартино, является движение к человеческому счастью. Главной целью любого общества становится достижение счастья для наибольшего числа людей. Счастье трактовалось исследовательницей как такое общественное состояние, для которого характерно отсутствие доминирования в любом проявлении, навязывание воли другому, насилия. Достижение общественного счастья невозможно осуществить революционным путем, путь к прогрессивному развитию может быть только эволюционным, реформистским. В работе “Как наблюдать мораль и манеры” Мартино описывает свое представление путей достижения человеческого счастья⁸. Она была одной из первых социологов, кто обратил внимание на неодинаковость восприятия мира мужчинами и женщинами. Социальное счастье также как свобода, демократия и другие социальные проблемы понимается по-разному. Соответственно и стремление к достижению счастья у мужчин и женщин может отличаться. В творчестве английского социолога проблемы социальной жизни во многом анализировались сквозь призму гендерного неравенства и борьбы женщин за равные права.

Одной из важнейших социальных проблем для Мартино, начиная с раннего периода творчества, была проблема образования и, в частности, это вопросы женского и домашнего образования. Первая статья, посвященная этой проблеме “Женское образование”, была написана автором еще в 1823 г., когда Мартино был 21 год, а в последствии вопросам образования вообще и женского образования было посвящено огромное количество статей (более 600), описывающих условия жизни женщин в различных обществах, высшее образование для женщин, а также школьное и домашнее обучение и воспитание девочек⁹. Позже, в 30-х годах XIX в., в работе “Общество в Америке” Мартино продолжает рассматривать проблему женско-

⁸ Martineau H. How to observe morals and manners. L., 1838. URL: http://www.archive.org/stream/howtoobservemora00martuoft/howtoobservemora00martuoft_djvu.txt (accessed: 15.01.2022).

⁹ Вишневский Ю.Р. Проблемы образования и воспитания в творчестве первой женщины-социолога Г. Мартино // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 14–27.

го образования. В 1849 г. публикует еще одну книгу — «Домашнее воспитание» (“Household education”)¹⁰, получившую широкую известность. Есть и более поздние работы автора, например, «Обеспеченные школы Ирландии» (1859)¹¹. Исследовательница отмечает, что интеллект женщин в современном ей обществе ограничен отсутствием должного уровня образования. Однако недостаток женского образования объясняется не биологическими причинами, а социальными. Он является следствием общего патриархального уклада общественной жизни, при котором у женщин ограничены сферы деятельности, и просто нет таких целей, для которых явным образом потребовалось бы образование. Автор рассматривает проблему социализации, указывая на обусловленность различий интеллектуальных возможностей мужчин и женщин исключительно различиями в процессе их социализации.

Мартино утверждала, что для тех обществ, которые важнейшей ценностью считают интеллектуальные достижения, на первое место выходит проблема развития институтов высшего образования. Сама исследовательница рассматривала образование в качестве важнейшего социального института в любом обществе, поскольку необходимые социальные изменения зависят именно от уровня образования населения. С образованием напрямую связана и возможность продвижения к счастью и достижения совершенной добродетели. Правильным образованием, по мнению Мартино, следует считать гармоничное сочетание интеллектуального, физического и нравственного воспитания, начинающегося еще в период ранней социализации. Также огромное значение имеет желание и способности человека совершенствоваться в течение всей жизни, для этого необходимо изначально постараться обнаружить и развить те возможности, которые предоставлены каждому конкретному индивиду, в чем и состоит основная цель образования и воспитания. В отношении к институту образования Мартино предполагала основной принцип — всеобщее право на образование. Исследовательница считала, что женщины и вообще люди, занимающие любое социальное положение в обществе, должны иметь равные права на получение образования, которое позволит им свободно и самостоятельно мыслить. Это основное направление движения человечества

¹⁰ Martineau H. Household education. L., 1849. URL: <https://ia800303.us.archive.org/20/items/householdeducati00mart/householdeducati00mart.pdf> (accessed: 28.01.2022).

¹¹ Martineau H. Endowed schools of Ireland. L., 1859. <https://ia802303.us.archive.org/21/items/endowedchoolsof00martuoft/endowedchoolsof00martuoft.pdf> (accessed: 25.01.2022).

к добродетели и лучшей жизни. Уровень развития народного образования для Мартино являлся основным фактором и критерием социального прогресса. Всеобщее образование непосредственно связано с идеалом свободы, и превращение идеи свободы в национальную идею будет способствовать росту уровня образования. Мартино утверждала, что стремление к знаниям будет проявляться только там, где есть свобода мысли, дающая простор для сосуществования разнообразных мнений. В основе образования должны лежать самостоятельность мышления и обучение, базирующееся на свободном исследовании, опыте и эксперименте, возможности свободной дискуссии по актуальным социальным, политическим и любым научным проблемам.

Всеобщее право на образование для Мартино было главным условием истинного образования. Ее собственные наблюдения системы образования показали, что в современных ей обществах мужчины имели значительные преимущества по сравнению с женщинами и несвободными людьми (рабами), это явление исследовательница относила к социальной несправедливости. Для реализации цели развития образования требовалось устранение этой проблемы, предоставления женщинам возможности получать образование с самого раннего возраста. При оценке уровня развития цивилизации Мартино опирается на наблюдаемое состояние жизни той части населения, которая находится под властью сильного. В частности, с этой точки зрения исследовательница рассматривала американское общество, указывая на не слишком высокий уровень ее развития по сравнению с цивилизацией Старого Света. Наблюдение за отношением к женщинам и их положением в обществе показывало противоречие реального состояния с декларируемыми в американском обществе принципами демократии. Английская исследовательница обратила внимание в целом на общую недостаточность политического просвещения среди американского населения, в результате чего большинство граждан было неспособно принимать адекватные решения по важным социальным вопросам. Вместе с тем Мартино обнаружила ряд существенных моментов в отношении к женщинам: современное американское общество ограничивает умственное развитие женщины, подавляет ее нравственное чувство, разрушает ее здоровье, подавляет силу ее характера. Собственные наблюдения социолога подкреплялись мнением интеллектуальных собеседников, с которыми Мартино встречалась в процессе своего пребывания в США.

Английская исследовательница подробно анализирует то образование, которое оставалось доступным для женщин, подвергая его

критике, называя его “убожеством обучения”. Во-первых, критика Мартино касается содержательного аспекта образования, который сводился к задачам заполнения досуга женщин, умения поддерживать разговор в беседе с мужем, умения обучать своих детей элементарным вещам. Во-вторых, критика в области усвоения того, чему и как обучают, усвоение знаний базировалось на пассивном восприятии материала и простом запоминании. В-третьих, критика проблемы направленности обучения, которая заключалась в отсутствии развития у женщин “ясной и логической умственной деятельности”, не трудно научить человека читать, гораздо труднее научить его думать. Кроме того, Мартино упоминает тот факт, что учителями и гувернантками часто являются сами женщины, и они нередко оказываются просто вынужденными заниматься преподаванием и воспитанием, практически единственной сферой деятельности, к которой они имеют доступ. К такому занятию их вынуждает безвыходное положение бедности и унижения при возможном полном отсутствии призвания и желания заниматься подобной деятельностью. Размышляя о необходимости предоставления равных прав на получение образования для женщин, Мартино опровергала подход биологического детерминизма, предполагающий изначальную социальную и психологическую неспособность женщин к освоению школьного и университетского образования, врожденную неспособность женщин к абстрактному мышлению. Для доказательства этого факта исследовательница предлагала провести специальный научный эксперимент, проясняющий реальные способности женщин.

Английская исследовательница не считала, что образование для женщин может быть избыточным и ненужным. Наоборот, она утверждала, что хорошее образование женщин будет благотворно влиять и на домашние виды деятельности, поможет им более рационально подходить к организации домашнего хозяйства, к обучению и воспитанию своих детей. Кроме того, Мартино возражала тем, кто считал ориентацию женщин исключительно на замужество единственно возможной. По ее мнению, женщинам необходимо предоставлять право выбора жизненных целей, а также открывать перспективы большего количества видов деятельности. Мартино изучала и экономическую сферу социальной жизни, что позволило ей найти глубинные основания и показать социально-экономические предпосылки, повлиявшие на необходимость распространения образования среди женщин.

Одной из заслуг английской исследовательницы является ее анализ взаимосвязи проблемы образования с проблемами рынка труда и изменениями в системе занятости. На основании своих

наблюдений была замечена новая тенденция — увеличение числа женщин, выбирающих профессиональную карьеру в качестве одной из важнейших жизненных целей. Для таких женщин роль жены и матери сохраняла свое значение, однако собственное образование и возможность работать вне дома приобретали также большую ценность. Мартино как настоящий социолог эмпирически установила происходящие в обществе наблюдаемые изменения, опираясь в том числе на материалы переписи населения Англии. Она анализировала демографические данные, обратила внимание на сокращение числа браков и увеличение количества разводов, на факт увеличения возраста при вступлении в брак, на превышение количества женщин брачного возраста по сравнению с количеством мужчин и многие другие важнейшие факты. Опираясь на собственные исследования, Мартино обнаружила, что к середине XIX в. «из 6 млн английских женщин того времени половина занята “вне дома”, треть — самостоятельно зарабатывает на своё существование»¹². Другой проблемой, выявленной английским социологом, была проблема большого разрыва в оплате труда между мужчинами и женщинами. Изучаемые вопросы способствовали тому, что Мартино открыто выступала за устранение гендерного неравенства, отстаивала право женщин на образование и труд.

Х. Мартино является не только одной из первых известных женщин-социологов, которых ставят в один ряд с признанными социологами-классиками, такими как О. Конт, Г. Спенсер. Она в значительной степени повлияла и на становление феминистской социологии, не только как борец за равные права между мужчинами и женщинами. Мартино была одной из тех социологов, кто обратил внимание на иное видение социальной реальности, а именно на тот факт, что женщины видят мир иначе, чем мужчины, их мысли и чувства социально и культурно обусловлены. Идеи Мартино позволили в дальнейшем обратить внимание феминистских теоретиков на патриархальность европейской и американской культуры XIX в., на доминирование мужского видения мира и представление его естественным и единственно верным. Одной из характерных черт феминистской социологии стала установка о том, что женский взгляд на общество имеет право на существование и должен быть представлен в социологической науке.

Мартино была одной из первых социологов, которые сосредоточились непосредственно на женских аспектах тех или иных

¹² Вишневский Ю.Р. Проблемы образования и воспитания в творчестве первой женщины-социолога Г. Мартино // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 14–27.

социальных проблем: отношения супругов в семье, воспитание и образование детей, социализация, образ жизни женщин, женское образование, положение женщин в обществе и на рынке труда и т.д. Благодаря английской исследовательнице был выделен важный аспект видения этих конкретных проблем — видения глазами женщин.

Изучение различных социальных проблем, а также специфика подхода к социологическому исследованию способствовали тому, что Мартино все больше сосредотачивалась на вопросах неравенства между мужчинами и женщинами, на анализе существующих социальных практик отношений этого неравенства. Исследование проблематики гендерного неравенства приводит феминистских социологов к критике патриархальных культурных ценностей и норм, что было свойственно и Мартино.

Феминистские теоретики обращаются к исследованию специфических проблем, которые в классической социологии редко становились объектом изучения, таких как человеческая сексуальность, вопросы гетеро- и гомосексуальных отношений, формирования моделей маскулинности и феминности с учетом различных культур и исторических периодов, проблемы гендерной социализации и сексуального насилия и т.д. Мартино также касалась части нетрадиционной проблематики, изучая, например, отношение к порнографии. В целом можно отметить расширение проблемного поля исследований, осуществляемое феминистскими социологами.

Мартино привнесла в социологические исследования специфические методы анализа, направленные на понимание гендерной социализации, гендерной идентичности, особенностей мужского и женского поведения и взаимодействия. Расширение использования новых методов, (преимущественно качественных), культурных подходов к исследованию различных проблем отличает феминистскую социологию на протяжении всего ее развития. Если определять феминистскую социологию как направление науки, которая устанавливалась через оппозицию к традиционным классическим подходам, то Х. Мартино была одной из первых социологов, заложивших основы для развития феминистской и гендерной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винцлавская М. Харриет Мартино: возвращение в мировую социологию (перевод Верчёнов Л.Н.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: реферативный журнал. 2006.02.015 (Цит. по: *Winclawska M.S. Powrót na salony światowej socjologii* // *Studia socjologiczne*. 2004. N 3(174). S. 63–91).

Вишневский Ю.Р. Проблемы образования и воспитания в творчестве первой женщины-социолога Г. Мартино // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С.14-27.

Гидденс Э. Социология. М., 2005.

Калекин-Фишман Д. Иная социология возможна: в зависимости от содержания понятия “иная” // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 16–25.

Канаши Т.В. Гарриет Мартино: роль и значение в истории западной социологии // Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию институционализации социологического образования в Беларуси, открытию отделения и кафедры социологии в Белорусском государственном университете, Минск, 4–5 ноября 2009 г. / Отв. ред. А.Н. Данилов. Минск, 2010. С. 81–84.

Кравченко С.А. Социология. Классические теории через призму социологического воображения. М., 2014.

REFERENCES

Giddens J. Sociologija [Sociology]. M., 2005 (in Russian).

Kalekin-Fishman D. Inaja sociologija vozmozhna: v zavisimosti ot sodержaniya ponjatija “inaja” [A different sociology is possible: depending on the content of the concept of “other”] // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. N 7. P. 16–25 (in Russian).

Kanash T.V. Harriet Martineau: rol' i znachenie v istorii zapadnoj sociologii [Harriet Martineau: Role and significance in the History of Western Sociology] // Sociologicheskaja nauka i obrazovanie: sostojanie, problemy i perspektivy razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 20-letiju institucionalizacii sociologicheskogo obrazovaniya v Belarusi, otkrytiju otdelenija i kafedry sociologii v Belorusskom gosudarstvennom universitete, Minsk, 4–5 nojabrja 2009. Minsk, 2010. P. 81–84 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sociologija. Klassicheskie teorii cherez prizmu sociologicheskogo voobrazhenija [Sociology. Classical theories through the prism of sociological imagination]. M., 2014 (in Russian).

Lipset S.M. Harriet Martineau America // Martineau H. Society in America / Ed. by S.M. Lipset. N.Y., 1962. P. 4–42.

Martineau H. Endowed schools of Ireland. L., 1859. URL: <https://ia802303.us.archive.org/21/items/endowedschoolsof00martuoft/endowedschoolsof00martuoft.pdf> (accessed: 25.01.2022).

Martineau H. Harriet Martineau's autobiography. Boston, 1877. URL: https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2011/Martineau_1385.01_Bk.pdf (accessed: 25.01.2022); https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2012/Martineau_1385.02_Bk.pdf (accessed: 25.01.2022).

Martineau H. Household Education. L., 1849 URL: <https://ia800303.us.archive.org/20/items/householdeducati00mart/householdeducati00mart.pdf> (accessed: 28.01.2022).

Martineau H. How to observe morals and manners. L., 1838. URL: http://www.archive.org/stream/howtoobservemora00martuoft/howtoobservemora00martuoft_djvu.txt (accessed: 28.01.2022).

Martineau H. Illustrations of political economy. L., 1832. URL: https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/1690/1299.02_Bk.pdf (accessed: 27.01.2022).

Martineau H. Retrospect of Western travel. L., 1838. URL: <https://ia800501.us.archive.org/35/items/retrospectofwest03martrich/retrospectofwest03martrich.pdf> (accessed: 27.01.2022).

Martineau H. Society in America. L., 1837. URL: <https://ia800307.us.archive.org/5/items/societyinamerica02martiala/societyinamerica02martiala.pdf> (accessed: 27.01.2022).

Martineau H. The positive philosophy of Auguste Comte. L., 1853. URL: <https://ia802605.us.archive.org/28/items/positivephiloso03martgoog/positivephiloso03martgoog.pdf> (accessed: 28.01.2022).

Ritzer G. Blackwell companion to major social theorists. Oxford, 2000. P. 41–68. URL: <https://ia600202.us.archive.org/2/items/TheBlackwellCompanionToMajorClassicalSocialTheoristsGeorgeRitzerUploadedByUniver/The%20Blackwell%20Companion%20to%20Major%20Classical%20Social%20Theorists%20George%20Ritzer%20Uploaded%20by%20University%20of%20Sargodha...Taimoor%20Ali.pdf> (accessed: 30.01.2022).

Vinclavskaja M. Harriet Martino: vozvrashhenie v miroviju sociologiju [Harriet Martineau: Return to World Sociology] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: referativnyj zhurnal. 2006.02.015 (in Russian).

Vishnevskij J.R. Problemy obrazovanija i vospitanija v tvorchestve pervoj zhen-shhiny-sociologa G. Martino [Problems of education and upbringing in the work of the first female sociologist G. Martino] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. N 2. P. 14–27 (in Russian).

ИНФОРМАЦИОННОЕ И ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Г.Б. Прончев, канд. физ.-мат. наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В данной статье представлен обзор моделей, разработанных исследователями для наглядного представления сложного и многоаспектного коммуникативного процесса, которые отражают наиболее существенные элементы реального процесса коммуникации, взгляды ученых на процесс коммуникации, а также наиболее актуальные проблемы, которые привлекали их внимание в тот или иной период.

По мнению автора, в настоящее время, в связи с развитием и активным внедрением электронно-цифровых коммуникационных технологий в коммуникационные процессы ключевые компоненты коммуникационных моделей существенно трансформировались, а их функциональное назначение значительно изменилось. В данной связи значительное внимание в статье уделено векторам обозначенной трансформации, среди которых — качественное расширение сферы социальной коммуникации, изменение способа передачи информации и таких элементов коммуникативного процесса как коммуникатор — аудитория.

В статье представлена авторская трактовка трансформации модели Г. Лассуэлла в электронно-цифровую эпоху. Автор полагает, что при транспортировке сообщения с информацией помимо физической среды распространения (воздух, компьютерная сеть и др.) большое значение на эффективность оказывает структура распространения, которая все чаще приобретает сетевой характер. В случае сетевой структуры распространения сообщения с информацией и одновременного получения сообщения с информацией большим количеством получателей большое значение имеет “время интереса” получателей к поступающей информации.

В статье проанализированы новые свойства, характерные для цифровых коммуникаций. Так, источник информации (коммуникатор) в цифровую эпоху может быть неизвестен, посылаемое коммуникатором сообщение в цифровую эпоху может подстраиваться по реципиента, каналы связи в цифровую эпоху также могут подстраиваться под конкретного пользователя, количество

* Прончев Геннадий Борисович, e-mail: pronchev@rambler.ru

информационных источников для реципиента в цифровую эпоху значительно увеличивается, но на практике получатель информации обращается к ограниченному числу источников, при этом полагая, что обладает полноценной свободой доступа к информации. Важнейшей из особенностей эффекта коммуникации в цифровую эпоху является то, что в условиях бурного развития виртуальных социальных сетей реципиент сам может являться источником массовой информации. Таким образом, развитие цифровых технологий и сетевых коммуникационных структур хотя и является важным вектором трансформации коммуникационной структуры общества в электронно-цифровую эпоху, имеет неоднозначные последствия для развития социума.

Ключевые слова: социальная коммуникация, модели коммуникационного процесса, коммуникация в электронно-цифровую эпоху, виртуальные социальные среды, социальная сеть, метафора социальной сети, функции виртуальных социальных сетей.

TRANSFORMATION OF SOCIAL COMMUNICATION MODELS IN THE DIGITAL AGE

Pronchev Gennadi B., Associate Professor, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pronchev@rambler.ru

This article presents an overview of the models developed by researchers for the visual representation of a complex and multidimensional communicative process, which reflect the most essential elements of the real communication process, the views of scientists on the communication process, as well as the most pressing problems that attracted their attention at one time or another.

According to the author, at present, due to the development and active introduction of electronic and digital communication technologies into communication processes, the key components of communication models have been significantly transformed, and their functional purpose has changed significantly. In this regard, considerable attention is paid in the article to the vectors of the indicated transformation, among which is the qualitative expansion of the sphere of social communication, the change in the way information is transmitted and such elements of the communicative process as the communicator — audience.

The article presents the author's interpretation of the transformation of the H. Lasswell model in the digital age. The author believes that when transporting a message with information, in addition to the physical medium of distribution (air, computer network, etc.), the distribution structure, which is increasingly acquiring a network character, has a great importance on efficiency. In the case of a network structure for the distribution of a message with information and the simultaneous receipt of a message with information by a large number of recipients, the "time of interest" of the recipients to the incoming information is of great importance.

The article analyzes new properties characteristic of digital communications. Thus, the source of information (communicator) in the digital era may be unknown, the message sent by the communicator in the digital era may be adjusted according to the recipient, communication channels in the digital era can also be adjusted to a specific user, the

number of information sources for the recipient in the digital era increases significantly, but in practice the recipient of information turns to a limited number of sources, when at the same time, believing that he has full freedom of access to information. The most important feature of the communication effect in the digital age is that in the conditions of rapid development of virtual social networks, the recipient himself can be a source of mass information. Thus, the development of digital technologies and network communication structures, although it is an important vector of transformation of the communication structure of society in the digital age, has ambiguous consequences for the development of society

Keywords: *social communication, communication process models, communication in the digital age, virtual social environments, social network, social network metaphor, functions of virtual social networks.*

Научный подход к коммуникации выявил сложность и многоаспектность этого феномена, а попытки обосновать структуру коммуникационных систем нашли отражение в построении достаточно большого числа моделей коммуникационного процесса. В частности, Г.Г. Почепцовым представлен анализ около 30 теоретических подходов и моделей описания коммуникаций¹.

Дж. Брайант и С. Томпсон обнаружили, что «простой поиск фразы “модель коммуникации” в какой-либо научной компьютерной базе данных, например в ERIC, выдает сотни единиц информации. Повсеместное употребление этой фразы сделало ее чем-то наподобие академического клише. Термин “модель коммуникации” употреблялся и продолжает употребляться в самых разных дисциплинах, начиная с психиатрии и заканчивая парапсихологией. Даже в сфере исследований коммуникации термин “модель коммуникации” может употребляться в разных значениях. В настоящем разделе, однако, под словом модель подразумевается графическое средство экспликации, т.е. облегчения понимания, такого абстрактного процесса, как коммуникация. Диапазон этих моделей широк: от очень простых до очень сложных, но все они направлены на то, чтобы объяснить сложные понятия»². Американские исследователи выделяют различные вариации описания: 1) “различных коммуникативных процессов”, 2) “объясняющих определенные последствия медиавоздействия”³.

Модели коммуникации отражают наиболее существенные элементы реального процесса коммуникации, взгляды ученых на процесс коммуникации, а также наиболее актуальные проблемы, которые привлекали их внимание в тот или иной период.

¹ Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.

² Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 23–24.

³ Там же.

Самой известной в ряду моделей коммуникации является “линейная” модель коммуникативного процесса Г. Лассуэла, предложенная в 1948 г. Эта модель, представляющая, по мнению ученого, “самый удобный способ описания коммуникации”, включала пять вопросов и пять ответов, являющихся “элементами коммуникативного процесса: 1) кто? (передает сообщение) — коммуникатор; 2) что? (передается) — сообщение; 3) как? (осуществляется передача) — канал; 4) кому? (направлено сообщение) — аудитория; 5) с каким эффектом? — эффективность”⁴.

Среди линейных моделей коммуникации достаточно известной является трансмиссионная модель математиков К. Шеннона и У. Уивера с целью снижения “шума” и повышение качества связи в технических коммуникационных системах. Модель включает шесть элементов: 1) источник информации, 2) передатчик, 3) канал передачи, 4) приемник, 5) конечная цель, 6) источник шума. Тем самым она описывает шесть факторов коммуникативного процесса, а ее основное внимание сосредоточено на соответствии переданного и принятого сообщения. Отличительной особенностью модели является то, что она допускает различие между исходным и полученным сообщением⁵.

У. Шрамм и Ч. Осгуд при анализе коммуникативного процесса отправлялись, главным образом, от целеполагания коммуникаторов. У. Шрамм представлял взаимодействие в виде цикла, где источник и получатель периодически меняются ролями. По его мнению, процесс коммуникации не имеет начала и конца: “Он бесконечен”⁶. В модели сделан акцент на необходимости выполнения участниками коммуникации трех взаимосвязанных процессов — кодирования, декодирования и интерпретации сообщения.

Среди популярных моделей процесса коммуникации, разработанных учеными в 50–60-е гг. XX столетия, следует указать на модель американского исследователя массовой коммуникации Дж. Гербнера, внимание в которой сосредоточено на том, каким образом информация о событии преобразуется в сообщение, социально-психологическую модель Т. Ньюкомба, интегральную (обобщенную) модель Б. Уэсли и М. Маклина, модель коммуникации ИСПК (источник-сообщение, канал, получатель) Д. Берко, факторную модель коммуникации Г. Малецке и т.п. Каждый из этих авторов концентрировал внимание на макро/микро аспектах коммуникационного процесса.

⁴ *Lasswell H.* The structure and function of communication in society, the communication of ideas. N.Y., 1948.

⁵ *Shannon C., Weaver W.* The mathematical theory of communication. Urbana, 1949.

⁶ *Schramm W.* How communication works. Process and effects of mass communication. Urbana, 1954. P. 3–10.

Тем не менее, модели коммуникации очень упрощенно передают наиболее характерные черты реального процесса коммуникации, примитивно представляя наиболее существенные ее элементы. Однако термин “модель” имеет другое значение: “...он используется для описания доминантной парадигмы или общей тенденции научной мысли, например, модель сильного воздействия, модель ограниченного воздействия и т.д.”⁷ Так, наиболее развернуто особенности процесса социальной коммуникации, преимущественно массовой, нашли обобщение в рамках целого ряда теорий, объединенных в большие группы⁸.

В настоящее время, в связи с развитием и активным внедрением электронно-цифровых коммуникационных технологий в коммуникационные процессы ключевые компоненты коммуникационных моделей существенно трансформировались, а их функциональное назначение значительно изменилось их.

Во-первых, электронно-цифровые технологии качественно расширили сферу социальной коммуникации, включив в число коммуникаторов нечеловеческих агентов (роботов, технологии искусственного интеллекта), а технологическая революция 4.0. обеспечила соответствующую инфраструктуру.

Например, технология “Интернета вещей” позволяет вступать во взаимодействие с объектами материального мира посредством информационно-коммуникационных технологий с целью достижения ожидаемых результатов. На базе этой технологии современные автомобили могут обмениваться информацией с другими транспортными средствами без участия человека и принимать решения о торможении, перестраивании и т.д. К. Шваб отмечает: “По мере развития таких технологий, как датчики и искусственный интеллект, возможности автономных транспортных средств совершенствуются, причем очень быстрыми темпами”⁹. Тем самым неодушевленные приборы стали активными центрами принятия решений. Одновременно они создают возможность для накопления и структурирования и анализа различной информации о поведении людей в различных сферах социальной жизни, путем анализа их покупок, кредитных историй и т.п., а порой — фактически устраняют необходимость человеческого взаимодействия.

Во-вторых, во многом изменился способ передачи информации — от коллективного к индивидуальному. Если ранее, около

⁷ Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004.

⁸ См. подробнее: Осипова Н.Г., Юрченко Е.И. Средства массовой информации в современном обществе: теоретико-методологический анализ базовых подходов // Вестник Московского университета. Серия 18. 2010. № 1. С. 64–85.

⁹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2022. С. 28.

центра коммуникации, например, радиоприемника или телевизора, собиралась группа людей, так называемая аудитория, то сегодня коммуникационные центры являются встраиваемыми: все больше людей слушают радио или просматривают телепередачи через смартфон или планшет, в отложенном контенте и руководствуясь индивидуальными предпочтениями. При этом неизбежно происходят изменения и в средствах массовой коммуникации.

Например, телевидение трансформируется в информационную систему с возможностью интерактивного выбора контента, в результате чего возникает прямая конкуренция с кинотеатром. Сам контент также становится более персонифицированным.

В-третьих, серьезным изменениям подвергается коммуникатор — целевая аудитория. Человек является и потребителем, и производителем контента. В настоящее время горизонтальные коммуникационные процессы между людьми заменяют вертикальные, традиционные линии коммуникации¹⁰.

На наш взгляд, наглядным примером тому может служить трансформация модели Г. Лассуэлла в электронно-цифровую эпоху.

Схематично линейная модель Г. Лассуэлла¹¹ представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема модели Г. Лассуэлла

При транспортировке сообщения с информацией помимо физической среды распространения (воздух, компьютерная сеть и др.) большое значение на эффективность оказывает структура распространения.

С точки зрения структуры распространения сообщений с информацией в коммуникативной среде (канале связи) различают иерархическую (рис. 2) и сетевую (рис. 3) структуры. «В случае иерархической структуры информация распространяется от узла к узлу. Например, “Коля 3” может получить информацию от первоначального источника “Петя 1” либо через “Коля 1”, либо через “Миша 1”. Непосредственной передачи информации от “Петя 1” к “Коля 3” нет. Очевидно, что в обоих случаях передача информации может происходить с большими лагами по времени»¹².

¹⁰ Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019. Ч. 1. С. 395.

¹¹ Lasswell H. The structure and function of communication in society, the communication of ideas. N.Y., 1948.

¹² Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young

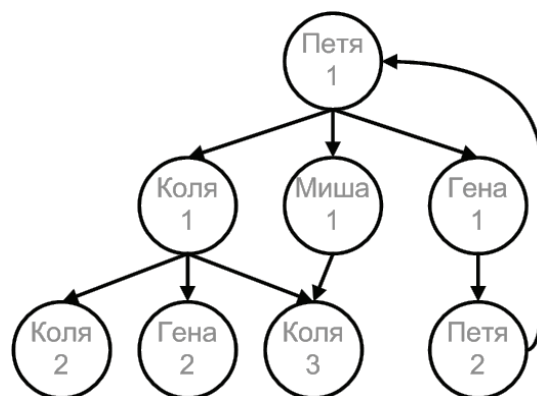

Рис. 2. Иерархическая структура распространения информации

В случае сетевой структуры распространение информации может происходить одновременно сразу всем получателям информации.

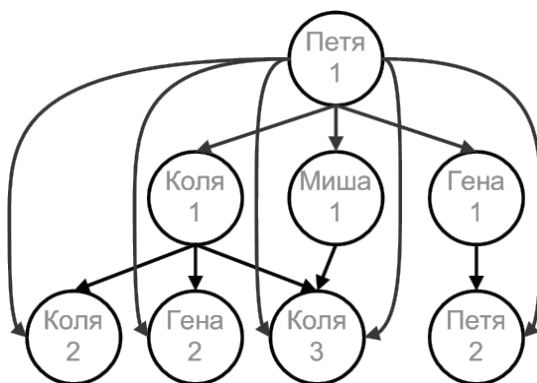

Рис. 3 Сетевая структура распространения информации

Очевидно, что сетевая структура распространения сообщения с информацией используется средствами массовой информации (СМИ).

Иерархическая структура распространения сообщений с информацией характерна для межличностных коммуникаций. Тем не менее, если предположить, что времени будет достаточно много, то, пройдя все иерархии, сообщение с информацией получит вся совокупность возможных получателей, т.е. в таком случае эффект будет такой же, как и в случае с сетевой структурой распространения сообщения с информацией. Ключевым моментом здесь является “время”. Например, если лаги по времени передачи между узлами будут большими, то “эффект” передачи сообщения может нивелироваться (информация может устареть, оказаться абсурдной и т.д.). В результате могут произойти обрывы иерархической цепочки.

people // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6. P. 541–550; *Прончев Г.Б.* Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям // *Образование и право*. 2020. № 3. С. 200–208.

Следует отметить, что в случае сетевой структуры распространения сообщения с информацией и одновременного получения сообщения с информацией большим количеством получателей большое значение имеет “время интереса” получателей к поступающей информации. Например, появившаяся новая политическая новость может “затмить” старую политическую новость. В этом случае, для поддержки интереса к старой новости необходимо ее “обновлять” и транспортировать еще раз.

Если обобщить вышесказанное, линейная модель Г. Лассуэла (см. рис. 1) может быть дополнена двумя элементами — “Структурой распространения”, которая относится на рис. 1 к категории “Канал” и “Временем интереса” — к категории “Реципиент”. Таким образом, “Канал” вырождается в два последовательных элемента: “Физический канал” и “Структура распространения”, а “Реципиент” — “Время интереса” и “Получатель”. Графически, модель Г. Лассуэла может быть модернизирована до следующего вида (рис. 4).

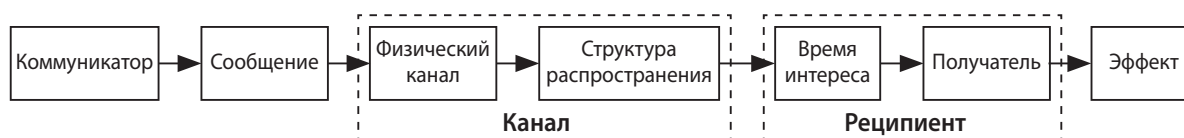

Рис. 4. Схема модернизированной модели Г. Лассуэла

Таким образом, в случае иерархической структуры распространения сообщения с информацией и не “большим временем интереса” не зависимо от физического канала и вида сообщения (звуковая волна, электромагнитная волна и др.) мы имеем дело с “межличностной коммуникацией”. В случае с иерархической структурой распространения сообщения с информацией и “большим временем интереса” не зависимо от физического канала и вида сообщения мы имеем дело с “массовой коммуникацией”. В случае сетевой структуры — с “массовой коммуникацией”. Все варианты и возможные примеры представлены в табл. 1.

Следует заметить, что три из четырех комбинаций приводят к реализации массовой коммуникации.

Как уже было отмечено выше, информационные коммуникации в цифровую эпоху претерпевают существенные изменения. Изменения сущности и содержания многих элементов приводит к появлению новых свойств у цифровых коммуникаций. В табл. 2 на примере линейной модели Г. Лассуэла представлены возможные результаты изменений.

Источник информации (*коммуникатор*) в цифровую эпоху может быть неизвестен. Это может быть даже не человек, а информа-

**Возможные сценарии эффекта передачи сообщения в системе
“Структура распространения” — “Время интереса”**

	Маленькое время интереса	Большое время интереса
Иерархическая структура	Полученное сообщение с информацией во время личностной коммуникации имеет маленький эффект и быстро забывается. Например, сообщение ребенка о своей текущей успеваемости родителям	Полученное сообщение с информацией во время личностной коммуникации имеет большой эффект, соизмеримый со СМИ . Например, неофициальное сообщение о личной жизни политика
Сетевая структура	Полученное сообщение с информацией через СМИ быстро забывается. Для поддержания интереса к сообщению оно должно быть транспортировано еще раз, возможно в измененном виде для поддержания интереса. Например, сообщение о положительных качествах кандидата на выборах	Полученное сообщение с информацией через СМИ имеет большой эффект. Например, массовый психоз покупателей с информацией о существенном повышении цен на какой-то товар

ционная система на базе искусственного интеллекта. Полученную информацию необходимо проверять на достоверность, причем для этого нужно использовать другого коммуникатора. Формат классической коммуникации предполагает конкретный центр, откуда исходит сообщение, но в цифровую эпоху невозможно предсказать, где возникнет этот центр.

Посылаемое коммуникатором сообщение в цифровую эпоху может подстраиваться по реципиента: “...разработанные алгоритмы современных браузеров персонифицирует поиск в Интернете. Разными могут быть не только порядок выстраивания ссылок в результатах поиска, но и их количество”¹³. Таким образом, для каждого реципиента создается уникальная виртуальная социальная среда, которая может входить в противоречие с виртуальной социальной средой другого реципиента, получающего то же сообщение.

Каналы связи в цифровую эпоху также могут подстраиваться под конкретного пользователя. Например, сообщение один и тот же человек может получить на персональный компьютер по протоколу проводной сети или на мобильный телефон по протоколу беспроводной.

¹³ Азарян Д.А., Прончев Г.Б. Современные интернет-технологии и безопасность личности // Юный ученый. 2016. № 3. С. 61–63.

**Возможные изменения в информационных коммуникациях
в цифровую эпоху на примере линейной модели Г. Лассуэла**

Элемент модели	Первоначальное содержание	Содержание в цифровую эпоху
Коммуникатор	<i>Конкретный человек, конкретный коллективный источник</i>	Конкретный человек, конкретный коллективный источник, анонимный источник, автомат на базе искусственного интеллекта
Сообщение	Аналоговое сообщение в виде текста, аудио или видео	Аналоговое и цифровое сообщение в виде текста, аудио или видео. Цифровые форматы могут подстраиваться под конкретного пользователя
Канал	Аналоговые каналы связи	Аналоговые и цифровые каналы. Цифровые форматы могут подстраиваться под конкретного пользователя
Реципиент	Конкретный человек или социальная группа	Конкретный человек или социальная группа, анонимный получатель, автомат на базе искусственного интеллекта
Эффект	Реакция конкретного человека или социальной группы	Реакция конкретного человека или социальной группы, анонимного получателя, автомата на базе искусственного интеллекта

водной сети. Особенностью цифровых каналов является широкое распространение состояния “он-лайн”, что способствует оперативному получению информации и реагирования на нее. Тем не менее, наряду с увеличением объема общения, происходит снижение его “глубины”. Само общение зачастую носит поверхностный характер. В результате коммуницирования подобного формата самозамкнутость личности не преодолевается, а только усугубляется. Читая новостную ленту, например, человек не воспринимает проблемы других людей как свои собственные, что говорит об утрате общественной солидарности.

Количество информационных источников для реципиента в цифровую эпоху значительно увеличивается (теоретически до бесконечности). Тем не менее, на практике получатель информации обращается к ограниченному числу источников, при этом полагая, что обладает полноценной свободой доступа к информации. Манипулятивные технологии современности создают подобное убеж-

дение у индивида с целью формирования определенных системы ценностей и представлений о соответствующем поведении «Человек XXI века сам прилагает усилия к поддержанию непрерывного контакта с внешним миром, другими людьми. Это достигается за счет формирования у него уверенности в необходимости наличия постоянного доступа к мобильной связи и сети “Интернет”, обеспечивающих возможность такого взаимодействия <...> В то же время состояние перманентного “он-лайн”, непрерывного воздействия на индивида потоков информации оказывает негативное влияние на его способность к критическому мышлению. За видимостью плюрализма воспринимаемых им мнений и точек зрения скрыты все те же манипулятивные технологии»¹⁴.

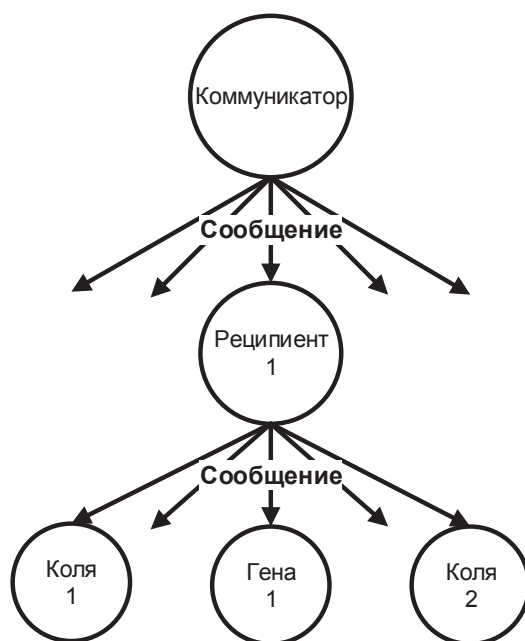

Рис. 5. Сетевая структура, реализованная реципиентом в цифровой коммуникации

Важнейшей из особенностей эффекта коммуникации в цифровую эпоху является то, что в данных условиях реципиент сам может являться источником массовой информации. В случае аналоговых каналов связи реципиент может передать полученное сообщение ограниченному числу лиц (по иерархической структуре). В случае цифровых каналов может быть реализована новая сетевая структура (рис. 5).

Таким образом, развитие цифровых технологий и сетевых коммуникационных структур является важным вектором трансформации

¹⁴ Прончев К.Г. Концепция “иерархического персонализма”: политологический аспект // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84).

ции коммуникационной структуры общества в электронно-цифровую эпоху.

Действительно, в цифровую эпоху коммуникация все чаще реализуется посредством социальных сетей: “Сети стали своеобразным кодом современного миропонимания”¹⁵. При этом “главными особенностями знания о сетях стали многомерность и многослойность этой области знания, разнообразие методологических принципов, фундирующих знание о сетях”¹⁶. В современный категориальный аппарат вошли такие понятия как “виртуальные социальные среды”, “сетевые сообщества”, “сетевая культура”, “сетевой подход”, “сетевое сообщество”. Таким образом, “сеть — это продуктивная зонтичная метафора, объединяющая некий гештальт, ракурс рассмотрения социального мира”¹⁷.

Сущностный анализ “социальной сети” был предложен уже классиками социологической теории в XIX в. Обобщая, социальную сеть можно определить как, “социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются социальные объекты (общность, группа, индивид), и взаимозависимостей или связей между ними (социальных отношений), таких как родство, дружба, сексуальные, денежные отношения, религиозная общность, политические убеждения, знания или соображения престижа”¹⁸.

В 30-е гг. прошлого столетия методология анализа социальных сетей как совокупности межличностных отношений в малой группе, нашла отражение в методе социометрии Дж. Морено. В 1950-е гг. весомый вклад в развитие теории социальных сетей внесли А. Бейвлас и Х. Левитт, которые предложили понимать под сетью совокупность позиций, а не индивидов. В 1954 году социологом Джеймсом Барнсом был введен сам термин “социальная сеть”¹⁹.

Во второй половине XX в. анализ проблематики социальных сетей представлен в работах Р. Соломоноффа, С. Берковица, С. Боргэтти, Р. Берта, К. Карли, К. Фоста, Д. Нока, П. Марсдена, Н. Маллинс, А. Рапопорта, С. Уоссермэна, Б. Веллмэна, Д. Вайта, В. Харрисона.

¹⁵ Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 11–24.

¹⁶ Там же.

¹⁷ White H., Boorman S., Breiger R. Social structure from multiple networks, I. Blockmodels of roles and positions // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 81. P. 730–780.

¹⁸ Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.

¹⁹ Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 39–58.

Социальные сети стали предметом многочисленных исследований, ряд которых был оформлен в теории, получивших широкую известность в исследовательских трудах. В их числе теория “шести рукопожатий” американских психологов С. Милгрэма и Дж. Трэверса, модель “сетей тесного мира” С. Строгач и Д. Уотса²⁰. Проведенные исследования продемонстрировали, что «в сетях, подчиненных свойствам “тесного мира”, добавление малого числа случайных связей сокращает диаметр сети, т.е. самый длинный путь между ее узлами до самого короткого»²¹.

В 1970-е гг. американский социолог М. Грановеттер выявил, что внутри социальных сетей “слабые” связи (например, наши соседи, знакомые, знакомые знакомых, формальные контакты на работе) имеют большее значение, чем “сильные” (к примеру, наши родственники и друзья). Объясняется это тем, что информация быстрее и шире распространяется именно посредством “слабых” связей. По его мнению, “слабые” связи «совершенно необходимы для расширения возможностей взаимодействия пользователей и для их взаимодействия с сообществом, тогда как в результате “сильных” связей образуется локальная связь»²².

Теоретическое обоснование тезиса о силе “слабых” связей предложил Р. Берт в своей теории “структурных дыр”, под которыми понимается “существование коммуникационно не связанных между собой пространств”²³.

М. Кастельс указывает на сетевизацию современного общества. “Новая коммуникационная система, все более говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспособливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов. Интерактивные компьютерные сети растут по экспоненте, создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время”²⁴.

Социологи определяют социальную сеть как “социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются соци-

²⁰ Watts D.J., Strogatz S.H. Collective dynamics of “Small-world” networks // *Nature*. 1998. Vol. 393. P. 440–442.

²¹ Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // *Образовательные технологии и общество*. 2014. Т. 17. № 1. С. 650–675.

²² Granovetter M. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. N 6. P. 1360–1380.

²³ Burt R. Structural holes: the social structure of competition. Harvard, 1995.

²⁴ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. М., 1999. С. 494–505; *Он же*. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

альные объекты (люди, группы людей, сообщества, организации) и связей между ними (социальных взаимоотношений)”²⁵.

Среди функций социальной сети можно выделить коммуникационную, информационную, развлекательную и социализирующую функции, а также функции самоактуализации, самопрезентации и формирования идентичности²⁶.

Социальные сети включают множество компонентов, во многом определяющих процесс социальной коммуникации и задающих его направленность. В их числе: существование “авторитетов”, локализация групп; наличие внешних факторов влияния и внешних агентов, информационное управление²⁷.

Анализ социальных сетей позволяет “интерпретировать социальные взаимодействия в понятиях теории сетей (междисциплинарное направление исследований, входящее в состав теории графов и науки о сетях), в рамках которой изучаются индивидуальные агенты и связи между ними. Существует большое разнообразие как типов агентов, так и типов связей. Исследования в рамках различных дисциплин показывают, что социальные сети действуют на всех уровнях — от персонального (семейного) до национального и оказывают существенное влияние на жизнь людей, организаций и сообществ, а также в значительной степени определяют успешность деятельности этих агентов”²⁸.

С распространением интернета в общеупотребительный категориальный аппарат прочно вошло понятие “виртуальной социальной сети”.

По данным исследовательского отчета *Global Digital 2022*, на начало 2022 г. “62,5% мирового населения используют Интернет — число пользователей за 2021 год увеличилось на 192 млн (4%) и составляет 4,95 млрд человек. Количество пользователей социальных сетей выросло более чем на 10% и насчитывает 4,62 млрд — 58,4% от общей численности населения мира”²⁹.

²⁵ Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 650–675.

²⁶ Садыгова Т.С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3 (10). С. 192–194.

²⁷ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.

²⁸ Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.

²⁹ Digital 2022: another year of bumper growth. We are social. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (accessed: 14.07.2022).

Как полагает В.Д. Винник, “социальная сеть в сети Интернет — это интерактивный многопользовательский веб-сайт, обладающий рядом обязательных качеств:

- содержание (контент) сайта создается исключительно или преимущественно его пользователями;
- сайт представляет собой автоматизированную среду, в рамках которой пользователи имеют возможность создавать связи с другими пользователями (социальные связи) или социальные объекты (тематические группы);
- пользователи имеют возможность получать статическую и динамическую информацию об объектах, существующих в данной социальной среде, о социальных связях между ними;
- пользователям доступны функции коммуникации с другими пользователями и социальными объектами”³⁰.

По мнению Е.Д. Патаракина “социальные сети — это платформы, на базе которых участники могут устанавливать отношения друг с другом”³¹.

Подводя итог, можно констатировать:

1. В современном мире социальные сети постепенно вытесняют другие формы коммуникации.
2. Бурное развитие интерактивных информационно-коммуникационных и цифровых технологий способствует снижению эффективности исследования межличностного общения классическими методами социологии.
3. Прогнозирование развития общества в цифровую эпоху требует внедрения современных исследовательских практик, адекватных актуальным тенденциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азарян Д.А., Прончев Г.Б. Современные интернет-технологии и безопасность личности // Юный ученый. 2016. № 3.

Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004.

Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 11–24.

Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.

³⁰ Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4 (55). С. 110–126.

³¹ Патаракин Е.Д. Педагогический дизайн социальной сети Scratch // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2013. Т. 16. № 2. С. 505–528.

Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 650–675.

Гавра Д. Основы теории коммуникации. СПб., 2011.

Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 494–505.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019. Ч. 1.

Осипова Н.Г., Юрченко Е.И. Средства массовой информации в современном обществе: теоретико-методологический анализ базовых подходов // Вестник московского университета. Серия 18. 2010. № 1. С. 64–85.

Патаракин Е.Д. Педагогический дизайн социальной сети Scratch // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2013. Т. 16. № 2. С. 505–528.

Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Прончев Г.Б. Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям // Образование и право. 2020. № 3. С. 200–208.

Прончев К.Г. Концепция “иерархического персонализма”: политологический аспект // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84).

Садыгова Т.С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3 (10). С. 192–194.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2022.

REFERENCES

Azarjan D.A., Pronchev G.B. Sovremennye internet-tehnologii i bezopasnost' lichnosti [Modern Internet technologies and personal security] // Junyj uchjonyj. 2016. N 3. S. 61–63 (in Russian).

Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 39–58.

Brajant Dzh., Tompson S. Osnovy vozdejstvija SMI [Fundamentals of media impact]. M., 2004 (in Russian).

Burt R. Structural holes: the social structure of competition. Harvard, 1995.

Digital 2022: another year of bumper growth. We are social. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (accessed: 14.07.2022).

Gavra D. Osnovy teorii kommunikacii [Fundamentals of the theory of communication]. SPb., 2011 (in Russian).

Granovetter M. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. N 6. P. 1360–1380.

Gubanov D.A., Novikov D.A., Chhartishvili A.G. Social'nye seti: modeli informacionnogo vlijanija, upravlenija i protivoborstva [Social networks: models of informational influence, management and confrontation]. M., 2010 (in Russian).

Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve [Galactica Internet: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Kastel's M. Stanovlenie obshhestva setevykh struktur [The formation of a society of network structures] // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija. M., 1999. S. 494–505 (in Russian).

Lasswell H. The structure and function of communication in society, the communication of ideas. N.Y., 1948.

Osipova N.G. Sovremennaja sociologicheskaja teorija [Modern sociological theory]. M., 2019. Ch. 1 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6. P. 541–550.

Osipova N.G., Jurchenko E.I. Sredstva massovoj informacii v sovremennom obshhestve: teoretiko-metodologicheskij analiz bazovykh podhodov [Mass media in modern society: theoretical and methodological analysis of basic approaches] // Vestnik moskovskogo universiteta. Serija 18. 2010. N 1. S. 64–85 (in Russian).

Patarakin E.D. Pedagogicheskij dizajn social'noj seti Scratch [Pedagogical design of the Scratch social network] // Obrazovatel'nye tehnologii i obshhestvo. 2013. T. 16. N 2. S. 505–528 (in Russian).

Pochepcov G. Teorija kommunikacii [Theory of communication]. M., 2001 (in Russian).

Pronchev G.B. Ob osobennostjakh virtual'nykh social'nykh sred Interneta, sposobstvujushhih social'nym deviacijam [About the features of virtual social environments of the Internet, contributing to social deviations] // Obrazovanie i pravo. 2020. N 3. S. 200–208 (in Russian).

Pronchev K.G. Konceptcija "ierarhicheskogo personalizma": politologicheskij aspekt [The concept of "hierarchical personalism": the political aspect] // Voprosy politologii. 2022. T. 12. N 8 (84) (in Russian).

Sadygova T.S. Social'no-psihologicheskie funkicii social'nykh setej [Socio-psychological functions of social networks] // Vektor nauki TGU. 2012. N 3(10). S. 192–194 (in Russian).

Schramm W. How communication works. Process and effects of mass communication. Urbana, 1954. P. 3–10.

Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana, 1949.

Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija [The Fourth Industrial Revolution]. M., 2022 (in Russian).

Vasil'kova V.V. Seti v social'nom poznanii: ot metafory k metateorii [Networks in social cognition: from metaphor to metatheory] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2012. T. 15. N 5. S. 11–24 (in Russian).

Vinnik V.D. Social'nye seti kak fenomen organizacii obshhestva: sushhnost' i podhody k ispol'zovaniju i monitoringu [Social networks as a phenomenon of society organization: essence and approaches to use and monitoring] // Filosofija nauki. 2012. N 4 (55). S. 110–126 (in Russian).

Voronkin A.S. Social'nye seti: jevoljucija, struktura, analiz [Social networks: evolution, structure, analysis] // Obrazovatel'nye tehnologii i obshhestvo. 2014. T. 17. N 1. S. 650–675 (in Russian).

Watts D.J., Strogatz S.H. Collective dynamics of "Small-world" networks // Nature. 1998. Vol. 393. P. 440–442.

White H., Boorman S., Breiger R. Social structure from multiple networks. I. Blockmodels of roles and positions // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 81. P. 730–780.

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-139-157

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

К.В. Исаева, соискатель, научный сотрудник Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д.1, стр. 13А, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В статье дается характеристика подходов к периодизации общественно-го развития в контексте внедрения новых технологий. Анализируются теории технологического развития общества видных ученых, Э. Тоффлера, Д. Белла, К. Шваба, С.Ю. Глазьева и Н. Хоува и В. Штрауса, с целью определения факторов социального развития и ключевых характеристик современной цивилизации. Результаты исследования позволили автору составить сводную таблицу периодизации развития общества в контексте технологического прогресса. Таблица наглядно отражает ключевые характеристики каждого из этапов технологического развития. Автор ставит акцент на современной, электронно-цифровой цивилизации, где создание персональной компьютерной техники и развитие Интернета плавно перешли в расцвет геной инженерии и обучение искусственного интеллекта. Кроме того, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что современная стадия развития общества представляет собой качественно новый этап цивилизационного развития, который несет в себе как множество преимуществ и удобств, так и рисков и угроз.

Ключевые слова: интернет, периодизация, развитие общества, риски и угрозы, управление, технологии, цифровизация, цифровые вызовы, цивилизации, электронно-цифровая цивилизация.

PERIODIZATION OF THE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF SOCIETY. THE ELECTRONIC-DIGITAL CIVILIZATION

Isaeva Kira V., Researcher. Instructor-researcher, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, 1/13A, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: kkiraisaeva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0322-4195, IstinaResearcherID (IRID): 161758332

The article characterizes approaches to the periodization of social development in the context of the introduction of new technologies. Theories of technological develop-

* **Исаева Кира Вадимовна**, e-mail: kkiraisaeva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0322-4195, IstinaResearcherID (IRID): 161758332

ment of society by E. Toffler, D. Bell, K. Schwab, S. Yu. Glazyev, N. Howe and W. Strauss in order to determine the factors of social development and key characteristics of modern civilization. The results of the study made it possible to develop the author's summary table of periodization of the development of society in the context of technological progress. The table clearly reflects the key characteristics of each of the stages of technological development. The author focuses on the modern, electronic-digital civilization, where the creation of personal computer technology and the development of the Internet smoothly passed into the heyday of genetic engineering and the training of artificial intelligence. In addition, the analysis allows us to conclude that the current stage of development of society is a qualitatively new stage of civilizational development, which carries both many advantages and conveniences, as well as risks and threats.

Key words: the Internet, periodization, development of society, risks and consequences, management, technologies, digitalization, digital challenges, civilization, electronic and digital civilization.

Современная реальность как технологическая стадия развития человечества выступает результатом влияния сразу нескольких масштабных процессов: глобализация, цифровизация, технологизация, виртуализация. Как открытие электричества и промышленная революция позволили перейти человеку на индустриальную стадию развития, так и возникновение интернета, процессы повсеместной цифровизации вывели общество на качественно новый уровень развития — электронную-цифровую стадию общественного развития.

О том, что сегодня человечество перешагнуло на качественную новую ступень своего развития, справедливо названной Г.В. Осиповым “электронно-цифровой”¹, свидетельствуют такие технологические открытия в социуме как геномная инженерия (GE), разработка искусственного интеллекта (AI), цифровое телевидение (D-TV) и “умный дом” (smart house), большие данные (Big Data) и “облачное” хранение (iCloud). Ярким примером тому, как цифровые технологии позволили работать, приобретать товары и услуги “не выходя из дома” (online) стал период пандемии в условиях COVID-19.

В истории человеческого развития цифровые технологии как инструмент формирования качественно новой среды жизни человека вида *Homo Sapiens* послужили тому, что человек стал “управляющим” и, вместе с тем, “управляемым” объектом². Важным становится понимание того, “цифровое” — это не только технологическая характеристика, но и социальная и культурная, которая формирует паттерны поведения, и, как следствие, электронно-цифровую цивили-

¹ Садовничий В.А., Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. СПб., 2020. С. 18.

² Харари Ю.Н. *Sapiens*. Краткая история человечества. М., 2019. С. 324.

лизацию как неизбежный прогрессивный период в историческом контексте³.

Встает вопрос, какой период можно считать точкой отсчета для возникновения той цивилизации, в которой сегодня живет человек, и что понимать под “современным” обществом.

Теоретический анализ современной научной литературы и ряда электронных ресурсов показал, что в научном знании имеется внушительное число теорий, концепций и моделей, которые стали предпосылками изучения нового электронно-цифровой цивилизации. За основу изучения взят “цивилизационный” подход к изучению технологического развития человечества. Такой подход позволяет изучать “цивилизации” по таким отличительным признакам как государственность, территория, культура, язык, с позиции важности роли культурно-нравственного и интеллектуального капитала⁴. Так, например, английский историк А. Дж. Тойнби под “цивилизацией” понимает определенное локальное, имеющее границы, и от того относительно замкнутое, состояние общества, позволяющее устойчиво развиваться государствам в ее рамках, благодаря общим географическим, культурным, религиозным, психологическим и экономическим факторам⁵. Ценности, идеалы и представления обществ, живущих в конкретный исторический период, формируют цивилизационную идентичность.

Цивилизационный признак идентичности в общественных процессах набирает свою популярность в условиях постоянной трансформации способов ведения и форм общественного порядка. Процессы интеграции и дезинтеграции, взаимодействия социально-значимых объектов и распространения качественно отличных от предыдущих явлений выступают факторами таких трансформаций. Например, согласно С.Ф. Хантингтону, под “цивилизацией” необходимо понимать одну или более национальных государств, самоидентифицирующих себя и свои интересы в таких понятиях как институты, история, религия, обычаи, язык⁶. Подход ученого позволяет рассматривать “цивилизацию” как совокупность равноценных социокультурных общностей (государств, наций), в которых социум отстаивает свою цивилизационную идентичность. Благодаря чему

³ Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 21.

⁴ Нурмаганбетова М.С. Формационный и цивилизационный подходы в развитии экономических систем. М., 2016. С. 41–56.

⁵ Нурмаганбетова М.С. Формационный и цивилизационный подходы в развитии экономических систем. С. 62.

⁶ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М., 2017. С. 71.

только интересы цивилизации наиболее ярко раскрывают противоречия на мировом и региональном уровнях.

В накопленном гуманитарном знании существует несколько различных подходов к периодизации технологического развития общества. Одни ученые связывают переходы к качественным новым периодам в развитии общества с “кризисами”, вторые — с “революциями”, третьи — с “уровнем прогресса”.

Так, в контексте научно-технического прогресса историю человечества рассматривает американский социолог, футуролог и философ Э. Тоффлер. В своей работе “Третья волна”⁷ (1980 г.) ученый делит историю на условно три периода: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Описывая историческое развитие в трех периодах, ученый ставит акцент на последнем — постиндустриальном периоде, где общество строится на общении друг с другом. Тогда как доиндустриальное общество, по мнению ученого, строится на взаимодействии человека с природой, а индустриальное общество починает себе природу.

Периоды, на которые ученый поделил всю историю общественного развития, называются *волнами*, которые сменяют друг друга вследствие *научно-технического прогресса* и образуют новые общества. Под “волнами” ученый понимает научно-техническое развитие рывками, скачкообразное, а не линейное и поступательное, при этом история является непрерывной и волнообразной⁸. *Первая волна* связана с сельскохозяйственной цивилизацией, охватившей такие крупные государства, как Рим, Грецию, Индию, Китай. Каждая из цивилизаций имела свой индивидуальный путь развития, культурные ценности, язык и территорию. Однако земля стала ключевым ресурсом жизни и общей чертой цивилизаций. Земельные ресурсы явились фактором образования цивилизации первой волны. Экономическая система была децентрализованной, с разделением труда и общинным строем, состоявшим из каст и классового разделения. Власть жестко авторитарная. Каждую смену этапов ученый называет “взрывом или ударной волной”. Так, в следствии ударной волны в виде разрушения древних обществ произошла смена волны.

Вторая волна, по мнению Э. Тоффлера, — волна промышленной революции, которая привела к появлению “*индустриальной цивилизации*”. Одновременно с ней явилась третья волна с новыми институтами, ценностями и отношениями. Вслед за промышленным развитием последовало развитие технологическое, образовавшее

⁷ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009.

⁸ Тоффлер Э. Третья волна. С. 45.

эру высоких технологий, которую Тоффлер называет “сверхиндустриальной цивилизацией”, и в которой произошло смещение от промышленного производства к умственному труду.

Отметим, Э. Тоффлер как футуролог не только анализирует ускоренное развитие современной цивилизации, но и предвидит возможные последствия. В своей работе “Шок будущего”⁹ ученый говорит о том, что последствия третьей волны заключаются в неравномерности развития государств и потому возможен дисбаланс на мировой арене. Управление обществом нового типа почти невозможно, поскольку мировое общество пребывает в состоянии стресса, дисбаланса, дезориентации и психологического шока.

Общество, в условиях развития сверхиндустриальной цивилизации и культуры, согласно представлениям Тоффлера, должно быть более активным, свободным, динамичным, демократичным, соблюдающим культурные традиции и решающим посильные задачи. Кроме того, общество будет развиваться в сторону большего разнообразия.

Схожих научных взглядов придерживается в своих трудах американский социолог Дэниел Белл. Согласно Д. Беллу в истории общественного развития можно выделить три большие эпохи: *доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества*¹⁰.

Для *доиндустриальной эпохи* свойственно сырье и первичные условия производства в качестве основного производственного ресурса. Также тип производственной деятельности в аграрную эпоху был связан с добычей всевозможных ресурсов. Доиндустриальный этап характеризуется трудоемкими базовыми технологиями.

Индустриальный период, возникший в результате промышленных революций в Англии и других европейских странах в качестве основного производственного ресурса, выделяет энергию, а базовые технологии характеризуются капиталоемкостью. Типом производственной деятельности становится изготовление товаров при помощи заводов, станков и другого промышленного оборудования.

Постиндустриальное общество — самая высшая стадия развития человеческой цивилизации по Д. Беллу. Данный этап характеризуется выделением знания как главного производственного ресурса. Поэтому базовые технологии производства имеют наукоемкий характер. Также типом производственной деятельности в информационную эпоху становится последовательная обработка. Иными словами, преобладает производство создания добавленной

⁹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.

¹⁰ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2014.

стоимости. Структура экономической деятельности смещается от производства материальных товаров к преобладанию производства сервисных услуг, что позволяет автору назвать экономику постиндустриального общества “сервисной экономикой”.

Белл описывает авторскую концепцию постиндустриального общества, которая включает его основные идеи в общую теорию, иллюстрируя социальными примерами. Для доиндустриальной эпохи было характерно расположение городов на пересечении торговых путей. Данный этап развития характеризовался высоким значением международной торговли для городов. Слабое развитие сухопутного и морского сообщения, а также транспортных средств не позволяла размещать города в удалении от существующих торговых путей. В индустриальную эпоху города переместились в близость источников сырья. Затем промышленное производство уступает место наукоемким видам производств.

Анализируя последнюю стадию развития общества (постиндустриальную), Белл выделяет ряд тенденций в развитии современного общества, связанных с проблемой общественного управления:

1. Сформирована и установлена новая экономика — экономика услуг. Поскольку общество уже обеспечило себя товарами, спрос увеличился на предоставление услуг.
2. Сфера услуг, по большей части, — это сфера обмена информацией и знаниями.
3. Современное управление обществом все чаще обращается к новым интеллектуальным технологиям¹¹.

Широкое распространение теорий общественного развития получили в западной социологии. Однако в отечественной науке предпринималось не малое количество попыток проанализировать кардинальные социальные изменения, вызванные появлением и стремительным развитием новых информационных технологий, электроники и техники.

В современном отечественном социально-экономическом знании большое развитие получила концепция “технологических укладов” отечественного ученого, выдающегося экономиста, академика РАН С.Ю. Глазьева¹². Основываясь на идеях и взглядах австрийского экономиста Й. Шумпетера и русского экономиста Н.Д. Кондратьева, С.Ю. Глазьев выдвинул идею и развил концепцию, согласно которой серьезные изменения в технике и технологиях производства имеют прямую связь со сменой технологических укладов.

¹¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество... С. 68–74.

¹² Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. М., 2007. С. 37.

Единый технический уровень и общий научно-технический потенциал составляют *“технологический уклад”*, который охватывает все стадии производства как переработки ресурсов и потребления произведенных благ. Каждый из шести проанализированных С.Ю. Глазьевым технологических укладов равен примерно веку и состоит из трехфазного жизненного цикла.

Первый технологический уклад “новых текстильных технологий” (1770–1830 гг.), согласно исследованию ученого, сформирован в результате появления легкой промышленности (текстильной) и водяного двигателя. Использование энергии воды, выплавка чугуна, обработка железа стали *“ядром”* первого технологического уклада, после которого последовало появление парового двигателя и тяжелой промышленности. Ключевыми отраслями производства явились текстильная и машинная промышленность. Первыми по экономическому развитию были европейские государства, а именно — Великобритания и Бельгия.

Второй технологический уклад “технологий паровой энергетики” (1830–1880 гг.) характеризуется появлением парового двигателя и развитием транспортного сообщения, тяжелой металлургии. Ядро технологического уклада — паровой двигатель, железнодорожное строительство, машиностроение, пароходостроение, черная металлургия. Ключевой фактор нового уклада — паровой двигатель, станки. Страны лидеры — страны Европы (Великобритания, Бельгия, Франция, Германия) и США.

Третий технологический уклад “технологий электроэнергетики” (1880–1930 гг.) основывается на использовании электроэнергии и неорганической химии в промышленном производстве. В качестве ядра технологического уклада можно назвать электрическое и тяжелое машиностроение, производство стали, производство линий электропередач, неорганическая химия. Ключевой фактор — изобретение электрического двигателя. Технологические лидеры — страны Европы (Великобритания, Франция, Германия) и США.

Четвертый технологический уклад “нефтехимических технологий и энергетики двигателей внутреннего сгорания” (1930–1980 гг.) базируется на изобретении двигателей внутреннего сгорания, а также использовании нефти как главного энергоресурса. Ядро технологического уклада — автомобилестроение, цветная металлургия, производство нефти, органическая химия, товары длительного пользования. Ключевой фактор уклада — двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия. В числе стран-технологических лидеров — Западная Европа, СССР, Япония, США.

Пятый технологический уклад “технологий информатики и микроэлектроники” (начало 1980-х — 2010-е гг.) — связан с появлением и активным распространением информационных технологий, и базируется на научных открытиях в области микроэлектроники. Ядром технологического уклада являются электронная промышленность, вычислительная, оптико-волоконная техника, программное обеспечение, роботостроение, телекоммуникации, информационные услуги. Ключевой фактор данного уклада — микроэлектронные компоненты. Мировые лидеры уклада — страны Европы, США, Япония. Уклад “технологий информатики и микроэлектроники” вступил в фазу зрелости, что ускорило разработку приоритетных направлений шестого технологического уклада — генной инженерии, нанотехнологий, наноэлектроники и т.д.

Шестой технологический уклад “нанотехнологии” (начало 2018–2040 гг.) связан в первую очередь с изобретением и внедрением искусственного интеллекта. Ядром уклада являются наноэлектроника, нанобиотехнология, молекулярная и нанофотоника и т.д. Ключевой фактор нового “технологического уклада” — нанотехнологии, клеточные технологии. Особое внимание следует уделить развитию и внедрению искусственного интеллекта, так как данная инновация имеет кардинальные социально-экономические последствия для общества. Искусственный интеллект позволит значительно изменить структуру и занятость всей экономики страны. Так, согласно теории ученого, современное время — время в фазе шестого технологического уклада.

Проанализированная концепция шести “технологических укладов” академика С.Ю. Глазьева в большей мере отражает экономическое развитие населения мира в пространственно-временном контексте. Объектами трансформаций выступают экономические составляющие.

Другой подход к изучению технологического развития заключается в идее, что каждый этап развития сменяется на новый в результате *революции*. Так, например, немецкий экономист, Президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб в своей работе “Четвертая промышленная революция” анализирует современные технологии в их историческом контексте. Собрав мировой опыт ведущих корпораций и взгляды экспертов в области социологии, экономики и информационных технологий, К. Шваб описывает и анализирует современное состояние экономики и мировые тренды новой цифровой эпохи¹³.

¹³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2019. С. 19–65.

Всю историю развития человека ученый условно делит на пять основных периодов:

- 1) переход от собирательства к земледелию — аграрная революция;
- 2) 1760-е — 1840-е гг. — первая промышленная революция;
- 3) конец XIX — начало XX в. — вторая промышленная революция;
- 4) 1960-е — начало XXI в. — третья промышленная революция;
- 5) начало XXI в. — настоящее время — четвертая промышленная революция.

Первые кардинальные изменения в жизнедеятельности людей произошли в период *“аграрной революции”*, когда за земледелием и одомашниванием животных последовал рост населения и урбанизация. За расцветом городской жизни последовала *“первая промышленная революция”*, для которой характерно строительство железных дорог и механическое производство в связи с появлением парового двигателя.

Появление и распространение электричества, внедрение конвейера и производство массового потребления были обусловлены *“второй промышленной революцией”*, продлившейся условно до 1960-х годов. *“Третья промышленная революция”* (или цифровая, или компьютерная революция) связана с появлением компьютерных машин: полупроводников, больших ЭВМ, персональных компьютеров и интернета.

Под *“четвертой промышленной революцией”* К. Шваб понимает волну кардинальных многочисленных изменений на пике цифровой революции, которые вызвали появление массового и мобильного интернета, персональных мобильных гаджетов, искусственного интеллекта. Четвертая промышленная революция не является линейной, а носит скачкообразный характер. Говоря о стремительном общественном развитии и появлении искусственного интеллекта, интернета вещей, автомобилей-роботов, нано- и биотехнологий, квантовых вычислений и других новшествах, К. Шваб делает акцент на двух моментах:

- 1) появление новых трендов связано с *“переплетением технологий”* из областей физики, биологии и цифровых реалий;
- 2) одна новая технология синтезирует еще несколько новых технологий, что приводит к смене управления технологическими центрами.

Рассмотрим не менее актуальную в вопросе *“современного общества”* и его развития *“теорию поколений”*, разработанную известным американским экономистом и специалистом в области демо-

графии Н. Хоувом и американским историком В. Штраусом. Ученые работали независимо друг от друга, и, проанализировав всю американскую историю, уделяя особое внимание XX в., обнаружили, что существуют определенные периоды, когда большинство людей обладают сходными ценностями. Такие периоды были названы *социальными поколениями*¹⁴.

По мнению ученых, *социальные поколения* условно можно поделить на двадцатилетние фазы. Каждая такая совокупность людей обладает схожими чертами, исходя из конкретных критериев: возраст (приобретенный опыт вследствие проживания одинаковых исторических событий); единое отношение к социальному поведению и традициям (устоям); ощущение причастности к тому или иному поколению. Иными словами, под влиянием конкретных исторических событий и окружающей среды формируются “социальные поколения” в двадцатилетнем периоде.

Согласно адаптированной в России “теории поколений” А. Антиповым и Е. Шамисом можно выделить следующие социальные поколения:

- “Поколение Победителей” (1900–1922 гг. рождения);
- “Поколение Молчаливых” (1923–1942 гг. рождения),
- “Поколение Беби-Бумеров” (1943–1962 гг. рождения);
- “Поколение X” (1963–1982 гг. рождения);
- “Поколение Y” (или “миллениум”, “миллениалы”) (1983–2002 гг. рождения);
- “Поколение Z” (или “цифровое поколение”, “Net Generation”, “зумеры”) (с 2003 гг. рождения)¹⁵.

Отметим, что важное место в теории Н. Хоува Н. и В. Штрауса занимает идея конкретных ценностей каждого поколения. Во-первых, поколения цикличны и, каждое пятое поколение имеет схожие черты и ценности. Во-вторых, обозначенные в выделенных поколениях даты рождения — условны. Люди с пограничными датами рождения в два-три года имеют схожие ценности с людьми, относящимся к соседним поколениям.

Описывая каждое из социальных поколений, ученые ставят акцент на общих ценностях поколений, сформированных в конкретных исторических условиях.

“Поколение Победителей” (1900–1922 гг. рождения) — поколение, родившееся в условиях войн и революций (Первая и Вторая

¹⁴ Howe N., Strauss W. The fourth turning: what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N.Y., 1997. P. 198–205.

¹⁵ Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3). С. 220–236.

Мировые войны, Великая Октябрьская революция 1917 г., Становление Советского Союза). Поколение, сформированное в период коренных изменений в стране и слома социальных парадигм. Ценностями такого поколения являются вера в себя и свои возможности, трудолюбие, высокий уровень ответственности, достижение справедливости и мирового порядка.

“Поколение Молчаливых” (1923–1942 гг. рождения) — поколение, родившееся в период жестких репрессий при правлении И.В. Сталина, Второй Мировой войны, “голодного детства”, восстановления страны, коллективного труда и индустриализации. Ценностями такого поколения являются терпение, исполнительность, молчаливость, преданность, соблюдение законов, честь, уважение, страх, запасливость, экономность.

“Поколение Беби-Бумеров” (1943–1962 гг. рождения) — поколение, родившееся в послевоенный период, когда резко поднялся уровень рождаемости, росло в сильнейшей державе СССР, мировом лидере. Ценностями такого поколения являются оптимизм, любовь к миру, спорт, активность, общественная вовлеченность, коллективизм.

“Поколение X” (1963–1982 гг. рождения) — поколение, родившееся в условиях перестройки, холодной войны, войны в Афганистане, экономического кризиса, безработицы, наркомании, распространения ВИЧ-инфекции и СПИДа. Ценностями такого поколения являются самостоятельность, свобода, надежда только на себя, стремление учиться, актуализация высшего и дополнительного образования, готовность к трудностям и переменам, зарождение феминизма и других течений, связанных с гендерным равноправием.

“Поколение Y” (или *“миллениум”*, *“миллениалы”*) (1983–2002 гг. рождения) — поколение, родившееся в переходном для истории человечества периоде: с одной стороны, в условиях окончательного распада СССР, конфликтов, войн, терактов, передела мира, и с другой стороны, в период технологического прогресса, развития цифровых технологий. Ценностями такого поколения являются скорость принятия решений, отсутствие идеалов и авторитетов, стремление к комфорту.

“Поколение Z” (или *“альфа”*, *“цифровое поколение”*, *“Net Generation”*, *“зумеры”*) (с 2003 гг. рождения) — поколение, родившееся в условиях глобализации, информатизации и цифровизации. Мобильные телефоны, ноутбуки и планшеты освоены представителями этого поколения уже с пеленок. Сегодня самые старшие представители этого поколения еще подростки. Ценности такого поколения еще формируются, но уже можно выделить ряд из них, а именно —

индивидуализм во всем, общение *online*, инфантильность, отрицание ценностей предыдущего поколения¹⁶.

Исходя из основных положений теорий социального развития, проанализированных в работе, можно сделать вывод, что не зависимо от ключевого фактора изменения и перехода на новую стадию в развитии социума, всю историю цивилизаций условно можно поделить на несколько периодов, отличных друг от друга методами и технологиями ведения хозяйства, создания культуры и производства благ.

Преобладающее число ученых развивают идею о том, что сегодня мы живем в цивилизации, где процветают высокие технологии, включающие в себя электронику и робототехнику, коммуникационные сети, созданные в Интернете и искусственный интеллект, создающий одновременно усовершенствованный высокоинтеллектуальный мир с разрушающими эффектами.

Однако важным при изучении теорий общественного развития является определение периода, в котором зарождается и стремительно развивается электронно-цифровая цивилизация. Для этого одной из поставленных в исследовании задач явилось построение обобщающей таблицы периодизации развития общества в контексте его технологического развития. Данная таблица позволяет наиболее точно определить временные границы “современного” общества, образующего электронно-цифровую цивилизацию, а также факторообразующие явления и процессы, сформировавшие общество нового типа.

Сводная таблица “Периодизация развития общества в контексте технологического прогресса” (*Periodization of the development of society in the specialties of technological progress*) наглядно отражает историю технологического развития человечества исходя из теорий видных социологов XX–XXI в.в. На основании проанализированных теорий технологического развития общества можно сделать вывод о том, современная социальная реальность, сформированная в контексте становления электронно-цифровой цивилизации, принадлежит времени “четвертой промышленной революции”, “третьей волны”, “сверхиндустриальной цивилизации” в “шестом технологическом укладе”, времени, когда рождаются и социализируются “поколения Y и Z”, и условно датируется началом XXI в.

Становление новой степени развития в контексте технологического общественного развития доказывает и тот факт, что мировой опыт принятия высоких технологий отражен в государственных

¹⁶ Мирошкина М.Р. X, Y, Z. Теория поколений. Новая система координат // Вопросы воспитания. 2014. № 2. С. 55.

Периодизация развития общества в контексте технологического прогресса¹⁷

Временной промежуток в истории развития общества	Согласно теории Э. Тоффлера	Согласно теории Д. Белла	Согласно теории К. Шваба	Согласно теории С.Ю. Глазьева	Согласно теории Н. Хоува и В. Штрауса.
8 тыс. лет назад до н.э. — начало XVII в. Развитие сельского хозяйства, демографический рост, начало урбанизации	“Первая волна” (Аграрная цивилизация)	Доиндустриальное общество	Аграрная революция	Не исследуется ученым	Не исследуется ученым
XVII в. — XIX в. Появление парового двигателя, механизация труда, строительство железной дороги, постепенная индустриализация	“Вторая волна” (Индустриальная цивилизация)	Доиндустриальное общество	Первая промышленная революция	Первый технологический уклад “новых технологий” Второй технологический уклад “технологий паровой энергетики”	Не исследуется ученым

¹⁷ Таблица “Периодизация развития общества в контексте технологического прогресса” (*Periodization of the development of society in the specialties of technological progress*) составлена автором в рамках диссертационного исследования по проблеме трансформации системы государственного управления в цифровую эпоху, проводимого в Высшей школе современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова (2019–2022 гг.).

XIX — XX в. Стремительное распространение индустриализации, появление электричества, конвейерное производство	“Вторая волна” (Индустриальная цивилизация)	Индустриальное общество Постиндустриальное общество	Вторая промышленная революция	Третий технологический уклад “технологий электроэнергетики” Четвертый технологический уклад “нефте-химических технологий и энергетики двигателей внутреннего сгорания”	Не исследуется ученым
XX в. — начало XXI в. Компьютеризация, появление Интернета, глобализация, сервисное общество (производство услуг), переход к электронно-цифровой цивилизации.	“Третья волна” (сверхиндустриальная цивилизация)	Постиндустриальное общество	Третья промышленная революция	Пятый технологический уклад “технологий информатики и микроэлектроники”	“Поколение Победителей” (1900–1922 г.г.) “Поколение Молчаливых” (1923–1942 г.г.) “Поколение Беби-Бумеров” (1943–1962 г.г.) “Поколение X” (1963–1982 г.г.) “Поколение Y” (или “Миллениум”) (1983–2002 г.г.)
Начало XXI в. — настоящее время Технологический прогресс, цифровые технологии, появление искусственного интеллекта, глобализация, информатизация, виртуализация	“Третья волна” (сверхиндустриальная цивилизация)	Постиндустриальное общество	Четвертая промышленная революция	Шестой технологический уклад “нанотехнологий”	“Поколение Y” или “Миллениум” (1983–2002 г.г.) “Поколение Z” или “цифровое поколение” или “зумеры” (с 2003 г.)

концепциях и программах развития. Так, в ряде наиболее часто исследуемых учеными сегодня концепций “Индустрия 4.0”, “Промышленный интернет”, “Общество 5.0”, “Система социального кредита”, основанные на внедрение технологий социального управления нового поколения, такие как “электронное” и “цифровое правительство”.

Современные социологические исследования доказывают, что важнейшим фактором формирования новой цивилизации стал полномасштабный, высокоскоростной процесс цифровизации. Согласно мнению экспертов аналитической компании *Digital McKinsey*, в 2019 г. внедрение цифровых технологий достигло таких масштабов, что к интернету подключился каждый второй житель Земли¹⁸. Согласно исследованию отечественного аналитического центра “Ромир”, 52% россиян, в числе которых люди с высшим образованием (55%) в возрасте от 35 до 44 лет, положительно относятся к цифровизации¹⁹. Кроме того, актуальной проблемой исследования стала вопрос готовности человечества к принятию цифровых технологий, то есть полной цифровизации. Данные исследования проводят такие известные крупные государственные компании как Всемирный Банк, ИТУ, ООН и др.; исследовательские аналитические центры и компании как ВЦИОМ, Ромир, Левада-центр, АНО “Диалог” и др. Например, результаты исследования, посвященного уровню готовности России к тотальной цифровизации, проведенного всероссийским центром в сфере IT развития “Диалог”, показали “средний уровень готовности” России к цифровизации²⁰.

Кроме того, шестой технологический уклад в условиях формирования электронно-цифровой цивилизации несет множество рисков и угроз безопасности человечества. Сегодня остро стоит вопрос цифровых угроз и тех рисков, которые несет в себе внедрение высоких технологий в социальную жизнь. На эту проблему указывает и Президент РФ В.В. Путин. В своем выступлении на Международной конференции “*Artificial Intelligence Journey 2021*” он обращает внимание на угрозы государственности, которые несет в себе виртуальная реальность (VR), минимизация которых возможна при

¹⁸ Digital McKinsey. The Internet and high tech. <https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights> (accessed: 28.04.2022).

¹⁹ РОМИР. Исследование отношения россиян к цифровизации. URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (дата обращения: 27.06.2022).

²⁰ ДИАЛОГ. Исследование готовности России к тотальной цифровизации. URL: https://index.dialog.info/wp.content/uploads/2021/12/Индекс_готовности_к_цифровизации_Россия_2021-1.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

исключительном отношении к VR как совершенствования физической реальности²¹.

Делая вывод, необходимо обратить внимание на то, как и когда человек вида *Homo Sapiens* перешел в новую электронно-цифровую цивилизацию. Анализ исторического развития социума позволяет определить факторы и временные границы формирования периодов технологического развития человека с целью определения “точки отсчета” рождения новой электронно-цифровой циклизации, а также ключевых ее характеристик.

За основу анализа были взяты известные концептуальные теории общественного развития Э. Тоффлера, Д. Белла, К. Шваба, С.Ю. Глазьева, Н. Хоува и В. Штрауса. Так, по мнению Э. Тоффлера, во время формирования эры высоких технологий, “сверхиндустриальной цивилизации”, произошло смещение от промышленного производства к умственному труду. Ко всему прочему, в этих же период формирования “постиндустриальной эпохи”, по мнению Д. Белла, была сформирована и установлена новая экономика — экономика услуг. Сфера услуг стала сферой обмена информацией и знаниями, а социальное управление обращено к интеллектуальным технологиям. Отражение этих идей найдено и в экономической концепции шести “технологических укладов” С.Ю. Глазьева. Так, развитие и внедрение искусственного интеллекта и высоких технологий сформировали “шестой технологический уклад”. Кроме того, согласно идее К. Шваба, текущее состояние технологического развития стоит на пороге перехода от “четвертой промышленной революции” к “цифровой”, вызванное появлением мобильного Интернета и искусственного интеллекта.

Важным становится понимание, что, несомненно, экономическая трансформация в условиях цифровизации ведет к трансформации культурной, а также формирования новых ценностей. Так, на основании теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса, делается вывод о ценностных ориентациях современного поколения. Сегодня так называемые “Поколение Y” (или “миллениалы”), родившиеся почти 30 лет назад, и “Поколение Z” (“зумеры”), которые уже подростки, имеют качественно новые ценности и потребности, чем их родители. Ключевыми ценностями стали индивидуализм во всем, общение *online*, инфантильность.

История технологического прогресса наблюдала не малое число возникающих угроз и рисков, которые порождали новые изобре-

²¹ Путин В.В. Выступление на Международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных “Artificial Intelligence Journey 2021”. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 28.03.2022).

ния. Однако современный цифровой период становится особенно неопределенным и хаотичным, и потому несет в себе множество угроз безопасности как на индивидуальном, так и на государственном уровнях. Подтверждением тому выступают многочисленные современные исследования аналитических, социологических, государственных и бизнес-организаций. Результаты исследований указывают на необходимость системного научного изучения вопросов внедрения высоких технологий в социальную жизнь с целью минимизации рисков и предотвращения киберпреступности, психических и физических заболеваний и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2014.

Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. М., 2007.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. М., 2007.

ДИАЛОГ. Исследование готовности России к тотальной цифровизации. https://index.dialog.info/wp.content/uploads/2021/12/Индекс_готовности_к_цифровизации_Россия_2021-1.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3). С. 220–236.

Мирошкина М.Р. X, Y, Z. Теория поколений. Новая система координат // Вопросы воспитания. 2014. № 2. С. 50–57.

Нурмаганбетова М.С. Формационный и цивилизационный подходы в развитии экономических систем. М., 2016.

Ожиганова О.В. Теория поколения Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 37–94.

Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 7–32. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-7-32>

Путин В.В. Выступление на Международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных “*Artificial Intelligence Journey 2021*”. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 28.03.2022).

РОМИР. Исследование отношения россиян к цифровизации. <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (дата обращения: 27.06.22).

Савидов М.А. Карта ценностей миллениалов: потребительское поведение и работа // Реклама. Теория и практика. 2019. № 1. С. 42–58.

Садовничий В.А., Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. СПб., 2020.

Сухов Е.И. Информационное общество как новое общество // Социологические науки. 2011. № 7. С. 1–13.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009.

- Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.
- Хабриева Т.Я., Осипов Г.В. Цифровизация: социология и право, концепция и практика социализации // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 1 (181). С. 1–23.
- Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М., 2017.
- Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2019.
- Шwab К. Четвертая промышленная революция. М., 2019.

REFERENCES

- DIALOG. Study of Russia's readiness for total digitalization. https://index.dialog.info/wp.content/uploads/2021/12/Index_to_digital_readiness_Russia_2021-1.pdf (accessed: 06.01.2022) (in Russian).
- Bell D. The coming post-industrial society. Experience of social forecasting. М., 2014 (in Russian).
- Bell D., Inozemtsev V. The era of disunity. М., 2007 (in Russian).
- Digital McKinsey. The Internet and high tech. <https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and> (accessed: 28.04.22).
- Glaziev S. Yu. Strategy for the rapid development of the Russian economy in the context of global technological shifts. М., 2007 (in Russian).
- Harari Yu.N. Sapiens. Brief history of mankind. М., 2019 (in Russian).
- Howe N., Strauss W. The fourth turning: what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N.Y., 1997.
- Huntington S.F. Clash of civilizations. М., 2017 (in Russian).
- Khabrieva T. Ya., Osipov G. V. Digitalization: sociology and law, the concept and practice of socialization // Economic strategies. 2022. Т. 24. N 1 (181). P. 1–23 (in Russian).
- Miroshkina M.R. X, Y, Z. Theory of generations. New coordinate system // Questions of education. 2014. N 2. S. 50–57 (in Russian).
- Nurmaganbetova M.S. Formational and civilizational approaches in the development of economic systems. М., 2016 (in Russian).
- Osipova N.G. Russian society after the COVID-19 pandemic: look into the future // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2021. Т. 27. N 4. S. 7–32 (in Russian).
- Ozhiganova O. V. Generation theory by N. Howe and W. Strauss. Possibilities of practical application // Business education in the knowledge economy. 2015. N 1. P. 37–94 (in Russian).
- Putin V.V. Speech at the International Conference on Artificial Intelligence and Data Analysis "Artificial Intelligence Journey 2021". URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (accessed: 28.03.2022) (in Russian).
- ROMIR. A study of the attitude of Russians to digitalization. <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (accessed: 06.27.22) (in Russian).
- Sadovnichiy V.A., Osipov G. V. Social sciences and education in the conditions of the formation of an electronic-digital civilization. SPb., 2020 (in Russian).
- Savidov M.A. Millennial value map: consumer behavior and work // Advertising. Theory and practice. 2019. N 1. P. 42–58 (in Russian).
- Schwab K. The fourth industrial revolution. М., 2019 (in Russian).

- Sukhov E.I.* Information society as a new society // Sociological sciences. 2011. N 7. S. 1–13 (in Russian).
- Toffler E.* Shock of the future. M., 2008 (in Russian).
- Toffler E.* The third wave. M., 2009 (in Russian).
- Zaitseva N.A.* The theory of generations: are we different or the same? // Russian regions: a look into the future. 2015. N 2 (3). P. 220–236 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-158-179

ДИСКУРС О ЗДОРОВЬЕ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (часть 1)

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье дается анализ основных исследовательских подходов к изучению здоровья и путей его сохранения. Автор указывает, что концепт здоровья, отражающий одно из актуальных направлений современного общественно-научного дискурса, вошел в исследовательское поле достаточно давно. Тем не менее, его понимание не было однозначным: в работе показано, что на протяжении эпох в зависимости от времени, уровня познания и развития общества, господствовавших в тот или иной период мировоззрения, научных теорий, в рамках которых изучался рассматриваемый феномен, менялось его содержание. На основе историко-сравнительного анализа автором выделены основные этапы, подходы и направления в изучении феномена здоровья, предложена их типологизация, выделены ключевые факторы эволюции взглядов на проблемы здоровья, предпринята попытка выделить характерные для каждого периода особенности. В заключении автором сделан вывод, что с развитием социума категория “здоровье” приобретает новое содержание, ключевым аспектом которого является понимание его социальной значимости, витальной ценности, необходимости создания системы общественного управления, что предполагает его комплексное изучение на основе интегративного подхода.

Ключевые слова: здоровье, дискурс о здоровье, эволюция взглядов о здоровье и путях его сохранения, здоровье как социальный феномен, факторы, детерминирующие здоровье, интегративный подход.

HEALTH DISCOURSE: HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiy Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

* Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

The article provides an analysis of the main research approaches to the study of health and ways to preserve it. The author points out that the term health, which reflects one of the current trends in modern social and scientific discourse, was entered into the research field quite a long time ago. However, his understanding was not unambiguous: the analysis reflects that over the epochs, in dependence on time, the level of knowledge and development of society, views and scientific theories which were dominated in a particular period, its content was changed. Based on historical and comparative analysis, the author describes the main stages, approaches and directions to the study of the phenomenon of health, classifies them, identifies the key factors in the evolution of views on health problems, and makes an attempt to identify the features characteristic of each period. In conclusion, the author underlines that under the society development the category "health" has been changed. The key points of its content are based on its social significance, vital value, the need to create a system of public administration, which involves its comprehensive study based on an integrative approach.

Key words: *health, discourse about health, evolution of views on health and ways to preserve it, health as a social phenomenon, factors determining health, integrative approach.*

Тема здоровья за последние десять лет вошла в мейнстрим общественно-научного дискурса. За период с 2010 по 2022 гг. в базе российского индекса научного цитирования число публикаций, посвященных различным проблемам здоровья современного человека, возросло практически в три раза по сравнению с предыдущим десятилетием и насчитывает свыше двадцати пяти тысяч. Столь активный рост исследований по данной теме за последние годы, на наш взгляд, вызван происходящими вследствие воздействия новых технологий изменениями во всех сферах современной жизнедеятельности, включая и здоровье. Тем не менее, изучение проблем здоровья и вопросов, связанных с его сохранением, имеет давнюю традицию. Как показывает историко-сравнительный анализ, генезис взглядов на здоровье и способы его сохранения тесно переплетается с развитием общества и науки, в целом.

Следует отметить, что понимание здоровья не было однозначным: на протяжении эпох в зависимости от времени, уровня познания и развития общества, господствовавших в тот или иной период мировоззрения, научных теорий, в рамках которых изучался рассматриваемый феномен, менялось содержание самого понятия.

В зависимости от преобладания того или иного подхода, на основе историко-сравнительного анализа, на наш взгляд, можно выделить следующие периоды в эволюции взглядов на здоровье:

- 1-й этап: философский (эпоха Древнего мира);
- 2-й этап: религиозный (эпоха Средневековья до начала XIV в.);
- 3-й этап: гуманистический (XIV — XVI вв.);

- 4-й этап: биомедицинский (XVII — конец XIX вв.);
- 5-й этап: социальный (начало XX — конец XX вв.);
- 6-й этап: интегративный (конец XX в. — по н/вр.).

Хотя различие между указанными этапами носит условный характер, тем не менее их обозначение позволяет указать специфику восприятия здоровья и путей его сохранения в разные эпохи.

Рассмотрим их основные особенности.

В древних культурах представления о здоровье формировались в большей степени в рамках философии космоцентризма — характерной для данного периода развития системы взглядов об устройстве мира, обосновывающей единство человека и природы, неотделимость духа от материи¹. Так, в древнекитайской философии даосизма здоровье трактовалось как состояние, обусловленное согласованностью трех составляющих: телесной сущности, жизненной силы и духа². Интересно отметить, что болезнь понималась не как нечто противоположное, а как часть единого целого, но не находящегося в состоянии гармонии. В этой связи предполагаемые методы лечения были основаны на восстановлении баланса и достижении состояния “дао”.

В античности здоровье соотносилось с такими понятиями как гармония, красота, соразмерность, движение³. Недаром в мифологии древних греков особо почитаемыми были бог медицины Асклепий, богиня здоровья Гигиия и богиня исцеления Панакея, чье покровительство давало защиту от болезней и помогало сохранить красоту, молодость и силу⁴. В контексте античной традиции особый интерес представляет пифагорейское учение, согласно которому состояние здоровья трактовалось как правильное сочетание основных элементов в теле и душе, их сообразность⁵. Болезнь же воспринималась как дурное смешение, вызывающее нарушение гармонии.

Известный древнегреческий философ Платон считал здоровье сочетанием физических и духовных сил, а величайший мыслитель того времени Аристотель рассматривал здоровье как динамическое состояние⁶. Знаменитый древнеримский врач Гален из Пергама писал, что здоровье — это то состояние, при котором мы не страдаем

¹ Философия здоровья. М., 2001. С. 5.

² Ван Хайянь. Философия даосизма и китайская традиционная медицина // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 126–132.

³ Изуткин Д.А. Изучение вопросов здоровья и болезни в медицине Древней Греции // Медицинский альманах. 2009. № 2. С. 34–37.

⁴ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2016. С. 43–45.

⁵ Шок Н.П., Щеглов А.П. Пифагорейское наследие в медицине // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 13 (1). С. 307–314.

⁶ Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М., 1969.

от боли и не ограничены в нашей жизнедеятельности, это состояние гармонии⁷.

В отличие от древневосточной философии особенностью восприятия здоровья в античной традиции является осознание не только его как божественного дара, но и понимание его связи с образом жизни, природными условиями. Господствовавшая в то время натурфилософия рассматривала здоровье как состояние баланса базовых элементов, составляющих организм человека, с окружающим миром. Так, известное высказывание древнегреческого мыслителя Сократа о том, что надо есть чтобы жить, а не жить, чтобы есть, отражает значимость умеренности питания для сохранения здоровья как гармонии души и тела. В диалоге “Горгий” философ указывает, что «...имя телесному порядку — “здоровость” и что из него возникает в теле здоровье и все прочие добрые качества... и утолять свои желания врачи разрешают, как правило, только здоровому: есть вволю, когда проголодаешься, или пить, когда почувствуешь жажду, а больному, как говорится, на всякое хотение необходимо терпение»⁸.

Первым, кто развил учение о влиянии окружающей среды и условий жизни на здоровье был знаменитый древнегреческий целитель Гиппократ. Он разделил факторы, воздействующие на здоровье человека, на внешние (объективные): климат, эпидемии, и индивидуальные (субъективные): образ жизни, возраст, наследственность, привычки (или повседневные практики индивида)⁹. Как отмечает российский исследователь Д.А. Изуткин, Гиппократ одним из первых среди врачей-философов ввел понятие “образ жизни” и дал ему медицинское обоснование, трактуя его и как, в целом, социальные условия обитания, и как индивидуальную деятельность человека в отношении здоровья (характер питания, степень двигательной активности, продолжительность сна и отдыха)¹⁰.

В целом, несмотря на культурно-средовые факторы, обуславливающую особенности мировоззрения Древнего Китая, Индии, Греции, общей для всего первого периода является идея достижения здоровья через внутреннюю гармонию человека и природы.

Эпоха средних веков вносит свое понимание в проблематику здоровья, более акцентируя внимание на взаимообусловленности состояния здоровья и благочестия человека, уровня праведности его жизни, силы его веры. Для второго периода характерно вос-

⁷ Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.

⁸ Платон. Диалоги. М., 1986. С. 504–505.

⁹ Гиппократ. О здоровом образе жизни. Этика и общая медицина. СПб., 2001.

¹⁰ Изуткин Д.А. Изучение вопросов здоровья и болезни в медицине Древней Греции // Медицинский альманах. 2009. № 2. С. 37.

приятие здоровья в религиозном аспекте: здоровье выступает как божий дар, благодать, награда за праведную жизнь, в противоположность болезни как кары за грехи. Как пишет известный отечественный историк А.Я. Гуревич, “человек Средневековья не воспринимал природу как инертный неодушевленный объект: жизнь и смерть, здоровье и болезни, урожай и недород, погода, мир растительный и животный — в его глазах, все управляется некими таинственными магическими силами, от которых зависит благополучие людей”¹¹.

Тем не менее, можно проследить определенный деятельностный подход к пониманию здорового состояния, когда эпидемии зачастую связывали с неправильными богоотступными действиями жителей того селения, города, где распространялась болезнь. В исторических рукописях того времени сохранилось достаточно свидетельств, подтверждающих данные выводы. Так, в эпоху Средних веков преобладающим занятием человека были сельское хозяйство, ремесло и торговля. В этой связи основу его благополучия составляло домашнее хозяйство и, прежде всего, скот. Зачастую большинство эпидемий и начиналось как раз с заболеваний среди животных. Чтобы защитить свой дом и хозяйство, средневековые христиане использовали практику христианских заклинаний. Согласно исследованиям А.Я. Гуревича, «обычным средством охраны животных и исцеления их от болезней было начертание на их лбу знака креста. В буколической песне галльского ритора Севера Санкта Энделехия “О падеже скота” рассказывается, как знак Христа спас стадо религиозного человека, тогда как у его соседей скот погиб: от осенившего животных креста “прочь бежала моровая язва”. Паулин из Нолы сообщает, что крестьяне молили святого Феликса об исцелении, не только принося к его гробнице больных детей, но и приводя скот (21, II, с. 128). Целительным средством служило и масло, взятое из лампы святого Мартина, — им смазывали лбы и спины больных животных»¹².

Хотя, безусловно, медицинские знания уже были достаточно развиты и активно использовались на практике, о чем свидетельствуют трактаты выдающихся врачей того времени, такие как “Медицинская книга” Разеса (Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийа Ар Рази (850–923 гг.), “Канон врачебной науки” Ибн Сины (Абу Али ал Хусйен Ибн Эбдаллах Ибн ал Хасан Ибн Али Сина (980–1037), труд “О контагии, контагиозных болезнях и лечении” Джироламо Фракасторо (1478–1553), тем не менее преобладание религиозного ми-

¹¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 280.

¹² Там же. С. 290.

ровоззрения в средневековом обществе обуславливало восприятие здоровья и болезни в контексте соответствующих воззрений. В этой связи следует отметить, что первые больничные дома, которые в те времена больше представляли собой изоляторы, нежели лечебные учреждения, устраивались именно при монастырях¹³. Так, в XIII в. во время эпидемии лепры (проказы) в Западной Европе монахами ордена Святого Лазаря в Италии было основано 19 тысяч лепрозориев на территории страны¹⁴.

В период Возрождения, предваряющий переход к эпохе Нового времени, понимание здоровья трансформируется, что, в первую очередь, связано со становлением гуманистических идей: человек рассматривается как творец своей судьбы. Особенностью этого периода, на наш взгляд, является взаимосвязь восприятия здоровья через призму феномена телесности. В образах, запечатленных в шедеврах великих мастеров Ренессанса Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи и др., воспевается красота и сила человеческого тела, его уникальность и достоинство¹⁵. В этой связи значимым выступает соматическое здоровье как необходимое условие развития ума и добродетели.

Эпоха Нового времени знаменует переход к естественнонаучной парадигме знания, под влиянием которой происходит и изменение представлений о здоровье, способах его сохранения, болезнях и их лечении. Хотя религиозные взгляды еще достаточно сильны, тем не менее в связи с развитием научных познаний, преобладающим в восприятии здоровья в период с начала XVII–XIX вв., по нашему мнению, становится биомедицинский подход. Его распространению также способствовала популяризация университетов, в рамках которых происходило развитие медицинской науки на базе открытых профильных факультетов. Салерно, Болонья, Оксфорд, Кембридж, Прага, Краков, Вена, Кельн, Лейден, Лейпциг, Падуя, Москва, Берлин, Варшава — вот лишь неполный их перечень. Наряду с развитием университетской науки характерной чертой этого периода является становление национальных научных центров — Королевского общества в Англии, (Лондон, 1660), Академии наук во Франции (Париж, 1666), Академии наук Швеции (Стокгольм, 1739), Германской академии естествоиспытателей “Леопольдина”, Академии наук в России (Санкт-Петербург, 1725) и др.

¹³ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2016. С. 73.

¹⁴ Изуткин Д.А. Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // Медицинский альманах. 2018. № 6 (57). С. 34–37.

¹⁵ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология: В 2 т. Т. 1 / Сост. и авт. предисл. В.П. Шестаков. М., 1981. С. 248–265.

В этот период наблюдается “прорыв” не только в теоретическом медицинском знании, но и в клинической практике¹⁶. Действительно, новым становится как расширяющиеся представления о физиологии и анатомии человека, так и методы их изучения, в основу которых был заложен принцип научного рационализма, развитого в трудах знаменитого французского ученого Рене Декарта¹⁷ и заключающегося в необходимости построения доказательного знания с использованием естественнонаучных способов познания, включая математические и физические.

Наглядным подтверждением этому служат примеры открытий, сделанных выдающимися учеными-медиками этого периода: итальянским доктором, профессором Падуанского университета Санторио (1561–1636 гг.), английским врачом Уильямом Гарвеем (1578–1657 гг.), датским анатомом Николаем Стеноном (1638–1686 гг.) и др. Так, Санторио считается основоположником количественного метода изучения в медицине благодаря его изобретениям различных измерительных приборов (весов для измерения массы тела, пульсиметра, водного и ртутного термометров, гигрометра), с помощью которых исследователь изучал особенности протекания физиологических процессов в человеческом организме и их изменения в состоянии болезни¹⁸. Его коллега из Англии Уильям Гарвей путем математических расчетов данных об объеме крови в левом желудочке сердца, его количественных сокращений за конкретный промежуток времени открыл особенности строения сердечно-сосудистой кровеносной системы человека, что поставило его в один ряд с достижениями Галилея об устройстве космоса¹⁹. Датский исследователь Николай Стенон также использовал математические доказательства для подтверждения своих идей, а именно, с помощью пространственной геометрии он обнаружил, что сердце состоит из мышечных волокон, а его главная функция — двигательная (сократительная), основным структурно-функциональным элементом мышцы является отдельное мышечное волокно, а интегральная функция сокращения всей совокупности мышечных волокон обусловлена ориентацией их крепления по отношению к сухожилиям²⁰.

¹⁶ Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2016. С. 93–95.

¹⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Рене Декарт. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.

¹⁸ Сточник А.М., Затравкин С.Н. Научная революция в медицине XVII в. // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. № 38 (4). С. 170–171.

¹⁹ Там же. С. 171.

²⁰ Жмуркин В.П., Чалова В.В. Формирование научной анатомии в Европе XVII века (к 375-летию Николая Стенона, 1638–1686) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 1. С. 50.

Как указывают отечественные исследователи В.Г. Туркина и О.В. Вербина, медицинская модель здоровья “определяла телесность человека как некий механизм и способствовала восприятию болезней как дисфункций человеческого тела”, а здоровья как состояние отсутствия каких-либо нарушений, “нулевую степень болезни”²¹.

Преобладание естественнонаучного подхода в восприятии здоровья находит отражение и в активном развитии больничного дела. Хотя до XVII в. больничные учреждения существовали, тем не менее они скорее функционировали как изоляторы, представляя больше места для смерти, нежели для жизни, сосредоточие заразы и безумия²². С эпохой же Нового времени бывшие богадельни превращаются в настоящие лечебные учреждения, в которых стали применять медицинские методы, включая антисептические и хирургические способы преодоления недугов. Примером может служить история Парижской клиники Сальпетриер, медицинского комплекса Шарите в Берлине.

В России становление и развитие биомедицинских взглядов на проблемы здоровья относится к Петровской эпохе, когда появляются первые светские госпитали и открываются госпитальные школы для подготовки лекарей²³. Огромная заслуга в этом принадлежит великому русскому ученому М.В. Ломоносову, по инициативе которого в 1755 г. был основан Московский государственный университет, в котором был учрежден первый медицинский факультет. Как пишет Ю.П. Лисицын, “к концу XVIII века в России работало 878 врачей”²⁴, подготовка которых была строго регламентирована и обязательно включала клинические занятия.

Апогеем окончательного утверждения естественнонаучной парадигмы в понимании здоровья и изучении болезней и способов их превенции и профилактики можно считать открытие в 1887 г. в Париже Института Пастера, деятельность которого, была посвящена исследованиям в области микробиологии и проблем здоровья, вызываемых патогенными микроорганизмами и вирусами, а также разработке профилактических мер для предотвращения их распространения. Институт сразу приобрел статус международного центра, и благодаря сотрудничеству ученых из разных научных лабораторий проблема эпидемий инфекционных заболеваний во многих

²¹ Туркина В.Г., Вербина О.В. Концепт “здоровье” в философско-культурологической рефлексии // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 4 (24). С. 31.

²² Реформа больниц в новой Европе. М., 2002. С. 18–19.

²³ Лисицын Ю.П. Указ. соч. С. 117–118.

²⁴ Там же.

странах Европы, а также Америки, по сути, к третьему десятилетию XX в. была преодолена²⁵.

Таким образом, в эпоху Нового времени наблюдается радикальный переворот в восприятии здоровья, связанный с отходом от религиозной парадигмы к научной — биомедицинской, основанной на доказательном знании, что обосновывало необходимость естественнонаучной методологии в изучении проблем здоровья.

Тем не менее, следует отметить, что уже в XVIII–XIX вв. ученые-медики, философы, наряду с преобладающими медицинскими все чаще обращают внимание и на социальные причины распространения заболеваний, такие, как условия труда, жизни, качество питания, уровень бедности.

Наряду с этим в связи с промышленным переворотом и становлением индустриального общества происходит переосмысление значимости здоровья в развитии национальных государств, вследствие чего формируются различия в субъектном понимании здоровья на здоровье общественное и здоровье индивидуальное. При этом в рассматриваемый период особое внимание исследователей, преимущественно, из медицинского сообщества, вызывают проблемы именно общественного здоровья, в частности, частота и высокий уровень заболеваемости, пути преодоления эпидемических вспышек, которые в этот период все еще остаются ведущей причиной смертности среди населения, а также причины распространения болезней среди отдельных социальных групп. Так, итальянским врачом Б. Рамаццини в трактате “О болезнях ремесленников” (*“De Morbis Artificum Diatriba”*), написанном в конце XVII — начале XVIII в., были рассмотрены характерные среди ремесленников из Модены и Падуи болезни, а также выявлена связь их возникновения с особенностями и условиями труда, которым они занимались способы их профилактики²⁶.

В 1761 г. в своем обращении к графу И.И. Шувалову М.В. Ломоносов писал о негативном влиянии на состояние здоровье и численность российского народа условий жизни, качества питания, отсутствие общественного здравоохранения²⁷.

²⁵ Шерстнева Е.В. Первые пастеровские станции в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 2. С. 56–59; Мазинг Ю.А., Андрюшкевич Т.В. Создание Института, подобного пастеровскому в Париже (к 125-летию Указа императора Александра III) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. № 4. С. 226–254.

²⁶ Ramazzini B. De Morbis Artificum Diatriba (Diseases of Workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.

²⁷ Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598–614.

В середине XIX в. немецкий врач Рудольф Вирхов (Rudolf Virchow) (1821–1902) по результатам своего исследования вспышки тифа в Верхней Силезии (“Сообщения о распространении эпидемии тифа в Верхней Силезии”) пришел к выводу о ключевом влиянии социальных факторов на распространение этой болезни²⁸. Будучи куратором общественной клиники Шарите в Берлине, Р. Вирхов был командирован в Верхнюю Силезию с целью научного изучения голодного тифа, бушевавшего в тот период в Германии²⁹. В своих заметках, сделанных им во время посещения зараженных тифом польских поселений, ученый выяснил, что причины болезни следует искать не столько в биологических факторах, сколько в социальных, а именно, в условиях проживания, качестве питания, культурных традициях. В данных им рекомендациях Р. Вирхов указал, что для предотвращения эпидемии необходимо предпринять меры по улучшению качества жизни местного населения, подчеркнув в заключении, что медицина — социальная наука, поэтому недостаточно выявить болезнь, необходимо найти и устранить те факторы, которые оказывают в большей степени влияние на ее возникновение и распространение³⁰. Позже в основанном им журнале “Die medizinischer Reform” (“Медицинская реформа”) Р. Вирхов высказывался за необходимость социальных реформ в медицине, но исходя из социальной обусловленности здоровья населения и вследствие этого, важности введения государственной политики для его охраны и укрепления.

Другой известный немецкий врач Саломон Нейманн (Salomon Neumann) (1819–1908) в своем труде “Общественное здравоохранение и собственность”³¹, исследуя состояние здоровья различных слоев населения, пришел к выводу, что здоровье — это неотъемлемая собственность каждого человека, следовательно, его зависимость от социально-экономического положения индивида является несправедливым, поэтому каждому должно быть предоставлено право на охрану своего здоровья, которое должно быть гарантировано со стороны государства³².

²⁸ Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie. Berlin, 1848. P. 22.

²⁹ Лядова А.В. Социальное неравенство в отношении здоровья: сущность, источники и особенности проявления в современном обществе: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2020. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/328763148/>

³⁰ Virchow R. Mittheilungen... P. 27.

³¹ Neumann S. Die Oeffentliche Gesundheitspflege und das Eigenthum. Berlin, 1847.

³² Gostomzyk J.G., Mittelstaedt G. Salomon Neumann (1819–1908) und das Recht auf Gesundheit // Gesundheitswesen 2016. N 78 (12). P. 804–807.

Необходимость социального осмысления проблем здоровья и болезни нашли отражение и в работе французского врача, участника Французской революции 1848 г., Жюля Рене Герена (Jules René Guérin) (1801–1886). В своем обращении к медицинскому сообществу Франции, опубликованном в 1848 г. в газете “*Gazette Médicale de Paris*”, он призвал создать новую, социальную медицину, сочетающую в себе знания медицинской практики и социальных аспектов здоровья, что по его мнению способствовало бы наиболее эффективному решению существующих проблем общественного здравоохранения³³.

В Бразилии в рассматриваемый период возникает особое общественное движение, так называемые Санитариста, (Movimento Sanitarista), чьи активисты впервые обратили внимание общества и государства на социальную обусловленность проблем здоровья местного населения. Развитие этого движения связано с деятельностью бразильского врача Хосе Франсиско Ксавье де Сигауда (Jose Francisco Xavier de Sigaud, 1796–1856), одного из основателей Медицинской Академии Бразилии, который, изучая географию распространения тропических болезней на территории Бразилии, выявил, что не столько природные особенности и этническое разнообразие страны влияют на состояние здоровья ее населения, а скорее социальные условия жизни, качество питания, бедность³⁴.

Наряду с указанными примерами под влиянием идей просветителей также зарождается понимание здоровья в аксиологическом аспекте. “Здоровье — это драгоценность, и притом единственная, ради которой стоит не только не жалеть времени, сил, трудов и всяких благ, но и пожертвовать ради него частицей самой жизни, поскольку жизнь без него становится нестерпимой и унижительной”, — пишет в своих “Опытах” французский философ Мишель Монтень³⁵.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что во второй половине XIX в., несмотря на приоритет естественнонаучной парадигмы в понимании здоровья, зарождаются идеи социальной

³³ Cockerham W.C., Ritchey F.J. Dictionary of medical sociology. Westport, 1997. P. 119–120; Hobson W. What is social medicine? // British Medical Journal. 1949. N 2 (4619). P. 125–130.

³⁴ Tamano O., Tleko L. The Sanitary Movement in Brazil: the vision of illness as a “national harm” and health as a redeemer // Khronos. 2017. N 4. P. 102–115; Lima T.L. Public health and social ideas in modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007. Vol. 97. N 7. P. 1168–1177; Sigaud J.F.X. Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire. P., 1844.

³⁵ Монтень М. Опыты. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 2. М., 1992. Гл. XXXVII.

обусловленности болезней, которые уже к началу XX в. получают разработку в контексте социальной парадигмы здоровья.

Дальнейшее развитие этих взглядов тесно связано не только с трансформацией социума, но и с формированием социологической науки, в центре внимания которой и оказываются происходящие изменения, в том числе, и в оценках причин проблем здоровья населения.

Так, под влиянием общественно-политических либеральных движений, которые становятся заметны в разных странах как следствие воздействия новых экономических отношений на положение, прежде всего, неимущих слоев населения, правительства ряда европейских и американских государств вынуждены принять ряд мер, направленных на защиту и улучшение материального положения рабочих, профилактику заболеваемости, изменение условий труда, выплату пенсий в случае болезни, инвалидности и т.п.³⁶ Наглядный пример этому — введение в 1883 г. в Германии Закона о медицинском страховании (“Закон о страховании рабочих на случай болезни”, согласно которому работники большинства предприятий в случае травм на производстве или при развитии профессионального заболевания получали страховые выплаты по нетрудоспособности, финансирование которых осуществлялось совместно, как из взносов самих трудящихся, так и их работодателей. Данный закон, получивший название социальной реформы Отто фон Бисмарка, канцлера Германии в тот период, лег в основу модели национальной системы социального страхования, а также послужил примером проведения соответствующих реформ и в других странах, в частности, России³⁷.

Для разработки соответствующих мер в сфере социальной политики и понимания векторов реформирования социальной системы возникает потребность в научном осмыслении социальных проблем общественного здоровья. Это находит отражение в соответствующих исследованиях, которые получают развитие не только в трудах представителей профессионального медицинского сообще-

³⁶ Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524; Гайдар Е. Богатые и бедные. История пенсий // Вестник Европы. 2003. № 10.

³⁷ Gesetz, betreffen die Krankenversicherung der Arbeiter // Deutsches Reichsgesetzblatt Band 1883. N 9. P. 73–104; Чистяков И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912; Маркузон Ф.Д. Статистика социального страхования. М., 1925; Хаконова И.Б. Больничные кассы в структуре страхования рабочих по закону Российской империи “Об обеспечении рабочих на случай болезни” // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113).

ства, но и в контексте развития социологии все чаще выступают как предмет социологического дискурса. Так, в своей работе “Самоубийство. Социологический этюд” французский социолог Э. Дюркгейм, анализируя влияние общества на психическое здоровье индивида, рассматривал зависимость самоубийств от уровня социальной активности, включенности индивида в социальные связи, стабильности системы социальных норм³⁸.

Таким образом, по сути, уже с конца XIX в. получают развитие подходы к пониманию здоровья как социального феномена, а проблемы болезни объясняются уже не исключительно с медицинской точки зрения, но и учитываются социальные аспекты жизнедеятельности, влияющие на его состояние.

Хотя социальная парадигма здоровья зарождается в конце XIX в., однако ее актуализация относится к более позднему периоду — середине XX в., и, на наш взгляд, подтверждается в социальных исследованиях возрастающим интересом к проблемам индивидуального здоровья, что обусловлено развитием социального гуманизма после Второй мировой войны, когда впервые в истории мирового сообщества жизнь и здоровье каждого человека были провозглашены в Уставе Всемирной организации здравоохранения, принятом в 1946 г., как важнейшие ценности, а “обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья устанавливается как одно из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения”³⁹.

Развитие исследовательского интереса к социальным аспектам здоровья в середине XX в. также связано с трансформацией структуры заболеваемости среди населения, когда в результате улучшения качества жизни вследствие социально-экономических изменений, произошедших в послевоенный период в рамках политики, направленной на построение государства всеобщего благоденствия, а также благодаря науке, открытия которой способствовали преодолению эпидемиологических кризисов, характерных для предшествующих эпох, на смену инфекционным пришли так называемые социальные заболевания, включающие болезни сердечно-сосудистой, дыхательной систем, ожирение, сахарный диабет, психические расстройства, что и актуализировало изучение причин их распространения среди населения⁴⁰.

³⁸ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

³⁹ Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

⁴⁰ Лядова А.В. Социальное неравенство в отношении здоровья: сущность, источники и особенности проявления в современном обществе: Дисс. ... канд. социол.

Так, зарубежными исследователями Т. МакКьюеном, М. Мармотом было выявлено, что наибольшее влияние на здоровье современного человека на индивидуальном и на общественном уровнях оказывают “немедицинские факторы”, к которым были отнесены доход, условия жизни, социальный статус⁴¹.

Следует отметить, что именно в этот период получают разработку исследования, посвященные проблеме социального неравенства в сфере здоровья, осознание которой как раз и становится следствием развития социальной парадигмы восприятия здоровья⁴². Так, в одной из первых работ, вызвавших широкое обсуждение данной проблемы, “Социальный класс, продолжительность жизни и общая смертность”⁴³ американского социолога А. Антоновского на основе историко-сравнительного анализа данных было выявлено, что принадлежность к определенному социальному классу оказывает влияние на продолжительность жизни индивида, причем из всех рассмотренных социальных классов почти всегда среди представителей низшего наблюдается самый высокий уровень смертности⁴⁴.

В исследовании другого американского социолога Д. Салкеверана основе сравнительного анализа уровня доступности медицинских услуг среди населения пяти стран (Канады, Великобритании, Финляндии, Польши, США), было установлено, что социальные группы с более высоким доходом имеют более широкие возможности по удовлетворению своих потребностей в медицинской помощи⁴⁵.

Аналогичные выводы были получены и в работах основателя известной американской системы “Медикэр”, профессора факультета глобальной и социальной медицины Гарвардской медицинской школы Р. Фейна⁴⁶, который, рассматривая неравный доступ к медицинским услугам среди разных социальных групп американского общества, указал на ограниченную эффективность рыночной мо-

наук. М., 2020. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/328763148/>

⁴¹ *Marmot M.G., Smith G.D, Stansfield S., et al. Health inequalities among British civil servants: the Whitehall II Study // Lancet. 1991. N 337. P. 1387–1393; McKeown T. The role of medicine: dream, mirage, or nemesis? L., 1976.*

⁴² *Лядова А.В. Социальное неравенство в отношении здоровья...*

⁴³ *Antonovsky A. Social class, life expectancy and overall mortality // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1967. Vol. 45. N 2. Part 1. P. 31–73.*

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Salkever D.S. Economic class and differential access to care: comparisons among health care systems // International Journal of Health Services. 1975. N 5(3). P. 373–395.*

⁴⁶ *Fein R. On achieving access and equity in health care // Medical Care and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services // Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. N 1. P. 157–190.*

дели здравоохранения в обеспечении потребностей широких слоев населения в реализации их права на охрану своего здоровья, предложив создать национальную систему здравоохранения⁴⁷.

Проблема равенства возможностей выступает центральной темой и в работах американского социолога Т. Шаца⁴⁸. Рассматривая особенности отношений между врачом и пациентом в случае психических заболеваний, автор пришел к выводу, что в условиях вынужденного принудительного лечения реализация пациентом права выбора отсутствует, что создает дисбаланс в системе социального взаимодействия в рамках медицинской практики. Более того, по мнению Т. Шаца, данная проблема гораздо глубже простых экономических расчетов, так как ее решение связано с трансформацией общества индивидуализма и потребления⁴⁹.

Комплексное исследование влияния бедности на здоровье представлено в монографии «Бедность и здоровье: социологический анализ»⁵⁰. Ее авторы, в число которых вошли известные социологи медицины И. Зола, Дж. Коза, А. Антоновски, на основе тщательного анализа статистических данных о здоровье различных социальных групп, приходят к выводу о глубоком дефиците здоровья, выявленном среди бедного населения, причина которого кроется в нехватке ресурсов (причем не только экономических, но и социальных) для его поддержания и улучшения, что связано с их неравным распределением в рамках существующей социальной системы.

Наряду с проблемами общественного здоровья со второй половины XX в. предметом активного общественно-научного дискурса становятся и вопросы индивидуального здоровья, а именно, отношение к своему здоровью как значимому фактору, отражающему особенности субъективного восприятия человеком концепта здоровья и его деятельность в сфере здоровья⁵¹, вследствие изучения которых получают развитие даже отдельные отрасли социологической науки, направленные на их анализ — социология медицины и социология здоровья.

⁴⁷ Ibid. P. 178–179.

⁴⁸ Szasz T. The right to health // *Georgetown Law Journal*. 1969. March. N 57. P. 734–751; Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64.

⁴⁹ Szasz T. *Op. cit.* P. 750.

⁵⁰ *Poverty and health: a sociological analysis* / Ed. by J. Kosa, A. Antonovsky, I. Zola. Harvard, 1969.

⁵¹ Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М., 1969.
- Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.
- Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 2018.
- Барт Р. Семиотика моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 2.
- Ван Хайянь. Философия даосизма и китайская традиционная медицина // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 126–132.
- Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. М., 2001.
- Гайдар Е. Богатые и бедные. История пенсий // Вестник Европы. 2003. № 10.
- Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.
- Гиппократ. О здоровом образе жизни. Этика и общая медицина. СПб., 2001.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- Жмуркин В.П., Чалова В.В. Формирование научной анатомии в Европе XVII века (к 375-летию Николая Стенона, 1638–1686) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 1. С. 47–52.
- Журавлева И.В. Самосохранительное поведения подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66–74.
- Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.
- Изуткин Д.А. Изучение вопросов здоровья и болезни в медицине Древней Греции // Медицинский альманах. 2009. № 2. С. 34–37.
- Изуткин Д.А. Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // Медицинский альманах. 2018. № 6 (57). С. 34–37.
- Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2010.
- Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2016.
- Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
- Лядова А.В. Социология медицины: грани взаимодействия в XXI в., в поисках новой парадигмы // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 310–335.
- Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 45–64.
- Лядова А.В. Социальное неравенство в отношении здоровья: сущность, источники и особенности проявления в современном обществе: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2020. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/328763148/>
- Маджуга А.Г., Сеницина И.А. Экзистенциально-гуманистический подход к здоровью человека // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. № 10 (5). С. 91–95.

Мазинг Ю.А., Андрюшкевич Т.В. Создание Института, подобного пастеровскому в Париже (к 125-летию Указа императора Александра III) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. № 4. С. 226–254.

Маркузон Ф.Д. Статистика социального страхования. М., 1925.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.

Монтень М. Опыты. Избранные произведения: В 3-х т. М., 1992.

Мур Дж. Природа моральной философии. М., 1999.

Орлова М.М. Социально-психологический контекст изучения соматического здоровья и болезни // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 3. С. 12–18.

Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2 т. Т. 1 / Сост. и авт. предисл. В.П. Шестаков. М., 1981. С. 248–265.

Платон. Диалоги. М., 1986.

Примаков В.Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3 (836). С. 221–238.

Реформа больниц в новой Европе. М., 2002.

Сточник А.М., Затравкин С.Н. Научная революция в медицине XVII в. // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. № 38 (4). С. 163–176.

Туркина В.Г., Вербина О.В. Концепт “здоровье” в философско-культурологической рефлексии // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 4 (24). С. 23–45.

Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

Философия здоровья. М., 2001.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Фромм Э. Здоровое общество. М., 2015.

Фуко М. Археология знания. М., 2004.

Фуко М. Рождение биополитики // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006.

Фуко М. Психическая болезнь и личность / Предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб., 2010.

Фуко М. Рождение клиники. М., 2014.

Хаконова И.Б. Больничные кассы в структуре страхования рабочих по закону Российской империи “Об обеспечении рабочих на случай болезни” // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113).

Хорни К. Невротическая личность нашего времени / Прим А.И. Фета. Нью-чёрпинг, 2016.

Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 41–75.

Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. Саратов. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524.

Чистяков И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9 (2). С. 43–70.

Шерстнева Е.В. Первые пастеровские станции в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 2. С. 56–59.

Шок Н.П., Щеглов А.П. Пифагорейское наследие в медицине // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 13 (1). С. 307–314.

Юдин Б.Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья. М., 2001.

REFERENCES

Allicock M., Sandelowski M., DeVellis B., Campbell M. Variations in meanings of the personal core value “health” // *Patient Education and Counseling*. 2008 Nov. Vol. 73 (2). P. 347–353.

Antologiya mirovoj filosofii [Anthology of world philosophy]. T. 1. Ch. 1. M., 1969 (in Russian).

Antonov A.I. Problemy izucheniya samosohranitel'nogo povedeniya nasele-niya v demografii [Problems of studying the self-preserving behavior of the population in demography] // *Demograficheskoe povedenie i vozmozhnosti social'nogo vozdejstviya na nego v usloviyah socializma*. M., 1986 (in Russian).

Antonov A.I. Mikrosociologiya sem'i [Microsociology of the family]. M., 2018 (in Russian).

Antonovsky A. Social class, life expectancy and overall mortality // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1967. Vol. 45. N 2. Part 1. P. 31–73.

Bart R. Semiotika mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Semiotics of fashion. Articles on the semiotics of culture]. M., 2003 (in Russian).

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. L., 1984.

Burd'e P. Struktura, gabbitus, praktika [Structure, habitus, practice] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 1998. T. I. Vyp. 2 (in Russian).

Chikalova I.R. U istokov social'noj politiki gosudarstv Zapadnoj Evropy [At the origins of the social policy of the states of Western Europe] // *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. Saratov. 2006. T. 4. N 4. S. 501–524 (in Russian).

Chistyakov I. Strahovanie rabochih v Rossii. Opyt istorii strahovaniya rabochih, v svyazi s nekotoryimi drugimi merami ih obespecheniya [Insurance of workers in Russia. Experience of the history of workers' insurance, in connection with some other measures of their provision]. M., 1912 (in Russian).

Cockerham W.C. Health lifestyle theory // *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory*. Westport, 2017.

Cockerham W.C., Ritchey F.J. Dictionary of medical sociology. Westport, 1997.

Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. Stockholm, 1991.

Dekart R. Sochineniya [Works]: V 2 t. T. 1. M., 1989 (in Russian).

Donkin A., Goldblatt P., Allen J. Global action on social determinants of health // *British Medical Journal*. 2017. N 3.

Dyurkgejm E. Samoubijstvo. Sociologicheskij etyud [Suicide. Sociological study]. M., 1994 (in Russian).

Fein R. On achieving access and equity in health care // Medical Cure and Medical Care: Prospects for the Organization and Financing of Personal Health Care Services // Proceedings of the Sun Valley Forum on National Health. 1972. N 1. P. 157–190.

Filosofiya zdorov'ya [Philosophy of health]. M., 2001 (in Russian).

Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. M., 1990 (in Russian).

Fromm E. Zdorovoe obshchestvo [Healthy society]. M., 2015 (in Russian).

Fuko M. Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. M., 2004 (in Russian).

Fuko M. Rozhdenie biopolitiki [The Birth of Biopolitics] // *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. M., 2006 (in Russian).

Fuko M. Psihicheskaya bolezni i lichnost' [Mental illness and personality] / Pre-disl. i komment. O.A. Vlasovoj. SPb., 2010 (in Russian).

Fuko M. Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. M., 2014 (in Russian).

Gajdar E. Bogatye i bednye. Istoriya pensij [Rich and poor. History of pensions] // *Vestnik Evropy*. 2003. N 10 (in Russian).

Galen Klavdij. O naznachenii chastej chelovecheskogo tela [On the appointment of parts of the human body]. M., 1971 (in Russian).

Gippokrat. O zdorovom obraze zhizni. Etika i obshchaya medicina [About a healthy lifestyle. Ethics and general medicine]. SPb., 2001 (in Russian).

Gostomzyk J.G., Mittelstaedt G. Salomon Neumann (1819–1908) und das Recht auf Gesundheit // *Gesundheitswesen*. 2016. N 78 (12). P. 804–807.

Gurevich A. Ya. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmol'stvuyushchego bol'shinstva [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. M., 1990 (in Russian).

Hakonova I.B. Bol'nichnye kassy v strukture strahovaniya rabochih po zakonu Rossijskoj imperii "Ob obespechenii rabochih na sluchaj bolezni" [Health insurance funds in the structure of workers' insurance under the law of the Russian Empire "On providing workers in case of illness"] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2013. N 1 (113) (in Russian).

Hobson W. What is social medicine? // *British Medical Journal*. 1949. N 2 (4619). P. 125–130.

Horni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni [Neurotic personality of our time] / Prim A.I. Feta. Nyuchyoping, 2016 (in Russian).

H'yarvard S. Tri formy mediatizirovannoj religii: izmenenie oblika religii v publichnom prostranstve [Three forms of mediatized religion: changing the face of religion in public space] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2020. N 38 (2). S. 41–75 (in Russian).

Izutkin D.A. Izuchenie voprosov zdorov'ya i bolezni v medicine Drevnej Greicii [The study of health and disease in medicine in ancient Greece] // *Medicinskij al'manah*. 2009. N 2. S. 34–37 (in Russian).

Izutkin D.A. Epidemii v epohu Klassicheskogo Srednevekov'ya v Evrope [Epidemics in the era of the Classical Middle Ages in Europe] // *Medicinskij al'manah*. 2018. N 6 (57). S. 34–37 (in Russian).

Lima T.L. Public health and social ideas in modern Brazil // *American Journal of Public Health*. 2007. Vol. 97. N 7. P. 1168–1177.

Lisicyn Yu.P. Obshchestvennoe zdorov'e i zdravooohranenie [Public health and healthcare]. M., 2010 (in Russian).

Lisicyn Yu.P. Istoriya mediciny [History of medicine]. M., 2016 (in Russian).

- Lomonosov M.V.* Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]. M., 1950 (in Russian).
- Lyadova A.V.* Sociologiya mediciny: grani vzaimodejstviya v XXI v., v poiskah novoj paradigmy [Sociology of medicine: facets of interaction in the 21st century, in search of a new paradigm] // *Sovremennaya sociologiya: klyuchevye napravleniya i vektory razvitiya* / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2018. S. 310–335 (in Russian).
- Lyadova A.V.* Osobennosti stanovleniya sociologii mediciny kak mezhdisciplinarnogo nauchnogo napravleniya [Features of the formation of the sociology of medicine as an interdisciplinary scientific direction] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2019. T. 25. N 1. S. 45–64 (in Russian).
- Lyadova A.V.* Social'noe neravenstvo v otnoshenii zdorov'ya: sushchnost', istochniki i osobennosti proyavleniya v sovremennom obshchestve [Social inequality in health: essence, sources and features of manifestation in modern society]: Diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2020. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/328763148/> (in Russian).
- Madzhuga A.G., Sinicina I.A.* Ekzistencial'no-gumanisticheskij podhod k zdorov'yu cheloveka [Existential-humanistic approach to human health] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*. 2013. N 10 (5). S. 91–95 (in Russian).
- Markuzon F.D.* Statistika social'nogo strahovaniya [Social security statistics]. M., 1925 (in Russian).
- Marmot M.G., Smith G.D., Stansfield S., et al.* Health inequalities among British civil servants: the Whitehall II Study // *Lancet*. 1991. N 337. P. 1387–1393.
- Mazing Yu.A., Andryushkevich T.V.* Sozdanie Instituta, podobnogo pasterovskomu v Parizhe (k 125-letiyu Ukaza imperatora Aleksandra III) [Creation of an Institute similar to Pasteur's in Paris (to the 125th anniversary of the Decree of Emperor Alexander III)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Medicina*. 2013. N 4. S. 226–254 (in Russian).
- McKeown T.* The role of medicine: dream, mirage, or nemesis? L., 1976.
- Merlo-Ponti M.* Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of perception]. SPb., 1999 (in Russian).
- Monten' M.* Opyty. Izbrannye proizvedeniya [Experiments. Selected Works]: V 3-h t. M., 1992 (in Russian).
- Mur Dzh.* Priroda moral'noj filosofii [The Nature of Moral Philosophy]. M., 1999 (in Russian).
- Neumann S.* Die Oeffentliche Gesundheitspflege und das Eigenthum. Berlin, 1847.
- Orlova M.M.* Social'no-psihologicheskij kontekst izucheniya somaticheskogo zdorov'ya i bolezni [Socio-psychological context of the study of somatic health and disease] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*. 2012. T. 8. N 3. S. 12–18 (in Russian).
- Parsons T.* The social system. N.Y., 1951.
- Piko della Mirandola Dzh.* Rech' o dostoinstve cheloveka [Speech about the dignity of man] // *Estetika Renessansa: Antologiya*. V 2 t. T. 1 / Sost. i avt. predisl. V.P. Shestakov. M., 1981. S. 248–265.
- Platon.* Dialogi [Dialogues]. M., 1986 (in Russian).
- Poverty and health: a sociological analysis / Ed. by J. Kosa, A. Antonovsky, I. Zola. Harvard, 1969.
- Primakov V.L.* Mediatizaciya kak teoreticheskij concept [Mediatization as a theoretical concept] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. 2019. N 3 (836). S. 221–238 (in Russian).

- Ramazzini B.* De Morbis Artificum Diatriba (Diseases of Workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.
- Reforma bol'nits v novoy Evrope [Hospital reform in the new Europe]. M., 2002 (in Russian).
- Salkever D.S.* Economic class and differential access to care: comparisons among health care systems // International Journal of Health Services. 1975. № 5 (3). P. 373–395.
- Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed. by M. Zanna. N.Y., 1992. Vol. 25. P. 1–65.
- Sherstneva E.V.* Pervye pastеровские станции в России [The first Pasteur stations in Russia] // Problemy social'noy gigieny, zdravooohraneniya i istorii mediciny. 2012. N 2. S. 56–59 (in Russian).
- Shok N.P., Shcheglov A.P.* Пифагорейское наследие в медицине [Pythagorean heritage in medicine] // Scholae. Filosofskoe antikedvenie i klassicheskaya tradiciya. 2019. N 13 (1). S. 307–314 (in Russian).
- Shvarc S.H., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S.* Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh cennostey: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia] // Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2012. N 9 (2). S. 43–70 (in Russian).
- Sigaud J.F.X.* Du climat et des maladies du Bresilou statistique medicale de cet empire. P., 1844.
- Solar O., Irwin A.* A conceptual framework for action on the social determinants of health. Geneva, 2007.
- Stochinik A.M., Zatravkin S.N.* Nauchnaya revolyuciya v medicine XVII v. [Scientific revolution in medicine in the 17th century] // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. N 38 (4). S. 163–176 (in Russian).
- Szasz T.* The right to health // Georgetown Law Journal. 1969. March. N 57. P. 734–751.
- Tamano O., Tleko L.* The Sanitary Movement in Brazil: the vision of illness as a “national harm” and health as a redeemer // Khronos. 2017. N 4. P. 102–115.
- Turkina V.G., Verbina O.V.* Koncept “zdorov'e” v filosofsko-kul'turologicheskoy refleksii [The concept of “health” in philosophical and cultural reflection] // Nauka. Iskustvo. Kul'tura. 2019. N 4 (24). S. 23–45 (in Russian).
- Ustav Vsemirnoj Organizatsii Zdravooohraneniya [Constitution of the World Health Organization]. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (data obrashcheniya: 20.07.2022) (in Russian).
- Van Hajyan'.* Filosofiya daosizma i kitajskaya tradicionnaya medicina [Philosophy of Taoism and Chinese Traditional Medicine] // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2019. N 1 (41). S. 126–132 (in Russian).
- Vasil'eva O.S., Filatov F.R.* Psihologiya zdorov'ya cheloveka: etalony, predstavleniya, ustanovki [Psychology of human health: standards, ideas, attitudes]. M., 2001 (in Russian).
- Virchow R.* Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie. Berlin, 1848.
- Yudin B.G.* Zdorov'e cheloveka kak problema gumanitarnogo znaniya [Human health as a problem of humanitarian knowledge] // Filosofiya zdorov'ya. M., 2001 (in Russian).
- Zhmurkin V.P., Chalova V.V.* Formirovaniye nauchnoj anatomii v Evrope XVII veka (k 375-letiyu Nikolaya Stenona, 1638–1686) [Formation of scientific anatomy

in Europe of the 17th century (to the 375th anniversary of Nikolai Stenon, 1638–1686)] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2014. N 1. S. 47–52 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Samosohranitel'noe povedeniya podrostkov i zabolevaniya, peredayushchiesya polovym putem [Self-preserving behavior of adolescents and sexually transmitted diseases] // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. N 5. S. 66–74 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva [Attitude to the health of the individual and society]. M., 2006 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-180-201

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.В. Карпунина, канд. социол. наук, доц. факультета социальной работы Российского государственного социального университета, Лосиноостровская ул., д. 24, г. Москва, Российская Федерация, 107150*

Статья посвящена изучению возможностей социологического исследования пересечения ситуации детской инвалидности и семейного неблагополучия. Автор анализирует растущие показатели детской инвалидности в России: количество детей-инвалидов, распределение по полу и возрасту, нозология, уровень инвалидизации в субъектах РФ, а также показатели инклюзии (посещение образовательных организаций, досуговых мероприятий). Оценка масштабов семейного неблагополучия проводится на основе методики деприваций Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (уровень дохода, жилищно-бытовые условия, педагогическая и социальная компетентность родителей, потребление образовательных, медицинских, социальных услуг, психологический климат в семье). Автор приходит к выводу, что теоретическое изучение положения ребенка-инвалида в неблагополучной семье может вестись в рамках структурно-функциональной теории, структуралистских теорий, теории социальных конфликтов, символического интеракционизма, социального конструктивизма, феноменологии и этнометодологии, бихевиоризма, неофрейдизма, и др., что дает широкие возможности для построения теоретической модели взаимовлияния семейного неблагополучия и детской инвалидности. В статье также приведены результаты вторичного анализа данных исследования общественного мнения о детской инвалидности, полученных методом анкетных опросов (N=1618, N=1171) и глубинного интервью (N=16). Автор приводит результаты собственных эмпирических исследований: анкетный опрос специалистов, работающих с семьями детей-инвалидов (N=101, респонденты — сотрудники образовательных, медицинских, социальных организаций) и интервью социальных работников (N=9, респонденты — сотрудники организаций социального обслуживания). На основе анализа собранных данных о ситуации внутри семьи автор выводит модальные характеристики неблагополучной семьи и положения ребенка-инвалида в ней. Важным фактором социальной эксклюзии автор называет замкнутость семьи, ее закрытость и препятствование интервенциям со стороны социозащитных институтов.

Ключевые слова: детская инвалидность, ребенок-инвалид, семейное неблагополучие, дисфункциональная семья, двойная стигматизация.

* Карпунина Анастасия Владимировна, karpunina.msu@mail.ru

THE SITUATION OF DISABLED CHILDREN IN FAMILIES AT RISK: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Karpunina Anastasia V., Candidate of Sociology, Faculty of Social Work, Russian State Social University, Losinoostrovskaya st., 24, Moscow, Russian Federation, e-mail: karpunina.msu@mail.ru

The article is devoted to the study of the possibilities of a sociological research of the situation of child disability and family at risk. The author analyzes the growing indicators of child disability in Russia: the number of children with disabilities, distribution by sex and age, nosology, the level of disability in the regions of the Russian Federation, as well as indicators of inclusion (visiting educational organizations, leisure activities). The assessment of the indicators representing satiation of families at risk is carried out on the basis of the deprivation methodology of the Institute of Socio-Economic Problems of the Population of the Russian Academy of Sciences (income level, living conditions, pedagogical and social competence of parents, consumption of educational, medical, social services, psychological climate in the family). The author comes to the conclusion that a theoretical study of the position of a disabled child in a family at risk can be carried out within the framework of the structural-functional theory, structuralism theories, theory of social conflicts, symbolic interactionism, social constructivism, phenomenology and ethnomethodology, behaviorism, neo-Freudianism, etc., which provides wide opportunities for building a theoretical model of the mutual influence of family dysfunction and child disability. The article also presents the results of a secondary analysis of data from a public opinion survey on child disability obtained by questionnaire survey (N=1618) and in-depth interviews (N=16). The author presents the results of his own empirical research: a questionnaire survey of specialists working with families of disabled children (N=101, respondents are employees of educational, medical, social organizations) and interviews of social workers (N=9, respondents are employees of social service organizations). Based on the analysis of the collected data on the situation within the family, the author derives the modal characteristics of a family at risk and the position of a disabled child in it. As important factor of social exclusion, the author calls the isolation of the family, its closeness and obstruction of interventions by social protection institutions.

Key words: child disability, disabled child, family at risk, dysfunctional family, double stigmatization.

Положение детей-инвалидов в современном российском обществе

Согласно Всемирному докладу об инвалидности, примерно 1 миллиард человек, или 15% населения мира, имеют инвалидность. Среди них самой уязвимой группой являются дети с инвалидностью¹.

Дети с инвалидностью — это дети до 18 лет, имеющие длительные физические, психические, интеллектуальные или сенсорные

¹ Инвалидность и здоровье // Информационные бюллетени ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения: 20.08.2022).

нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами могут препятствовать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. ВОЗ сообщает, что около 93 миллионов детей живут с умеренными или тяжелыми формами инвалидности².

В Российской Федерации число детей-инвалидов — 729 тыс. человек (2022 г.), это примерно 2,5% от общего числа несовершеннолетних в РФ. Оно устойчиво растет каждый год (580 тыс. — 2014 г., 651 тыс. — 2018 г.). Среди детей-инвалидов 421 тыс. (57,7%) мальчиков, 308 тыс. (42,3%) девочек, 208 тыс. (28,5%) детей в возрасте 0–7 лет, 521 тыс. (71,5%) детей — 8–17 лет³.

Основными причинами первичной инвалидности являются психические и поведенческие расстройства (22 тыс. детей), болезни нервной системы (13 тыс.), врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные аномалии (10 тыс.)⁴.

Доля детей-инвалидов среди общей численности детей неодинакова в разных регионах. Наиболее высокая она в Северо-Кавказском (5,6%) и Дальневосточном (2,99%) федеральных округах, низкая — в Приволжском (2%) и Сибирском (1,98%). Из данных Федерального регистра инвалидов были выбраны регионы с наибольшим и наименьшим уровнем детской инвалидизации (см. табл. 1).

Распределение регионов по детской инвалидизации представляет большой интерес для отдельного анализа, поскольку в первую и последнюю десятку вошли субъекты с очень разными характеристиками по географическому положению, доходам населения, развитию медицины, рождаемости, разводимости, культурным особенностям, в т.ч. распространению религии. Первые строчки рейтинга в течение многих лет занимают Чечня и Ингушетия — в них доля детской инвалидности выше, чем средняя доля взрослых инвалидов в населении. Позиции Чечни и Ингушетии в рейтинге не раз были предметом обсуждений в СМИ и социальных сетях⁵. Однако остальные

² Ст. 1 Конвенции о правах инвалидов ООН. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // Конвенции и соглашения ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 20.08.2022).

³ Общая численность инвалидов по группам инвалидности // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴ Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по причинам, обусловившим возникновение инвалидности // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵ Настоящие или липовые? Почему в Чечне каждый шестой — инвалид // Аргументы и Факты. № 32. АиФ-СК. 2019.07.08. URL: https://stav.aif.ru/society/health-care/nastoyashchie_ili_lipovye_pochemu_v_chechne_kazhdyy_shestoy_-_invalid (дата обращения: 20.08.2022).

Таблица 1
Субъекты РФ с максимальной и минимальной долей детей-инвалидов⁶

	Субъект РФ	Всего, человек	Уровень инвалидизации, %
1	Чеченская Республика	65 427	12,14
2	Республика Ингушетия	15 226	9,71
3	Республика Дагестан	43 116	4,86
4	Карачаево-Черкесская Республика	3 933	3,68
5	Томская область	7 257	3,21
6	Курская область	5 956	2,87
7	Краснодарский край	30 136	2,61
8	Республика Саха (Якутия)	6 855	2,59
9	город Санкт-Петербург	22 794	2,54
10	Псковская область	2 927	2,51
	РФ	728988	2,43
76	Республика Мордовия	2 462	1,81
77	Костромская область	2 357	1,81
78	Ярославская область	4 296	1,79
79	Магаданская область	539	1,79
80	Приморский край	6 521	1,74
81	Пермский край	10 019	1,71
82	Ханты-Мансийский автономный округ	7 118	1,69
83	Саратовская область	7 583	1,66
84	Республика Северная Осетия-Алания	1 619	0,99
85	Ленинградская область	2 294	0,75

позиции субъектов РФ требуют применения методик многомерного анализа с целью выявления связей между экономическими, социальными, культурными, правовыми, экологическими, историческими особенностями и динамики детской инвалидности.

⁶ Численность детей-инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ на 01.01.2022 // ФГИС “Федеральный реестр инвалидов”. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-polu> (дата обращения: 20.08.2022).

Вне зависимости от региона положение детей с инвалидностью имеет признаки социальной изолированности. В данных Росстата⁷ мы можем найти некоторые индикаторы этого:

1) доля детей-инвалидов в детских садах составляет 1,1%. Он увеличился с 0,7% (с 2008 г.), но если мы знаем, что 2,5% детей имеют инвалидность, то это означает, что почти половина детей с инвалидностью не посещают детские сады;

2) только 72,2% детей с ОВЗ посещают школу, 18% — учатся дома, 9,8% — не учатся, и большинство из них - из семей с 3 и более детьми;

3) 40,4% родителей не намерены продолжать образование своих детей-инвалидов после школы. Только 8,6% родителей хотят, чтобы их ребенок-инвалид получил высшее образование;

4) 45,8% детей с инвалидностью до 8 лет ни разу не посещали культурно-развлекательные мероприятия.

Эти данные говорят о высоком уровне исключенности детей с инвалидностью. Возникает вопрос о ее причинах, возможно ли, что семья сама препятствует включению ребенка в социальные практики? Какую роль играет семейное неблагополучие в формировании социальной эксклюзии детей с инвалидностью, есть ли связь между этими двумя социальными конструкциями и каковы возможности социологии в научном изучении ситуации сочетания двух форм социальных ограничений?

Масштабы семейного неблагополучия

Оценка масштабов семейного неблагополучия всегда вызывает споры в силу разных подходов к его пониманию.

Первый подход включает анализ экономических критериев, охватывающих жизнь семей с детьми и без них.

В монографии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН⁸ авторы указывают на риски для семей с детьми: недружественная среда складывается за счет низкого уровня материальной обеспеченности, высокой платы за качественное образование и здравоохранение, дискриминация работодателями женщин с детьми⁹. К факторам, влияющим на семейное неблагополучие, они относят риск бедности для семей с детьми, который

⁷ Детская инвалидность // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 20.08.2022).

⁸ Народонаселение современной России: риски и возможности / Отв. ред. проф. В.В. Локосов. М., 2013. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2013_narodonaselenie_sovremennoy_rossii_riski_i_vozmozhnosti.pdf (дата обращения 20.08.2022).

⁹ Там же. С. 123.

еще более высок для многодетных и неполных семей, а также семей с детьми до 7 лет.

К немонетарным критериям относят недоступность различных услуг, товаров, продуктов (например, образования, туристических поездок или белковой пищи). Авторы указывают, что семьи с детьми в первую очередь не могут себе позволить путешествия в периоды отпусков. Такая система оценки предложена П. Таунсендом: метод деприваций включает оценку того, что сам респондент считает для себя недоступным¹⁰.

Авторы указывают, что при оценке бедности необходимо применять комбинированный подход, включающий монетарные и немонетарные факторы (недостаток дохода, депривация и острая нехватка средств). В их исследовании, основанных на анализе данных Российского долгосрочного мониторингового исследования, проводимого с 1994 г., охватывающего ежегодно 4000 домохозяйств, 7,8% семей с детьми являются бедными по всем трем критериям и еще порядка 18% — по двум из трех критериев¹¹.

Второй подход включает оценку демографических факторов: разводимость, доля неполных семей, безответственное родительство (например, невыплата алиментов, неучастие в жизни детей после развода). Ссылаясь на данные сравнительного российско-французского исследования, они пишут: "...среди детей, не достигших года, с обоими родными родителями не живут 13% детей и 8% живут только с родной матерью; к возрасту 13 лет с обоими родными родителями не живет треть всех детей, и 15% живут только с родной матерью"¹².

Еще один фактор — семейные конфликты. Авторы предлагают индекс напряженности семейных отношений. Согласно их выводам, 41% семей с детьми имеют внутрисемейные разногласия. Однако к семьям группы риска они относят только тех, у кого индексные значения попали в верхние децили (значения индекса рассчитываются от 1 до 100). Исходя из количества семей, попавших в верхние децили, авторы указывают, что к семьям группы риска по конфликтности относятся 8,2%. Также высокий риск и у семей 7–8 децилей, а это еще 8%.

Авторы выделяют 6 видов деприваций, по которым можно классифицировать семейное неблагополучие: низкий доход, плохие жилищно-бытовые условия, педагогическая и социальная дезадап-

¹⁰ Народонаселение современной России...

¹¹ Там же. 127.

¹² Breton D., Popova D., Prioux F. La séparation des parents en France et en Russie: situation et évolution des risques du point de vue des enfants // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. 2009. N 40 (3–4). P. 37–62.

тация родителей, отказ от образовательных, медицинских, социальных услуг, конфликтность семьи¹³. Таким образом, 28% семей могут быть отнесены к депривированным, из них 5,4% — к семьям группы риска. Если в России насчитывается 55 млн домохозяйств, то около 3 млн семей находятся в зоне риска.

Сколько из 729 тыс. детей с инвалидностью проживает в семьях группы риска, посчитать еще сложнее. Однако можно предположить, что негативное влияние семьи может усиливаться и должно быть наиболее тяжелым для ребенка с инвалидностью.

Таким образом, положение ребенка-инвалида в неблагополучной семье как объект социологического изучения может быть рассмотрено в рамках разных направлений: исследований детской инвалидности и семейного неблагополучия. Встречаются попытки выделения первого направления в отдельную отрасль социологии¹⁴. Например, PhD., д.с.н., профессор Института философии и социологии Болгарской академии наук Б.С. Ивков приводит аргументы существования социологии инвалидности как самостоятельного направления, отличного от социологии медицины или здравоохранения¹⁵.

Фамилистические исследования давно получили научное признание и развитие в России¹⁶. Но в данном случае ситуация ребенка с инвалидностью в неблагополучной семье будет рассмотрена в рамках социологических парадигм и теорий как единый социальный объект.

Социологическое изучение детской инвалидности в контексте семейного неблагополучия: обзор парадигм и теорий

С точки зрения *парадигмы социальных фактов* в семейную ситуацию ребенка-инвалида вовлечены разные социальные структуры и институты.

Теория структурного функционализма предполагает, что неблагополучная семья с ребенком инвалидом является частью со-

¹³ Народнонаселение современной России: риски и возможности. С. 129.

¹⁴ Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.

¹⁵ Янева-Балабанска И. Социология инвалидности как научное направление // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 1(19); Ивков Б.С. Социология инвалидности: монография. М., 2019.

¹⁶ Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43.

циетальной системы, при этом часть ее функций нарушена. Все функции семьи взаимосвязаны, выполнение одних из них влияет на особенности реализации других. Семьи, которые не могут реализовать ни одной функции, имеют дисфункциональность, которая может быть полной или частичной. За счет игнорирования целого ряда общественных норм и ценностей, семья нарушает социальный порядок и стабильность общества.

В функционализме Т. Парсонса человек с инвалидностью — социальный субъект, который не может выполнять свои функции¹⁷. В ситуации ребенка с инвалидностью есть противоречие: он не может выполнять функции, но имеет ли он обязанности по их выполнению? Речь может идти о его участии в общественной жизни через обучение, ответственность за которое несут его родители. С точки зрения этого подхода ребенок может быть освобожден от обучения, так как у него есть нарушение здоровья. Но при этом он должен быть в фокусе внимания медицинских и социальных служб.

В функционализме Р. Мертона и ребенок, и семья могут быть рассмотрены как социальные субъекты, выбирающие цели и приемлемые способы их достижения. Семья может следовать модели мятежа или ретритизма, а само увеличение количества неблагополучных семей является проявлением социальной аномии. Внутри этой модели находится ребенок, который также может стремиться избегать взаимодействия с другими детьми или наоборот стремиться вырваться из семейного круга¹⁸.

Через структуралистские теории предметное поле социологического исследования ситуации ребенка-инвалида в неблагополучной семье определяется структурой и системой отношений, организующих исследуемый объект. Ребенок приобретает диспозиции, которые структурируют его восприятия, мысли и действия, определяют его поведение.

Габитус в теории П. Бурдьё может описывать семейное неблагополучие как результат социального воспроизводства, т.е. передача устойчивых схем восприятия и мышления репродуцирует формы неблагополучия, например, девиации, иждивенческий образ жизни, и пр. Генетический структурализм определяет изначальную склонность выходцев из неблагополучных семей к воспроизводству социальных практик, с которыми они сталкивались в детстве¹⁹.

¹⁷ *Parsons T. The social system. L., 1951.*

¹⁸ *Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.*

¹⁹ *Бурдьё П. Структура, габитус, практика // “Практическое чувство” (Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1979) // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2.*

Теория социальных конфликтов предполагает, что неблагополучная семья имеет интересы, не совпадающие с общественными. Находясь в конфликте с обществом, неблагополучная семья имеет и внутренний конфликт. С точки зрения теории Л. Козера, конфликт, связанный с семейным неблагополучием, ведет к появлению новой формы социальных институтов — социозащитных, включающих различных агентов социальной помощи²⁰.

С точки зрения парадигмы социальных дефиниций социальные действия неблагополучной семьи с ребенком-инвалидом определяются их пониманием социальной реальности.

В символическом интеракционизме Беккера и Гоффмана уделяется внимание стигматизации людей с инвалидностью и неблагополучных семей. В этом отношении ситуация ребенка-инвалида в неблагополучной семье может быть обозначена как двойная стигматизация, при этом под стигматизацией понимается социальное ограничение, ведущее к неспособности вести полноценную социальную жизнь²¹.

В социальном конструктивизме большое значение уделяется взаимовлиянию внешней и внутренней среды семьи. При этом отношение к неблагополучию и инвалидности находится внутри сознания людей, а с помощью управления впечатлениями можно создать позитивный образ, способствующий инклюзии.

Феноменологическое изучение позволяет анализировать особый мир неблагополучной семьи, которая конструирует собственную реальность с особыми целями, ценностями, убеждениями.

Этнометодология также показывает особый мир взаимодействия неблагополучной семьи, основанный на своих убеждениях, нормах и требованиях рациональности. Социальное поле неблагополучия имеет собственные обыденные нормы, правила поведения, языковые смыслы в рамках повседневного социального взаимодействия.

В рамках парадигмы социального поведения функционирование семьи является ее ответом на воздействие общества, которое демонстрирует свое отношение к желаемому поведению. Социальные субъекты также выражают и негативное отношение, желание наказать семью за не соответствующее поведение.

Здесь также может быть изучен метод положительных подкреплений Б.Ф. Скиннера²²: возможно ли научиться “программиро-

²⁰ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

²¹ Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y., 1963.

²² Скиннер Б. Оперантное поведение // История зарубежной психологии: Тексты. М., 2006.

вать” поведение родителей для реализации ими своих функций и кто должен быть заказчиком такого программирования, государство в лице его социальных институтов или сама семья.

Парадигма психологического детерминизма хорошо раскрывает суть семейного неблагополучия: оно передается от родителей, является проявлением бессознательных структур личности, направляя членов семьи на удовлетворение инстинктов. В семейном неблагополучии проявляется извечная конфронтация между индивидом и обществом. Родители через уклонение от исполнения родительских обязанностей, отказ от работы, различные девиации, семейное насилие, демонстрируют открытый протест против общественных норм и ценностей.

Неофрейдизм также подчеркивает влияние социокультурных условий на мотивы и действия людей. Ситуация ребенка-инвалида в неблагополучной семье может привести к сверхкомпенсации как реакции на чувство неполноценности, усиленной ситуацией неблагополучия.

В парадигме социально-исторического детерминизма предполагается, что отношение к инвалидности и неблагополучию формируется обществом и существуют объективно, вне зависимости от воли и сознания людей. Каждый человек является частью материально-исторического развития, и с этой точки зрения неблагополучные семьи исторически являются изгоями в этих отношениях, как и люди с инвалидностью.

Таким образом, мультипарадигмальность социологического изучения обеспечивает комплексность анализа ситуации, возможности взглянуть на нее с разных углов, обеспечивая глубину теоретической реконструкции.

Влияние семейного неблагополучия на ребенка с инвалидностью

Неблагополучная семья несет в себе негативные последствия для детей и их будущего. Исследований этих последствий не так много, например, работы, связанные с изучением последствий злоупотребления алкоголем, в основном это исследования в сфере социальной работы, социальной психологии и педагогики²³.

²³ Корнилов А.А., Селедцов А.М., Максименко А.В., Летунова В.С., Крысюк М.В., Новосельцев А.Л. Алкоголизм родителей и умственная отсталость их детей // *МиД*. 2005. № 1; Гуляева Л.В. Роль социального статуса семьи в формировании конкуренто-ориентированности и конкуренто-способности старшеклассников (на примере Тюменской области) // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 3. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-3-158-172.

Социологически инвалидность рассмотрена в работах Е.Р. Ярской-Смирновой²⁴, Л.А. Торлоповой²⁵, М.В. Мироновой²⁶. Авторы приходят к выводу, что если семья не может взять на себя все функции, то ей на помощь должны прийти государственные институты. Ребенок с инвалидностью в неблагополучной семье имеет еще больше социальных ограничений в силу его зависимости от взрослых. Это сильно снижает шансы ребенка на продвижение в обществе через социальные лифты образования, карьеры, взаимодействия с другими людьми. Снижение капитала семьи (финансового, социального, культурного и пр.) негативно влияет на жизненный путь ребенка.

Интересно исследование Дж. Мерсер, которая показала, что в случае психических нарушений низкостатусные семьи более лояльны к своему ребенку и обеспечивают его будущее²⁷.

По данным ООН, факторами изоляции детей с инвалидностью являются: бедность; теснота и антисанитария жилья; неграмотные родители, которые не знают об инвалидности и социальных, медицинских услугах и образовании²⁸.

Семейное неблагополучие является основным препятствием для инклюзивного образования. По оценкам ЮНЕСКО, более 90% детей с ограниченными возможностями в странах с низким уровнем дохода не посещают школу. Грамотность среди взрослых с инвалидностью составляет всего 3%, а среди женщин с инвалидностью в некоторых странах не превышает 1%²⁹.

Ситуацию может усугублять и негативное отношение общества к детям-инвалидам. Были взяты данные из двух исследований, проведенных Фондом поддержки детей в трудной жизненной ситуации, в 2010 и 2017 гг. (методы: анкетный опрос, N=1618, респонденты — граждане РФ старше 18 лет из 33 регионов РФ; анкетный опрос, N=1171, респонденты — родители детей-инвалидов из 39 крупных

²⁴ Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4.

²⁵ Торлопова Л.А. Онтологическая сборка инвалидности в практиках медико-социальной экспертизы // Социология власти. 2017. № 3.

²⁶ Миронова М.В. Влияние семьи на жизненный путь ребенка-инвалида: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Екатеринбург, 2009.

²⁷ Mercer J. Labelling the mentally retarded // Social Problems. 1965. Vol. 13. N I. P. 21–34.

²⁸ Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (дата обращения: 20.08.2022).

²⁹ Community-based rehabilitation: CBR guidelines — 2010 // World health organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052> (accessed: 20.08.2022).

городов РФ; интервью (N=9, информанты — родители детей с инвалидностью, дети-инвалиды, эксперты)³⁰.

Полученные в ходе этих исследований данные говорят о том, что отношение россиян к детям с инвалидностью существенно улучшилось: общество стало более толерантно, а доброжелательное отношение к инвалидам — социальной нормой. Растет доля тех, кто считает, что дети-инвалиды должны воспитываться в семьях.

В то же время респонденты уверены, что ребенок-инвалид и его семья должны получать помощь именно от государства, считая ее объем недостаточным. Респонденты уверены, что российское общество еще не инклюзивно, а образовательные учреждения просто не готовы к инклюзивному обучению в смешанных классах.

Возможно поэтому растет доля тех, кто оказывает помощь детям-инвалидам и намерены продолжать это делать в будущем. Большая роль также отводится благотворительным фондам.

Анализ профессиональных дискурсов

Оценить положение ребенка-инвалида в неблагополучной семье достаточно тяжело с помощью анализа статистических данных. Для этих целей подходит сбор информации от тех людей, которые находятся максимально близко к семейной ситуации — врачи, педагоги, социальные работники. Был опрошен 101 человек, все — сотрудники социальных организаций, работающих с детьми-инвалидами и их семьями. Признаком отнесения к выборочной совокупности являлся опыт работы с семьями, имеющими детей-инвалидов. Сбор данных осуществлялся с помощью сервиса GoogleForms. Анализ данных проводился с использованием программы социологического анализа Vortex10.

Среди респондентов 18,6% — москвичи, остальные из различных регионов России — Бурятия, Владивосток, Иваново, Московская область, Омск, Орел, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Челябинск. 94,1% составляют женщины. Средний возраст 33,92 года. Средний стаж работы с детьми с инвалидностью и их семьями — 5,3 года. Представлены организации — органы социальной защиты, отделы опеки и попечительства, центры социальной помощи семье и детям, центры социального обслуживания, социально-реабилитационные центры, центры содействия семейному воспитанию, благотворительные фонды, социально ориентированные НКО, дошкольные образовательные учреждения, колледжи, школы, учреждения дополнительного образования, поликлиники, стационары.

³⁰ Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М., 2017.

Респонденты в зависимости от занимаемой должности и профиля организации были поделены на 4 группы: социальные работники (43,1%), педагоги (41,2%), психологи (6,9%), врачи (7,8%).

Первый блок вопросов касался оценки распространенности семейного неблагополучия среди семей с ребенком-инвалидом.

Респондентам был задан вопрос «Пожалуйста, определите примерную долю семей, указанных в предыдущем вопросе (в нем были перечислены депривации, выделенные в исследовании Института социально-экономических проблем народонаселения РАН³¹), среди всех семей с детьми-инвалидами, с которыми Вы сейчас работаете». Среднее значение оценок респондентов — 24,7% семей с ребенком-инвалидом можно назвать неблагополучными семьями, модальное значение — 10%. Самые высокие оценки дали социальные работники (26,14%), низкие — медики (16,6%). Чем больше стаж работы с семьями детей-инвалидов, тем выше значение (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценки доли неблагополучных семей в общем количестве обслуживаемых семей с детьми-инвалидами

Стаж работы с семьями детей-инвалидов, лет	Оценка доли неблагополучных семей, %
	Среднее
0,00=4,99	22,69
5,00=9,99	26,71
10,00=14,99	28,00
15,00=19,99	40,00
20,00=24,99	13,50
25,00=29,99	47,00
35,00=40,00	7,00

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,355, Вероятность ошибки (значимость): 0,001

Самые высокие оценки дают респонденты, имеющие стаж работы 15–20 лет и 25–30 лет.

Среди тех семей с ребенком-инвалидом, которые респондент считает неблагополучными, чаще всего встречаются семьи с недостатком воспитательных ресурсов, конфликтные семьи, семьи с аддиктивным и девиантным поведением.

³¹ Народонаселение современной России: риски и возможности / Отв. ред. проф. В.В. Локосов. М., 2013. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2013_narodonaselenie_sovremennoy_rossii_riski_i_vozmozhnosti.pdf (дата обращения 20.08.2022).

Респондентам было предложено выбрать несколько характеристик неблагополучной семьи с ребенком-инвалидом, которые являются наиболее подходящими большинству семей. Наиболее популярными вариантами отмечены следующие: неполные (67,3%), многодетные (55,4%), живущие на пособие (49,5%) и безработные (35,6%).

У ребенка с инвалидностью в неблагополучной семье чаще всего встречаются расстройства психического профиля (на них указали 74,3% опрошенных) — нарушения интеллектуальной сферы, проблемы с речью, а также нарушения опорно-двигательного аппарата и генетические нарушения.

Основным каналом передачи информации о семье является межведомственное взаимодействие (этот канал отметили 33,3% респондентов). Семьи проявляют активность и самостоятельность — 27,3% респондентов отметили, что семьи сами обращаются за помощью. Реже всего информация поступает от соседей, родственников, знакомых семьи (8%).

48,5% респондентов посещали неблагополучные семьи с ребенком-инвалидом на дому, в среднем — 38 посещений на респондента, ответившего на вопрос. 53,2% отметили, что у ребенка чаще всего нет отдельного места для игр, 45,2% — для занятий, 39,3% — устройств для реабилитации, 42,6% — для выхода в интернет. Таким образом, почти половина неблагополучных семей не задумываются о потребностях ребенка-инвалида в развитии, воспитании, общении.

Только 21,8% респондентов указали, что ребенок получает необходимые реабилитационные услуги в таком же объеме, как в других семьях, а 36,6% указали, что он получает меньше услуг, 27,5% — не получает вообще. Таким образом, респонденты считают, семейное неблагополучие является фактором снижения объема реабилитационных услуг.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов о распространении
детской инвалидности в разных типах семей**

В каких типах семей, на Ваш взгляд, чаще встречается детская инвалидность	% от опрошенных
уровень инвалидизации не зависит от благополучия семьи	78,2
в неблагополучных семьях	8,9
в обычных благополучных семьях	7,9
затрудняюсь ответить	5,0

При этом респонденты считают, что сама семья не является фактором инвалидности (см. табл. 3).

Только 8,9% считают, что детская инвалидность чаще встречается в неблагополучных семьях, а 78,2% указали, что уровень инвалидизации не зависит от благополучия семьи.

Что касается потребности неблагополучной семьи в помощи, то самой востребованной респонденты назвали психологическую (86,1% опрошенных), медицинскую (74,3%), экономическую (материальную) (71,4%), педагогическую (61,4%) помощь. Социальная помощь оказалась лишь на пятом месте (47,5%). Ниже всего респонденты оценили потребности семьи в правовой помощи (26,7%).

54,5% указали, что основными субъектами помощи должны быть социальные организации, 25,7% — медицинские, 12,% — образовательные. 59,4% указали, что необходимо создание отдельных организаций, которые работали бы только с неблагополучными семьями, имеющими в своем составе ребенка с инвалидностью.

42,6% указали, что в таких семьях нет постоянного куратора — социального работника. Так что почти половина детей с инвалидностью не находится в центре внимания социальных служб, они исключены из него. А потребность в таком наблюдении респонденты оценили в 8,26 балла из 10 (мода 10).

В дополнение к анкетному опросу было проведено полуструктуризованное интервью с социальными работниками (N=9). Цель — получить качественные данные о внутренней среде семьи и ее взаимодействии с социальными институтами. Выборка типологическая, критерием отбора является опыт социальной работы с семьями группы риска, имеющими детей-инвалидов. Все информанты работают в организациях социального обслуживания г. Москвы (см. табл. 4).

Интервью проводились в режиме видеоконференцсвязи (ZOOM/Skype) с участием только информанта и интервьюера, “один на один”. Во время интервью велась видеозапись. Время интервью ограничено 60 минутами (средняя продолжительность — 43,7 мин). Анализ полученных данных проводился с использованием программы MaxQDA.

Анализ данных показал, что обычно социальный работник обслуживает от 5 до 25 неблагополучных семей, из которых 1–2 имеют детей-инвалидов. Истоки семейного неблагополучия информанты видят в самой социальной среде, а возможной причиной инвалидности некоторые из них назвали образ жизни матерей во время беременности.

Данные об информантах

	Имя информанта	Возраст, лет	Стаж работы, лет	Образование	Организация	Продолжительность интервью
1	Анастасия А.	40	1	Социальная работа	ЦСПСиД	35
2	Анастасия Б.	21	1	Социальная работа	ЦСПСиД	53
3	Дарья	27	1,5	Социальная работа	ЦСПСиД	45
4	Бибигуль	30	2	Социальная работа	ТЦСО	40
5	Елена	55	10	Бухгалтер, Социальная работа	ТЦСО	35
6	Илона	34	5	Социальная психология, социальная работа	ЦСПСиД	41
7	Яна	24	3,5	Социальная работа	ЦСПСиД	48
8	Андрей	27	6	Социальная педагогика, социальная работа	ЦПСД	52
9	Ксения	24	2,5	Социальная работа	ЦСПСиД	45

Вот как описывает типичную ситуацию такой семьи информант 3:

“Чаще всего это неполная семья, мать и дети, один из них с инвалидностью, сын, инвалидность врожденная. Что-то ментальное или ДЦП. Возможно есть отец, но в свидетельстве о рождении он не прописан, официального брака с матерью у них не было. Часто есть бабушка, которая пытается помогать, она же часто и источник конфликта. Наверное, чаще это малообеспеченная семья, в которой есть зависимости. Чаще всего эта зависимость либо на фоне такой истощенности, слабости родителя, который не справился с большим объемом задач, либо это какая-то изначальная предрасположенность, которая была еще до появления ребенка”.

Социальным работникам предлагалось назвать 3 ассоциации, которые возникают у них в отношении положения ребенка-инвалида в неблагополучной семье. Информанты называли “изоляция”, “зависимость от взрослых”, “неудовлетворенные потребности”.

Также им предлагалось закончить предложения “Ребенок-инвалид в неблагополучной семье, больше (меньше), чем в других семьях”. В первом случае, информанты указывали, что ребенок больше нуждается в помощи, поддержке, требует внимания как со стороны специалистов, так и со стороны семьи. В предложении со словом “меньше” они говорили, что он меньше уверен в себе, имеет меньше возможностей.

Сравнивая положение ребенка-инвалида в благополучных и неблагополучных семьях, информанты отмечают, что неблагополучные семьи более закрытые, ограничивающие коммуникации с внешним миром:

«Ребенок в благополучной семье понимает возможности прогресса, если так можно сказать, прогресса в реабилитации. Ребенок в неблагополучной семье воспринимает свое состояние как константу, потому что может быть не прилагаются усилия к тому, чтобы что-то исправить и нет попыток восстановить что-либо. Ребенок в благополучной семье, у него есть эта любознательность, любопытство, и он ценит собственное состояние, то есть он может сказать “нет, мне не нравится, так не делайте”, потому что его видимо окружают возможностью выбора».

Закрытость семьи поддерживается и отказом от обучения: все информанты указывают, что дети в подопечных семьях не посещают детский сад, а для детей школьного возраста оформлено надомное обучение, которое часто бывает просто формальным. Семьи не посещают досуговые мероприятия из-за отсутствия желания — отказываются даже от бесплатных билетов.

Развивая тему зависимого от взрослых, уязвимого положения ребенка-инвалида, информанты указывают, что семейное неблагополучие является фактором закрытости семьи. В такие семьи трудно попасть из внешнего мира, они отказываются от взаимодействия, не разрешают посещать их квартиры, не хотят, чтобы был анализировали специалисты, так как опасаются наказания, в первую очередь — изъятия ребенка.

Закрытость семьи является главной причиной отказа от реабилитации, так как семья не хочет сообщать о себе лишнюю информацию или боится, что допустит какой-то промах, который попадает во внимание органов опеки или полиции. Еще одной чертой обособленности неблагополучных семей является собственная культура.

Информанты сообщают, что семьи используют особый сленг, выражения, смотрят одни и те же программы по телевидению. Но это не затрудняет общение с семьями. *“Главное не умничать, не говорить длинными словами, но и не стараться сойти за своего: они живут в своем мире, у них там все хорошо. А ты со своей работой с девяти до шести для них чудаковатый чужак. Но они тебя терпят, боятся, мало ли что, да и иногда все-таки от тебя есть польза”*.

Основными формами контактов с семьей являются консультации и беседы. По мнению социальных работников, семье проще оказывать помощь, когда она сама того хочет, что бывает не часто. Целью интервенции они считают сохранение ребенка в семье, несмотря на все сложности ситуации семейного неблагополучия. Само неблагополучие искоренить полностью невозможно, по их мнению, но можно организовать поддержку семье так, чтобы она в максимально возможном объеме выполняла свои функции. Главная роль в этом отводится социальным службам и специалистам по социальной работе.

Выводы

Проведенное исследование показало, что количество детей с инвалидностью в России устойчиво растет. Среди них преобладают мальчики, самая распространенная причина инвалидности — расстройства психической сферы. Уровень детской инвалидизации неодинаков в субъектах РФ и варьируется от 0,75% в Ленинградской области до 12,14% в Чеченской республике. Вне зависимости от региона, положение детей с инвалидностью характеризуется как социальная эксклюзия — низкий уровень посещения образовательных организаций, досуговых мероприятий. В то же время растут показатели, связанные с семейным неблагополучием: почти треть (28%) российских семей можно отнести к депривированным семьям, а 5,4% — к семьям группы риска, в которых сочетается несколько форм деприваций.

Детская инвалидность и семейное неблагополучие могут пересекаться, создавая ситуацию “двойной стигматизации”, когда социальные ограничения, связанные с инвалидностью, усиливаются под влиянием внутренней среды неблагополучной семьи.

Такая сложная с точки зрения социологии гетерогенная ситуация может быть объектом научного изучения в рамках разных парадигм и теорий. Через призму структурно-функциональной теории семейное неблагополучие — это дисфункциональность семьи, ведущая к нарушению социального порядка и стабильности. Но ребенок с инвалидностью, находящийся внутри семьи, ограничен в выпол-

нении своих функций, находясь в зависимости от родителей, в том числе он может не получать медицинскую и социальную помощь.

Неблагополучная семья как социальный субъект отказывается следовать принятым в обществе нормам, не разделяя социально одобряемые цели или отказываясь от принятых методов их достижения. Неблагополучная семья создает свой собственный социальный мир с особыми ценностями, нормами, языковыми особенностями. Ребенок находится в замкнутом пространстве, впитывая в себя семейные практики или, в редких случаях, пытаясь вырваться из них.

Социальное воспроизводство семейного неблагополучия лишает ребенка-инвалида шанса на нормальную социализацию, осознание и принятие общественных норм, лишая его возможностей в будущем. Этот процесс может быть скорректирован за счет интервенции социозащитных институтов. Именно они должны формировать в обществе положительное восприятие людей с ограниченными возможностями.

Опросы специалистов показывают, что неблагополучная семья с ребенком инвалидом чаще всего конфликтна, родители в ней социально и педагогически дезадаптированы, имеют зависимости. Семейное неблагополучие, по мнению опрошенных специалистов, не является следствием воздействия на семью общества и его социальных институтов, а заложено в родителях изначально, т.е. социально воспроизводит само себя. Ребенок-инвалид чаще имеет психическое расстройство, ограничен в коммуникации с внешним миром, в получении образовательных и социальных услуг.

Специалисты считают, что детская инвалидность внутри семейного неблагополучия является сложным профессиональным вызовом, который пока не изучен с научной и методической сторон. Это обуславливает необходимость дальнейшего исследования проблем неблагополучной семьи с ребенком-инвалидом и возможностей оказания ей помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. В строю научной школы фамелизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2.

Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (дата обращения: 20.08.2022).

Гуляева Л.В. Роль социального статуса семьи в формировании конкуренто-ориентированности и конкуренто-способности старшеклассников (на примере Тюменской области) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-3-158-172.

Детская инвалидность // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 20.08.2022).

Ивков Б.С. Социология инвалидности: монография. М., 2019.

Инвалидность и здоровье // Информационные бюллетени ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения: 20.08.2022).

Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Конвенция о правах инвалидов ООН. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // Конвенции и соглашения ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 20.08.2022).

Корнилов А.А., Селедцов А.М., Максименко А.В., Летунова В.С., Крысюк М.В., Новосельцев А.Л. Алкоголизм родителей и умственная отсталость их детей // МиД. 2005. № 1.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.

Миронова М.В. Влияние семьи на жизненный путь ребенка-инвалида: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Екатеринбург, 2009.

Народонаселение современной России: риски и возможности / Отв. ред. проф. В.В. Локосов. М., 2013. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2013_narodonaselenie_sovremennoy_rossii_riski_i_vozmozhnosti.pdf (дата обращения 20.08.2022).

Настоящие или липовые? Почему в Чечне каждый шестой — инвалид // Аргументы и Факты. № 32. АиФ-СК. 2019.07.08. URL: https://stav.aif.ru/society/healthcare/nastoyashchie_ili_lipovye_pochemu_v_chechne_kazhdyy_shestoy_-_invalid (дата обращения: 20.08.2022).

Общая численность инвалидов по группам инвалидности // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (дата обращения: 20.08.2022).

Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.

Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М., 2017.

Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по причинам, обусловившим возникновение инвалидности // Сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (дата обращения: 20.08.2022).

Скиннер Б. Оперантное поведение // История зарубежной психологии: Тексты. М., 2006.

Торлопова Л.А. Онтологическая сборка инвалидности в практиках медико-социальной экспертизы // Социология власти. 2017. № 3.

Численность детей-инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ на 01.01.2022 // ФГИС “Федеральный реестр инвалидов”. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-polu> (дата обращения: 20.08.2022).

Янева-Балабанска И. Социология инвалидности как научное направление // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 1 (19).

Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4.

REFERENCES

Antonov A.I. V stroju nauchnoj shkoly familizma [In the ranks of the scientific school of familism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25. N 4. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43 (in Russian).

Breton D., Popova D., Prioux F. La séparation des parents en France et en Russie: situation et évolution des risques du point de vue des enfants // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. 2009. N 40 (3–4). P. 37–62.

Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. T.1. Vyp. 2 (in Russian).

Chislennost' detej-invalidov po polu v razreze sub#ektov RF na 01.01.2022 [The number of children with disabilities by gender in the context of the subjects of the Russian Federation as of 01.01.2022] // FGIS "Federal'nyj reestr invalidov". URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-polu> (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Community-based rehabilitation: CBR guidelines — 2010 // World health organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052> (accessed: 20.08.2022).

Detskaja invalidnost' [Children's disability] // Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y., 1963.

Guljaeva L.V. Rol' social'nogo statusa sem'i v formirovanii konkurento-orientirovannosti i konkurento-sposobnosti starsheklassnikov (na primere Tjumenskoj oblasti) [The role of the social status of the family in the formation of competitive orientation and competitiveness of high school students (on the example of the Tyumen region)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25. N 3. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-3-158-172 (in Russian).

Invalidnost' i zdorov'e [Disability and Health] // Informacionnye bjulleteni VOZ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Ivkov B.S. Sociologija invalidnosti: monografija [Sociology of disability: monograph]. M., 2019 (in Russian).

Janeva-Balabanska I. Sociologija invalidnosti kak nauchnoe napravlenie [Sociology of disability as a scientific direction] // Medicinskaja antropologija i biojetika. 2020. N 1 (19) (in Russian).

Jarskaja-Smirnova E.R. Social'noe konstruirovanie invalidnosti [Social construction of disability] // Sociologicheskie issledovanija. 1999. N 4 (in Russian).

Konvencija o pravah invalidov OON. Prinjata rezoljuciej 61/106 General'noj Assamblei ot 13 dekabnja 2006 goda [United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by resolution 61/106 of the General Assembly on December 13, 2006] // Konvencii i soglasenija OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Kornilov A.A., Seledcov A.M., Maksimenko A.V., Letunova V.S., Krysjuk M.V., Novosel'cev A.L. Alkogolizm roditel'ej i umstvennaja otstalost' ih detej [Alcoholism of parents and mental retardation of their children] // *MiD*. 2005. N 1 (in Russian).

Kozer L. Funkcii social'nogo konflikta [Functions of social conflict]. M., 2000 (in Russian).

Mercer J. Labelling the mentally retarded // *Social Problems*. 1965. Vol. 13. N 1. P. 21–34.

Merton R. Social'naja struktura i anomija [Social structure and anomie] // *Sociologija prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)*. M., 1966 (in Russian).

Mironova M.V. Vlijanie sem'i na zhiznennyj put' rebenka-invalida [Influence of the family on the life path of a disabled child]: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04. Ekaterinburg, 2009 (in Russian).

Narodonaselenie sovremennoj Rossii: riski i vozmozhnosti [Population of modern Russia: risks and opportunities] / *Otv. red. prof. V.V. Lokosov*. M., 2013. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2013_narodonaselenie_sovremennoj_rossii_riski_i_vozmozhnosti.pdf (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Nastojashhie ili lipovye? Pochemu v Chechne kazhdyj shestoj — invalid [Real or fake? Why every sixth person in Chechnya is disabled] // *Argumenty i Fakty*. N 32. AiF-SK. 2019.07.08. URL: https://stav.aif.ru/society/healthcare/nastoyashchie_ili_lipovye_pochemu_v_chechne_kazhdyy_shestoy_-_invalid (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Obshhaja chislennost' invalidov po gruppam invalidnosti [The total number of disabled people by disability groups] // *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Osipova N.G. Otraselevaja matrica sovremennoj sociologii: krizis divergencii [Sectoral matrix of modern sociology: the crisis of divergence] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2013. N 2 (in Russian).

Otnoshenie obshhestva k detjam s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja i detjam-invalidam [The attitude of society towards children with disabilities and children with disabilities]. M., 2017 (in Russian).

Parsons T. The social system. L., 1951.

Raspredelenie v pervye priznannyh invalidami detej v vozraste do 18 let po prichinam, obuslovivshim vozniknovenie invalidnosti [Distribution of children under the age of 18 recognized as disabled for the first time for the reasons that caused the onset of disability] // *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964#> (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

Skinner B. Operantnoe povedenie [Operant behavior] // *Istorija zarubezhnoj psihologii: Teksty*. M., 2006 (in Russian).

Torlopova L.A. Ontologicheskaja sborka invalidnosti v praktikah mediko-social'noj jekspertizy [Ontological Assembly of Disability in the Practices of Medical and Social Expertise] // *Sociologija vlasti*. 2017. N 3 (in Russian).

Vsemirnaja programma dejstvij v otnoshenii invalidov. Prinjata rezoluciej 37/52 General'noj Assamblei ot 3 dekabnja 1982 goda [World Program of Action for Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly resolution 37/52 of December 3, 1982] // *OON [UN]*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (data obrashhenija: 20.08.2022) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-202-221

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ВЕКТОР ВЫБОРА БУДУЩЕГО: К СТРАТЕГИИ ДОСТАТОЧНОГО РАЗВИТИЯ

П.А. Водопьянов, докт. философских наук, проф. кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, ул. Свердлова, 13а, г. Минск, Республика Беларусь, 220006*

А.Н. Данилов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, пр. Независимости, д. 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220004**

В статье рассмотрен комплекс глобальных проблем современности, представляющих угрозу ближайшему будущему человечества. Отмечается, что конец XX столетия ознаменовался снижением и угасанием экологических протестов, завершился период активной борьбы за оздоровление Планеты. Высшей точкой подъема такого рода протестов можно считать Конференцию ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 г. на уровне глав государств и правительств. Все, что говорилось и принималось на конференции об экологической опасности и сегодня не потеряло своей актуальности, а по отдельным направлениям ситуация существенно обострилась и усугубилась. В особенности это касается промышленного развития, бережного сохранения природных невозобновляемых ресурсов понимания того факта, что восстановительные способности природы не безграничны. В последнее десятилетие вновь возобладала гонка вооружений, образцы новой техники создаются на принципиально новой технологической основе, причем далеко не всегда учитываются экологические издержки. Уже почти четыре десятилетия грозным напоминанием человеческому безрассудству стоит утилизированная Чернобыльская АЭС. В период современных геополитических разборок до предела обострилась борьба за ресурсы, и экологический фактор становится разменной картой, но проблем очищения природной среды для жизни и развития человечество не решает.

Первая четверть XXI в. в мире характеризуется глобальной нестабильностью. Отмечается экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, появление ранее неизвестных болезней, таких как COVID-19, увеличивается пропасть между бедными и богатыми, ощущается недостаток финансовых средств у подавляющего числа людей и др. В этих чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вы-

* Водопьянов Павел Александрович, e-mail: pav1940@bk.ru

** Данилов Александр Николаевич, e-mail: a.danilov@tut.by

зовом со всей очевидностью становится новое видение роли природной среды в жизни человечества.

Предложена стратегия достаточного развития, где намечены пути нового вектора социально-экономической перспективы на основе его согласования с законами эволюции биосферы, раскрыты закономерности сохранения природных экосистем и биосферы в целом, обозначена целесообразность разработки экологобезопасных технологий и утверждения нового гуманизма как необходимого условия достижения безопасного будущего.

Ключевые слова: природная среда, стратегия достаточного развития, будущее человечества, экологический кризис, новый гуманизм.

SPIRITUAL AND MORAL VECTOR OF THE FUTURE CHOICE: TO A STRATEGY FOR SUFFICIENT DEVELOPMENT

Vodop'yanov Pavel A., Corresponding member of National Academy of Sciences of Belarus, Professor of the Department of Philosophy and Law in BSTU, Doctor of Philosophy, Professor, Belarusian State Technological University, Sverdlov str. 13a, Minsk, Republic of Belarus, 220006, e-mail: pav1940@bk.ru

Danilov Aleksandr N., Corresponding member of National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Sociology Department; Belarusian State University, Independence Ave., 4, Minsk, Republic of Belarus, 220004, e-mail: a.danilov@tut.by

The article considers a complex of global problems of modernity that pose a threat to the near future of mankind. It is noted that the end of the twentieth century was marked by the decline and extinction of environmental protests, the period of active struggle for the improvement of the Planet ended. The highest point of such protests can be considered the UN Conference on Environment and Development in Rio de Janeiro (Brazil) in 1992 at the level of heads of state and government. Everything that was said and adopted at the conference about environmental danger has not lost its relevance today, and in some areas the situation has become significantly aggravated and aggravated. This is especially true for industrial development, the careful conservation of natural non-renewable resources, and the understanding of the fact that the restorative abilities of nature are not unlimited. In the last decade, the arms race again prevailed, samples of new equipment are being created on a fundamentally new technological basis, and environmental costs are not always taken into account. The dismantled Chernobyl nuclear power plant has stood as a menacing reminder of human recklessness for almost four decades. In the period of modern geopolitical squabbles, the struggle for resources has escalated to the limit, and the environmental factor becomes a bargaining chip, but humanity does not solve the problems of cleansing the natural environment for life and development.

The first quarter of the XXI century in the world is characterized by global instability. There is exponential population growth, lack of natural resources and living space, environmental pollution, the emergence of previously unknown diseases such as COVID-19, the gap between rich and poor is widening, the vast majority of people

lack financial resources, etc. In these emergency conditions points of growth of a new civilization are crystallizing, where the main challenge is clearly becoming a new vision of the role of the natural environment in the life of mankind.

A strategy of sufficient development is proposed, where the paths of a new vector of social and economic prospects are outlined on the basis of its coordination with the laws of biosphere evolution, the patterns of conservation of natural ecosystems and the biosphere as a whole are revealed, the expediency of developing environmentally friendly technologies and establishing a new humanism as a necessary condition for achieving a secure future is indicated.

Key words: *natural environment, sufficient development strategy, future of mankind, ecological crisis, new humanism.*

Введение

В первой четверти XXI в. продолжилось нарастание нерешенных проблем, новых вызовов и конфликтов. Все это можно обозначить как состояние глобальной нестабильности. Достаточно сказать, что за последние 100 лет численность населения в мире возросла более чем вдвое и достигла 8 млрд человек. При этом, если в развитых странах наблюдается депопуляция населения, то в развивающихся странах впору добиваться принятия действенных мер по сокращению численности населения. В этих сложных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, в которых особое внимание следует уделить переоценке роли природной среды и обозначить основные направления человеческой деятельности для достижения безопасного будущего на основе выстраивания стратегии достаточного развития. “В конце XX в., когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов”¹.

Нравственное измерение безопасного будущего

Угроза наступления экологической катастрофы, обусловленная нарастанием индустриального давления на биосферу, повлекшая резкое изменение климатических условий, сокращение биологического разнообразия, опустошение жизненного пространства, ухудшение качества окружающей среды и многими другими негативными последствиями человеческой деятельности со всей остротой ставит вопрос о выборе дальнейшего пути развития человечества. Их два: либо идти по избранному пути наращивания материального

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, история эволюции. Минск, 2021. С. 484.

богатства, либо избрать новый вектор социально-экономического развития.

Ответом на этот вопрос послужила, принятая в 1992 г. концепция устойчивого развития, в которой изложены основные направления социально-экономического развития мирового сообщества. Однако реализация этих направлений в последующие десятилетия не дала позитивных результатов, на что обращалось внимание на состоявшейся в 2012 г. конференции РИО+20, никакого прогресса в осуществлении конкретных мероприятий в оздоровлении окружающей среды не было достигнуто и, как отмечал Эрнст фон Вайцзеккер РИО+20, равно нулю. И хотя подчеркивал он, 20 лет спустя можно было бы ожидать каких-то конкретных шагов по воплощению в жизнь принятых программ, но эти ожидания провалились в силу экономического духа времени.

Острота современной экологической ситуации наглядное подтверждение того, что реализация основных положений концепции устойчивого развития не получила применения в практической деятельности и потому данная концепция нуждается в обновлении на современном этапе общественного развития. Сугубо потребительский вектор развития, ориентированный на высокие уровни жизни в развитых странах в условиях глобального экологического кризиса, продемонстрировал свою непригодность, и потому порождает необходимость выбора основных направлений дальнейшего развития цивилизации. Это обусловлено и объективными реалиями — демографическим взрывом человеческой популяции, деградацией природной среды во многих регионах мира, недостатком природных ресурсов, появлением новых заболеваний пандемического характера как следствие нарушения законов эволюции биосферы, изменением климатических условий, уничтожением биологического разнообразия и многими другими негативными последствиями человеческой деятельности.

Достижения научно-технического прогресса позволили достичь высоких уровней жизни и вместе с тем привели к тому, что человеческая деятельность вследствие этого привела к разрушению и деградации природы и среды обитания человека. «Новое состояние цивилизации — это крутой поворот в развитии ее ценностного содержания. В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм

культуры и ее носителей”². В этих условиях в зависимости от того, сможет ли человечество справиться с существующими опасностями, зависит его будущее.

Такого рода опасности не имели места в прошлом, хотя недостаток продовольствия и водных ресурсов явился одной из причин гибели многих цивилизаций. К примеру, гибель шумерского царства была обусловлена засолением почв, что привело к недостатку зерновых культур (пшеницы и ячменя). Подобное случилось, по всей вероятности, и с цивилизацией майя. И в настоящее время эрозия почв приводит к истощению плодородия земель до 30% посевных площадей. Такие негативные явления как лесные пожары, эрозия почв, истощение водоносных пластов, наступление пустынь, засуха, таяние ледников, ирригация и многое другое представляют опасность для современной цивилизации.

Стремление человека освободится от зависимости от природы, которое стало возможным благодаря достижениям научно-технического прогресса, игнорирование законов эволюции биосферы, обусловили высокие уровни жизни в странах Запада. Вместе с тем, это обстоятельство неизбежно сказалось на ухудшении качества окружающей среды. Сугубо потребительский вектор социально-экономического развития со всей остротой выдвигают вопрос о перспективах ближайшего будущего цивилизации.

В современных условиях формируется новое видение роли природной среды. Она начинает рассматриваться “не как конгломерат изолированных объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, изменение которого может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, способное вызвать необратимое разрушение целостности системы”³.

Дальнейшая судьба цивилизации зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо продолжать развитие по избранному пути на основе интенсивного экономического роста, следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь — путь согласования социально-экономического развития в соответствии с законами биосферы.

² Данилов А.Н. Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 19.

³ Стёпин В.С. Указ. соч. С. 485.

Анализ реального положения дел, сложившихся в развитых странах показывает, что предпочтение, к сожалению, во многих случаях отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому, формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

После того как “сформировались и вошли в научную картину мира представления о живой природе как сложном взаимодействии экосистем, после становления и развития идей В.И. Вернадского о биосфере как целостной системе жизни, взаимодействующей с неорганической оболочкой Земли, после развития современной экологии это новое понимание непосредственной сферы человеческой жизнедеятельности как организма, а не как механической системы стало научным принципом, обоснованным многочисленными теориями и фактами”⁴. Потребность изменения сложившихся стереотипов мышления по отношению к природе диктуется и необходимостью обеспечения стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. К сожалению, в настоящее время не произошло существенных изменений в сфере социально-экономического развития различных стран: нарастает разрыв в потреблении между бедными и богатыми странами, все более усиливаются межнациональные конфликты на международной арене, вспыхивают и разгораются военные действия во многих регионах мира, со всей остротой обнажились грозные очертания экологического кризиса, затронувшего практически все страны мирового сообщества. Величайшие достижения науки, в первую очередь, использовались и используются в военных целях для овладения чужими богатствами и ресурсами, начиная от Великих Географических открытий, захвата колоний и кончая новыми формами неокOLONиализма и распространением военных действий в различных регионах планеты.

⁴ Стёпин В.С. Указ. соч. С. 485.

Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны, в первую очередь, с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего. Выход из такого рода затруднений связан не столько с решением социально-экономических, экологических, геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Иными словами, для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо, в первую очередь, направить усилия на разрешение духовного кризиса, который породил глобальные проблемы, обострившиеся в последние годы. За чрезмерный комфорт и высокие уровни жизни человечеству приходится расплачиваться “ухудшением биологического качества популяции”. Данные медицинских исследований показывают, что практически все заболевания, которые ранее относились к людям пожилого возраста, затрагивают более молодых людей. Это касается, онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, болезней опорно-двигательного аппарата и др.

На состояние здоровья людей оказывают влияние в основном два существенных фактора. Одним из них является загрязнение и ухудшение качественных параметров окружающей среды связанных с интенсивным развитием промышленности и сельского хозяйства, применением ядохимикатов и удобрений в сельском хозяйстве и многими другими факторами. Различного рода химические соединения и токсичные вещества в результате круговорота веществ попадают в организм человека и оказывают негативное влияние на его здоровье, приводя к появлению новых заболеваний. Другая группа факторов биологической деградации человека связана с употреблением недоброкачественной пищи, в которую попадают не только химически вредные вещества, но и использование различных химических соединений, добавляемых для сохранения вкусовых качеств и более длительного хранения продуктов. Все это приводит к употреблению некачественной пищи, ухудшающей здоровье человека.

Дальнейший прогресс в области научно-технических достижений (генная инженерия, нанотехнологии, робототехника и др.) чреват непредсказуемыми последствиями и злоупотреблениями. Выход из такого рода опасных тенденций развития общества возможен при условии утверждения новых ценностных ориентаций, основанных на учете требований законов биосферы, определяющих возможность становления новой цивилизации. Один из такого рода путей

становления новой цивилизации в свое время предложил А.Д. Урсул. Его концепция целенаправленного формирования ноосферной цивилизации, которая выражает “качественно новое состояние, при котором на пути своих интенсивных трансформаций социум войдет в коэволюцию с природой, приоритетными станут гуманитарно-общечеловеческие ценности и интегральный интеллект человечества обеспечит его переход от стихийного сползания к глобальной катастрофе к выживанию и эффективно управляемому, устойчивому и безопасному развитию” актуальна и по сей день⁵.

Достижение этой цели возможно на основе утверждения новых нравственных ценностей, ориентированных на пересмотр мотивов и познавательных моделей человеческой деятельности, что обусловлено остротой современной экологической ситуации, нарастанием социальных потрясений в духовной, социальной и политической сферах жизни общества. Преодоление такого рода опасностей вызывает необходимость изменения сложившегося вектора развития цивилизации и ее перехода на путь гармоничной социоприродной эволюции на основе утверждения биосферного мышления и нового образовательного общества...

Особую роль в этом плане имеет совершенствование системы образования на постсоветском пространстве. За последние десятилетия белорусское общество, в частности прошло значительную эволюцию от ценностей выживания и стабильности к ценностям самовыражения и развития. В этих условиях меняется миссия образования, которая предстает не просто в качестве некоторой второстепенной отрасли, а системообразующей частью национальной культуры. “Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла”⁶.

Приближение биосферного века призвано изменить антропоцентристскую ориентацию в использовании природных ресурсов, поскольку сугубо количественная ориентация на экономические показатели привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов уже превысили допустимые нормы и во многих случаях приводят к разрушению и деградации окружающей среды в различных регионах мира. В целях достижения безопасного развития

⁵ Урсул А.Д. Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития человечества. М., 1993.

⁶ Миронов В.В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М., 2020. С. 414.

общества необходимо добиваться того, чтобы пределы использования невозобновимых ресурсов — не должны превышать темпы их замещения возобновимыми. Это касается и возобновимых ресурсов, пределы использования которых должны компенсироваться их естественным воспроизводством. Разумное самоограничение, самодостаточность, необходимость сохранения пригодной для обитания среды — наиболее характерные черты экологического мышления, основанного на осознании взаимосвязанности и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Утверждение экологического мышления тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование мировоззрения и образа жизни, которые утверждают приоритетную ценность человека, не только по отношению к самому себе и другим людям, но и осознание ценности всех живых существ, относительную ценность или равноправие по отношению к другим людям, обществу и природе. Существующая до сих пор ориентация на абсолютный приоритет технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники, превратившие человеческую деятельность в огромную геологическую силу, несоизмеримую с действием стихийных сил природы, привели к кризисным явлениям поистине глобального характера. Масштабы этой деятельности столь значительны по своей величине, что биосфера не в состоянии нейтрализовать ее последствия, подрывающие механизмы саморегуляции природных экосистем. По этой причине открытия в науке и технике должны содержать нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей человека. Гипертрофированные представления об абсолютном приоритете технологических и технических открытий, зачастую оказываются необоснованными, поскольку критерии эффективности и целесообразности для человека во многих случаях нарушают нормальное протекание природных процессов. Исходя из этого, можно заключить, что решение экологических коллизий во взаимоотношениях общества и природы связано не столько с решением социальных, экономических, политических и даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и ценностных установок.

Одним из возможных путей развития цивилизации является коэволюционная стратегия — стратегия сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы, достижение которой предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности

и изменение вектора социально-экономического развития в целом. Интенсивное потребление природных ресурсов, господствующее в сфере природопользования до сих пор, не может быть признано обоснованным, поскольку оно является одной из причин деградации и разрушения природных экосистем. С позиций коэволюционной стратегии необходим переход на интенсивный путь экономического развития, связанный с увеличением производительности ресурсов, их экономного потребления и утилизации.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. В более широком плане важно добиваться того, чтобы объемы потребления природных ресурсов компенсировались их воспроизводством и искусственным восстановлением. Такого рода ориентация в изменении вектора социально-экономического развития направлена на согласование человеческой деятельности с природными закономерностями. В частности, в качестве такого рода универсальной закономерности биосферы выступает биологический круговорот энергии и вещества, в ходе которого происходит взаимное превращение вещества из одной формы в другую (круговорот углерода, кислорода, азота, фосфора и других химических элементов). Однако до сих пор в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства происходит загрязнение окружающей среды, твердыми, жидкими и газообразными веществами, появляются горы мусора и отходов, которые не входят в структуру природных круговоротов.

Предотвращение такого рода негативных явлений предполагает необходимость создания экологически безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В тех случаях, когда масштабы человеческой деятельности значительно превосходят ассимиляционные возможности природных экосистем, необходимо снижение антропогенной нагрузки, либо вовсе ее прекращение. В противном случае в экосистеме произойдут необратимые изменения, приводящие к ее деградации.

Знание подобного рода тенденций в изменении структуры экосистем подсказывают стратегию природопользования, ориентированной на сохранение благоприятной окружающей среды, на основе согласования масштабов человеческой деятельности в соответствии с возможностями природы. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и в сфере образования, которое в

качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Утверждение нового способа видения будущего, осознание остроты современной экологической ситуации возможно на основе изменения сознания и мировоззрения людей, нравственно поведенческих норм и ориентиров, учитывающих необходимость внедрения эколого-безопасного развития в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, при добыче и использовании природных ресурсов, а также в социальной практике, в организации международного сотрудничества. “Новые мировоззренческие идеалы отношения к природе, основанные на новой этике, отвергающей принцип господства над природой и включающей идеи ответственности человека, прокладывают путь к новому пониманию рациональности как диалога человека с миром”⁷.

Особое значение в реализации идей коэволюционной стратегии имеет научно-образовательная система, ориентированная на выживание человечества и прогнозирование ближайшего будущего. Только при этом условии открывается возможность реализации упреждающих управленческих действий, направленных на предотвращение кризисных явлений в жизни.

Контурь стратегии достаточного развития

В настоящее время человечество подошло к опасной черте своего развития — к точке бифуркации, когда его деятельность на основе научно-технических достижений в состоянии привести к собственной гибели. “История неизбежно породит новую парадигму развития, которая обернется кардинальной переоценкой ценностей и новым образом жизни”⁸. Поэтому использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление негативных последствий человеческой деятельности, утверждение ценностно-духовных ориентаций служат основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. Данное обстоятельство служит основой проектирования будущего, основанного на знании законов мироздания и законов эволюции биосферы. Господствующая до сих пор антропоцентристская ориентация по отношению к природе должна уступить место новой парадигме, основанной на биоантропоцентристской ориентации, учитывающей необходимость сохранения природы и

⁷ Стёпин В.С. Указ. соч. С. 488.

⁸ Кирвель Ч.С. и др. Человек перед лицом будущего: риски и перспективы. Гродно, 2020. С.11.

духовного мира, сохранения нравственных устоев развития общества. Атрибут потребительства, стяжательство, личное обогащение и успех, упование властью и абсолютная свобода главные препятствия на пути достижения безопасного будущего. Встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления опасностей, обусловленных негативными достижениями науки и техники определяют основные направления коэволюционной стратегии достаточного развития.

Стратегия достаточного развития (СДР) связана с осуществлением следующих мер.

- регулирование численности населения;
- снижение индустриального давления на биосферу за счет внедрения природоподобных технологий;
- экономное использование природных ресурсов, их замена искусственными; повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий;
- использование альтернативных источников энергии вместо энергии получаемой от углеводородного топлива;
- изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы;
- формирование нравственности нового типа и нового гуманизма;
- переход к Эпохе “Нового Просвещения” на основе экологического сознания и мышления;
- коллективные действия по охране окружающей среды.

Выбор путей социально-экономического развития общества непосредственно связан с сохранением природных экосистем, с их способностью самовосстанавливать нарушенные процессы, протекающие в биосфере. Иными словами при условии, если общество сможет удовлетворять свои потребности в соответствии с потенциальными возможностями биосферы. Для достижения этого необходимо снизить индустриальное давление на биосферу до пределов, которые не нарушают ассимиляционные возможности биосферы, позволяющие воспроизводить необходимые для общества ресурсы.

Все компоненты биосферы взаимосвязаны между собой обменными процессами и каждый из них играет важную роль в поддержании ее как целостной системы, обеспечивающей нормальное функционирование. По этой причине нарушение одного из компонентов биосферы в процессе человеческой деятельности приводит к изменениям остальных компонентов. Биосфера как целостная система находится в подвижном, динамическом равновесии с окружающей средой и во взаимодействии ее компонентов, причем при этом ее

живое вещество играет активную роль в обеспечении равновесного состояния.

В поддержании целостности биосферы в современных условиях особая роль принадлежит обществу, которому необходимо учитывать сложившиеся закономерности биосферы, с целью поддержания в ней естественного равновесия. Для поддержания такого состояния важно добиваться того, чтобы в процессе производства осуществлялась утилизация побочных продуктов и бытового потребления, чтобы искусственно созданные заменители природных ресурсов, входили в биологический круговорот, подлежали деструкции и разложению с их последующей утилизацией и переводом в нейтральное состояние.

Внесение в биосферу новых химических соединений, не встречаемых в природе, изменяет характер биогеохимического круговорота, создавая тем самым новую среду обитания для всех живых организмов, в том числе и для человека, что оказывает существенное влияние на его жизнедеятельность. Под воздействием биогеохимической энергии изменяются природные процессы энерго- и массообмена, происходит появление новых видов антропогенной энергии, не встречаемой ранее в окружающей среде. Это приводит к появлению новых заболеваний, представляющих опасность для людей. Селекционная практика, связанная с выведением новых сортов растений и пород животных, привела к изменению природной среды, в которой проживание диких животных становится невозможным, что непосредственно приводит к сокращению биологического разнообразия.

На протяжении длительного геологического времени генеральной линией эволюции было появление все новых и новых форм жизни, которое приводило к повышению устойчивости природных систем и биосферы в целом. Появление новой геологической силы, может быть космической, по словам В.И. Вернадского, которой до последнего времени уделялось незначительное внимание, привело к уничтожению биологического разнообразия, к сокращению естественных природных экосистем, размеры которых сократились на территории земного шара, по крайней мере на половину. Это привело к сокращению жизненного пространства необходимого для нормальной жизнедеятельности людей, а их проживание в городских условиях жизни приводит к появлению все новых заболеваний и биологической деградации человека. Это связано с тем, что с возрастанием хозяйственной деятельности происходит интенсивное изменение окружающей среды, обусловленное потреблением первичной биологической продукции, изменением концентрации

парниковых газов в атмосфере, истощением озонового слоя, сокращением площади лесов, опустыниванием, деградацией земель, качественным истощением вод суши, исчезновением многих видов. Все эти негативные тенденции, связанные с их нарастанием, приводят к ухудшению условий проживания людей, к росту генетического груза в человеческой популяции и появлению все новых болезней.

Преодоление этих негативных тенденций предполагает их восстановление в пределах хозяйственной емкости биосферы, верхним пределом которой является перевод в антропогенный канал более 1–2% чистой первичной продукции биоты (фотосинтеза), обеспечивающей стабилизацию окружающей среды. Превышение хозяйственной емкости биосферы приводит к нарушению биологического круговорота энергии и вещества в природных экосистемах, представляющего угрозу для человека. Это обусловлено тем, что биосфера обладает предельной хозяйственной емкостью, превышение верхнего предела которой приводит к нарушению устойчивости окружающей среды.

Если нарушения экосистем под влиянием человеческой деятельности превышают критерии изменения функциональной целостности, то эти экосистемы утрачивают свойство устойчивости и надежности и не в состоянии вернуться к первоначальному состоянию. При этом воздействие человека на биосферу приводит к резкому ускорению миграции атомов по сравнению с естественными биогеохимическими процессами, это сопровождается нарушением сложившегося равновесия в природе и приводит к утрате устойчивости природных экосистем. Устойчивость экосистем выражает их способность поддерживать сложившееся равновесие или активно восстанавливать свои существенные параметры в случае незначительных нарушений.

Нарушение сложившегося равновесия в биосфере приводит к разрушению и деградации природных экосистем, к утрате качественных характеристик среды обитания человека и потому крайне важно наметить основные направления дальнейшего развития человечества. Иными словами, возникает необходимость изменения сложившегося вектора социально-экономического развития, приведшего к глобальному экологическому кризису. Изменение вектора социально-экономического развития, в первую очередь, связано с переходом от антропоцентристской ориентации по отношению человека к природе к биоантропоцентристской, связанной с сохранением биологического разнообразия как основы сохранения стабильности биосферы, с внедрением экологобезопасных техно-

логий, экономным использованием природных ресурсов на основе ресурсосберегающей экономики.

Поддержание качественных условий жизни людей возможно на основе учета восстановительной и ассимиляционной возможности природных экосистем и потому промышленные предприятия целесообразно строить с учетом их свойств. Известно, например, что самоочистка реки при одном и том же уровне загрязнения в условиях крайнего Севера достигается 2000–3000 км, в то время как в условиях умеренного пояса 200–300 км.

Достижение безопасного будущего возможно при условии принятия мер по ограничению численности населения мира, рациональном использовании ресурсов за счет внедрения новых технологий, выработке нового отношения к природе на основе биоантропоцентристской ориентации, формировании новых человеческих качеств, учитывающих важность (целесообразность) сохранения всех форм жизни как необходимого условия сохранения устойчивости биосферы. Важное значение на пути преодоления экологических затруднений имеет отказ от сугубо материального, потребительского вектора развития и переход к духовному самосовершенствованию (преображению) на основе утверждения общечеловеческих ценностей, не исключая материального потребления.

Будущее человечества зависит от того, сможет ли разум преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. О такого рода опасности в жизни общества, подчеркивал еще в середине прошлого века Дж. фон Нейман, который подчеркивал, что ускоряющийся прогресс в технологии и в жизни может привести знакомый человеческий мир к гибели

Подобную мысль высказывает и А.П. Назаретян, когда ставит далеко не риторический вопрос о том, успеет ли Земной разум достигнуть самоконтроля в соответствии с ускоряющимся технологическим ростом прежде чем, разрушительные последствия станут необратимыми?⁹ Иными словами, сможет ли человечество разработать и внедрить такого рода технологии, которые в состоянии предотвратить опасности для развития биосферы и человека. Либо последнего ждет неминуемый финал?

Сложившийся тип и ныне действующий тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических достижений, позволивших ей обеспечить высокий уровень жизни, увеличить среднюю продолжительность жизни, повысить урожайность сельского хозяйства, увеличить скорость перемещений и коммуникаций, обе-

⁹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 30.

спечить качество медицинского обслуживания, создать современные технологии, овладеть ядерной энергией, проникнуть в космическое пространство и многое другое. Благодаря достижениям науки были достигнуты огромные результаты в овладении энергией — в термодинамике использование энергии пара, в электродинамике — электрической энергии, атомной физике — атомной и термоядерной энергии, что позволило увеличить эффективность производства и повышение производительности труда. В тоже время в большинстве случаев получение этой огромной энергии достигается за счет сжигания углеводородного топлива, приводящего к загрязнению окружающей среды и наносящего ей ущерб.

Возникновение техногенной цивилизации, в которой доминирующую роль играет техника, где преобладает потребительский вектор экономического развития, где господствуют утилитарный, узкопрактический подход к жизни, где снижается внимание к духовной сфере развития человека, неизменно приводит к столкновению человека с природой, к глобальному экологическому кризису. Углубление экологического кризиса, со всей остротой ставит первоочередной задачей проблему выживания человеческой цивилизации, и потому фактическое развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ как определяющего критерия прогресса, а на самосовершенствование человека, на воспитание человеческих качеств, открывающих возможность достижения безопасного будущего

Важнейшим условием достижения безопасного будущего и сохранения окружающей среды является ограничение экономического роста до достаточно приемлемого уровня, не нарушающего качественных параметров среды обитания человека. Существуют определенные границы, за пределами которых он представляет социальную опасность для людей. К их числу следует отнести объективную ограниченность природных ресурсов, объемы которых неограниченны. В первую очередь, это касается невозобновимых ресурсов, таких как руды многих металлов, запасы энергоносителей (нефти, природного газа, угля), ограниченность земельных площадей, лесных территорий и др.

Предельной границей экономического роста является и загрязнение окружающей среды вследствие наращивания объемов производства, представляющего угрозу для нормальной жизнедеятельности людей. Ограничителем экономического роста можно рассматривать и его социальные последствия, поскольку рост не за счет производства избытка товаров и услуг приводит к ухудшению здоровья людей, рост за счет интенсификации производства без учета

социальных проблем (занятости, полезного досуга и др.) приводит к их обострению в обществе. Неконтролируемый рост обостряет проблемы в денежно-кредитной сфере, приводит к обострению проблем монополизации, к нарастанию инфляции, приводящими к финансовому кризису. Именно поэтому, экономический рост должен быть научно-обоснованным и подконтрольным.

В основе проектирования будущего лежит смена одних экономических укладов другими, поскольку экономическое развитие представляет собой циклический, волнообразный процесс, состоящий из чередующихся фаз темпов экономического роста. Такого рода циклы определяют периоды роста и спада в сфере экономики, а время между ними охватывает период 5–8 лет. Примером сказанного может служить финансово-экономический кризис, произошедший в 2008 г., и который повторился в 2016 г. Исходя из этого можно предположить, что наступление следующего кризиса следует ожидать в ближайшее время.

Преодоление такого рода опасных тенденций в экономике связано с переходом от рыночной индустриально-капиталистической экономики, основной целью которой служит получение прибыли ради прибыли к гуманистической ноосферной цивилизации, основанной на применении природоподобных технологий и устранении спекулятивного капитала.

Важную роль в достижении безопасного будущего играет и внедрение в сферу промышленного производства природоподобных технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий), способных существенно повысить производительность ресурсов и ориентированных на предотвращение индустриального давления на биосферу. Аддитивные технологии направлены на отбор нововведений и инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

Существующее подчас бесконтрольное производство и потребление, ориентированное на достижение прибыли ради прибыли, охватившее большинство стран мирового сообщества явилось одной из основных причин глобального экологического кризиса. Альтернативой этому является формирование общества, основанного на осознании его сопричастности природе, определяющим фактором развития которого является эпоха ноосферы — разумной человеческой деятельности. Экономическое развитие, ориентированное исключительно на получение прибыли и накопление богатства и не учитывающее законы природы, основанное на конкуренции экономических субъектов является основным принципом хозяйственного механизма ныне существующих экономических систем.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, на преодолении негативных явлений человеческой деятельности, на выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом ценностно-духовные ориентации являются основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. “Среди всех угроз, существующих в мире, особую опасность представляет угроза экологического кризиса и в недалеком будущем — угроза наступления экологической катастрофы как следствие утраты нравственного отношения человека к природе, рассматривающего последнюю как созданную для удовлетворения его потребностей”¹⁰. Современное информационное общество оказывает огромное влияние на основы человеческой нравственности, его духовный мир. “Будущее будет зависеть, главным образом, от того, как с помощью новых знаний о Природе и обществе будет происходить выработка новых парадигм существования и коллективной воли для их реализации”¹¹. И это необходимо учитывать при разработке стратегии дальнейшего развития.

Важнейшим условием достижения этой цели и проектирования систем будущего является необходимость согласования социально-экономического развития с законами биосферы на основе достижения непротиворечивой целостности общества и природы, которая выступает основой их гармоничного взаимодействия. Именно такого рода целостность существовала на протяжении длительной истории, когда человек органически был включен в структуру биосферы. Бурное развитие науки и техники, приведшее к превращению человеческой деятельности в огромную геологическую силу в середине прошлого века, привело к выделению человека из природы, освободило от ее зависимости. Вначале это обстоятельство всецело рассматривалось как победа над природой. Однако суровая экологическая реальность поставила предел могуществу человека над природой, поскольку угрожает его ближайшему будущему.

Действенным инструментом противодействия этим негативным тенденциям выступает философское мировоззрение, направленное на формирование объективной и целостной картины социальной реальности. Одной из важнейших перспектив базовых, мировоззренческих основ развития общества, должна быть связана с возвращением способности осознать смыслы и возможности человеческого бытия, как сложной целостной системы, ответствен-

¹⁰ Водопьянов П.А., Крисаченко В.С. Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку. Минск, 2008. С. 292.

¹¹ Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 152.

ной за развитие жизни в едином комплексе мироздания. Именно это обстоятельство служит основой создания целостной картины мира, определяющей возможность формирования мировоззрения как отдельного человека, так и общества в целом и открывающего перспективы проектирования безопасного будущего.

Заключение

Констатация необходимости утверждения новых ценностных ориентаций, основанных на учете требований законов биосферы, определяющих возможность становления новой цивилизации, становится неизбежным условием сохранения жизни на Земле. В то же время нарастание нерешенных проблем, новых вызовов и конфликтов в первой четверти XXI в. характеризуют сегодняшнее состояние на планете как глобальная нестабильность. В этих чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом со всей очевидностью становится новое видение роли природной среды в жизни человечества. Это свидетельствует о том, что будущее планеты зависит от выбора направлений дальнейшего развития человечества. В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей. В зависимости от того, сможет ли человечество справиться с существующими опасностями, зависит его будущее. Достижение безопасного будущего в условиях экстремальной экологической ситуации требует радикальной перемены ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, изменения мировоззренческих ориентаций, предвидения образа ближайшего будущего с целью принятия мер по предотвращению вызовов и угроз в жизни современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Водопьянов П.А., Крисаченко В.С. Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку. Минск, 2008.

Данилов А.Н. Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 17–22.

Кирвель Ч.С. и др. Человек перед лицом будущего: риски и перспективы. Гродно, 2020.

Мионов В.В. Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью. М., 2020.

- Моисеев Н.Н.* С мыслями о будущем России. М., 1997.
- Назаретян А.П.* Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2.
- Стёпин В.С.* Теоретическое знание: структура, история эволюции. Минск, 2021.
- Урсул А.Д.* Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития человечества. М., 1993.

REFERENCES

- Danilov A.N.* Sova Minervy vyletaet v sumerki: kul'tura i novaya civilizaciya [Minerva's Owl Flies at Dusk: Culture and the New Civilization] // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya. 2022. N 1. S. 17–22 (in Russian).
- Kirvel' CH.S.* i dr. Chelovek pered licom budushchego: riski i perspektivy [Man in front of the future: risks and prospects]. Grodno, 2020 (in Russian).
- Mironov V.V.* Metafizika ne umiraet: Izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yu [Metaphysics does not die: selected articles, speeches and interviews]. M., 2020 (in Russian).
- Moiseev N.N.* S myslyami o budushchem Rossii [With thoughts about the future of Russia]. M., 1997 (in Russian).
- Nazaretyan A.P.* Nelinejnoe budushchee: singulyarnost' XXI veka kak element megaistorii [Nonlinear Future: The Singularity of the 21st Century as an Element of Megahistory] // Vek globalizacii. 2015. N 2 (in Russian).
- Styopin V.S.* Teoreticheskoe znanie: struktura, istoriya evolyucii [Theoretical knowledge: structure, history of evolution]. Minsk, 2021 (in Russian).
- Ursul A.D.* Put' v noosferu: koncepciya vyzhivaniya i ustojchivogo razvitiya chelovechestva [The path to the noosphere: the concept of survival and sustainable development of mankind]. M., 1993 (in Russian).
- Vodop'yanov P.A., Krisachenko V.S.* Strategiya bytiya chelovechestva: ot apokaliptiki k noosfernomu veku [The strategy of human existence: from the apocalyptic to the noospheric age]. Minsk, 2008 (in Russian).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-222-238

МОРАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034*

В период пандемии высшая школа столкнулась с трудностями, которые вызвали дискуссию о качестве образования. В центре внимания при этом находится профессиональное образование, требующее заинтересованного участия студентов в образовательной деятельности. Такое участие во многом определяется наличием мотивации студентов, в том числе, моральной. Она особенно важна для становления будущих социальных работников в связи с высокой нравственной и духовной составляющей самой социальной работы. В статье представлены результаты исследования моральной мотивации учебной деятельности бакалавров, обучающихся по направлению социальной работы. Качественное исследование представляет собой рефлексию содержания моральной мотивации в виде самооценок студентов четвертого курса, часть которых обучалась в традиционном формате до пандемии, а часть — в дистанционном и/или смешанном формате во время пандемии. Результаты исследования показали, что высказывания участников выстраиваются вокруг этической категории ответственности: перед собой, ближайшим окружением, другими людьми и обществом в целом. Отличие между двумя группами состоит в том, что пандемия и обучение в нетрадиционном формате существенным образом уменьшило моральную мотивацию студентов к получению профессионального образования. Это проявилось как в снижении чувства ответственности перед ближайшим окружением в лице родителей, так и перед другими людьми и обществом в целом. При этом студенты указали на давление антимотивов в виде несправедливой оценки статуса профессии в обществе и моральной неготовности к выполнению профессиональных обязанностей. Проведение подобных исследований необходимо осуществлять, начиная с первого курса, так как они могут послужить ориентирами для учебных и внеучебных мероприятий, направленных на совершенствование подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: профессиональное образование, образовательная деятельность, учебная мотивация, моральная мотивация, социальная работа, ответственность.

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: shtatspb@yandex.ru

MORAL MOTIVATION IN PROFESSIONAL EDUCATION OF FUTURE SOCIAL WORKERS

Shipunova Tatyana V., Dr. Sociol. Sciences, Associate Professor, Prof. Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: shtatspb@yandex.ru

During the pandemic, higher education faced difficulties that caused a discussion about the quality of education. At the same time, the focus is on professional education, which requires the interested participation of students in educational activities. Such participation is largely determined by the presence of students' motivation, including moral. It is especially important for the formation of future social workers in connection with the high moral and spiritual component of social work itself. The article presents the results of a study of the moral motivation of the educational activities of bachelors studying in the field of social work. The qualitative study was aimed at revealing the content of moral motivation based on the self-assessments of fourth-year students. Some of them studied in a traditional format before the pandemic, and some in a distance and/or mixed format during the pandemic. The results of the study showed that the statements of the participants are built around the ethical category of responsibility: to themselves, the immediate environment, other people and society as a whole. The difference between the two groups is that the pandemic and learning in a non-traditional format has significantly reduced the moral motivation of students to receive professional education. This was manifested both in a decrease in the sense of responsibility to the immediate environment in the person of parents, and to other people and society as a whole. Conducting such studies should be carried out starting from the first course, because they can serve as guidelines for educational and extracurricular activities aimed at improving the training of future specialists.

Keywords: professional education, educational activity, educational motivation, moral motivation, social work, responsibility.

Профессиональное образование специалистов в сфере социальной работы сопряжено с рядом трудностей объективного и субъективного характера. Объективные основания можно найти как в проблемах деятельности системы социальной работы, так и в организации профессионального образования. К первым на протяжении уже нескольких лет специалисты относят: невысокий статус и престиж профессии в обществе; текучесть кадров; невысокий уровень заработной платы и небольшие перспективы карьерного роста и т.д.¹ Вторая группа проблем включает в себя диапазон вопросов, замыкающихся преимущественно на методологии обучения, а именно: необходимости расширения возможностей

¹ Филатов В.А., Денисова М.А., Ковальчук С.С. Проблемы социальной работы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. Т. 4. № 1 (20). С. 89–90.

получения практических навыков во время обучения; разработки тесных междисциплинарных связей и собственной, отличной от зарубежной, модели подготовки, учитывающей российские особенности; создание эффективной модели непрерывного образования; установление тесной связи вузов с работодателями и разработка стандартов, ориентированных на запросы работодателя, который “хочет видеть универсального, многофункционального выпускника с имеющимися навыками работы в данной сфере”². Несмотря на то, что в сфере профессиональной подготовки социальных работников уже много сделано, продолжает ощущаться давление указанных проблем.

Субъективные трудности связаны также с психологической удовлетворенностью/неудовлетворенностью выбранной профессией, высокими рисками эмоционального выгорания, свойственными всем помогающим профессиям, степенью готовности принятия на себя высокого уровня ответственности и т.д. Как отмечают исследователи, “глубинным для системы обучения специалистов по социальной работе выступает противоречие между необходимостью их массовой подготовки и совершенно уникальными качествами, которыми должен обладать человек, занимающийся этой деятельностью”³. Человек, получающий профессиональное образование в социальной сфере, уже при поступлении должен обладать некоторыми качествами, способными придать ему уверенность в необходимости такого образования и создать мотивацию в процессе образовательной деятельности. Представляется, что для будущих социальных работников во всем комплексе видов мотивации, моральная мотивация занимает особое место, поскольку она не только поддерживает включенное участие в учебном процессе, но и развивает профессиональную перспективу. На изучение этих вопросов было направлено авторское исследование, проведенное среди студентов-бакалавров, обучающихся на отделении социальной работы.

² Полевая Н.М., Лейфа А.В. Современные проблемы профессиональной подготовки социальных работников в вузе, пути решения // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1 (31). С. 247. См. также: Наумова Ю.А. Проблемы подготовки социальных работников // Социальная работа в России: образование и практика: Сб. науч. трудов / Под ред. Н.А. Грика. Томск, 2009. С. 191–193; Лебедева С.С. Проблемы подготовки социального работника в системе непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век (научный электронный журнал. 2017. № 2 (18). URL: <https://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=3486> (дата обращения: 29.03.2022).

³ Давиденко С.А., Медко И.В., Петрова Г.А. Состояние, проблемы и перспективы подготовки специалистов по социальной работе // Вестник НВГУ. 2012. № 2. С. 68.

Мотивация к профессиональному образованию: теоретические аспекты.

В самом общем смысле под мотивацией понимается “совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей”⁴. Теоретическое обоснование мотивации достаточно широко представлено в содержательных и процессуальных теориях мотивации (Д. МакКлелланд, Ф. Герцберг, В. Врум, Л. Портер, Э. Лоулер, Л.С. Выготский и др.), положения которых применяются в разных дисциплинах. Мотивация выступает движущей силой поведения и деятельности человека, охватывая его рациональную и чувственную сферы, обеспечивая тем самым паритетность — включенность в процесс совершения определенных поступков, в том числе, в учебной деятельности⁵.

В социологии, психологии и педагогике плодотворное развитие находят разные подходы к изучению мотивации учебной деятельности (Б. Скиннер, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, Дж. Аткинсон, Дж. Роттер, Х. Хекхаузен, А. Бандура, Э. Эллиот, Л.И. Божович, А.К. Маркова, Л.И. Бойко, Н.В. Комусова, М. Лукьянова, А.К. Маркова, Ф.М. Рахматуллина)⁶. Классифицируя виды мотивации, исследователи в общем и целом указывают на необходимость выделения осознанных и неосознанных, ведущих и второстепенных, внешних и внутренних мотивов. Например, внешние – социальные мотивы диктуются оценкой дальнейшей успешной интеграции в общество и “исходят от родителей, педагогов, группы, в которой обучается студент, окружения или общества, т.е. это учеба как вынужденное поведение и нередко встречает внутреннее сопротивление со стороны студентов”. В отличие от внешних, внутренние мотивы могут быть узко личными, основанными на представлении о социальном благополучии и учебно-познавательные⁷.

⁴ Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. М., 1999. С. 133.

⁵ Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 87.

⁶ Уланова Ю. Теоретические подходы к пониманию мотивации учащихся к учебной деятельности // Весенние психолого-педагогические чтения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти почетного профессора АГУ А.В. Буровой, 19 апреля 2017 / Составит. И.А. Еремицкая, О.А. Халифаева. Астрахань, 2017. С. 45–47.

⁷ Королева О.А. Особенности мотивации студентов к обучению // Человек, экономика, общество: грани взаимодействия. Сб. науч. трудов по мат-м Междунар. науч.-практ. конф. 30 ноября 2019 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. С. 171.

В перечне внутренних мотивов учебной деятельности особый акцент делается на познавательном компоненте, который подчеркивает самооценность познания. Об этом писал еще П.В. Якобсон, который наряду с выделением отрицательных (негативными последствиями от пренебрежения выполнением учебных обязанностей) и положительных (чувство долга), подчеркивал важность познавательных мотивов, как проявления естественной любознательности⁸. Его идеи разделяли и другие авторы⁹. С данными рассуждениями ассоциирован тезис о том, что мотивы к учебе следует делить на две группы: "...одни из них порождаются самой учебной деятельностью, непосредственно связаны с содержанием и процессом учения, способами усвоения знания; другие мотивы лежат как бы за пределами учебного процесса и связаны лишь с результатами учения"¹⁰. Широкая классификация мотивов предложена В.А. Гордашниковым и А.Я. Осиным, которые разделили обучающие мотивы по видам, уровням, направленности и содержанию, однако такая классификация скорее подходит для исследований в области методологии преподавания и сравнении традиционного обучения с новыми активными методами¹¹.

Наличие разных подходов к пониманию мотивации и видов мотивов свидетельствует, во-первых, о сложности предмета изучения, во-вторых, подтверждает тезис, что "не существует единой теории учебной мотивации, но есть отдельные концепции, описывающие различные аспекты мотивации, которые могут быть взяты за основу для решения конкретных задач"¹². Следует также отметить, что достижение некоторого концептуального единства в изучении мотивации в последнее время возникло под давлением внешних обстоятельств, сложившихся в период пандемии. Переход на дистанционное и/или смешанное обучение способствовал изменениям в организации учебного процесса, а экстремально сжатые сроки внедрения этих изменений повлекли за собой ряд проблем, которые

⁸ Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

⁹ См., напр.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2004.

¹⁰ Матюхина М.В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. Возрастная и педагогическая психология / Под ред. М.В. Гамезо. М., 1984. С. 107.

¹¹ Гордашников В.А., Осин А.Я. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа. М., 2009. С. 45–47.

¹² Уланова Ю. Теоретические подходы к пониманию мотивации учащихся к учебной деятельности // // Весенние психолого-педагогические чтения: мат-лы Межрегион. Науч.-практ. конф., посвященной памяти почетного профессора АГУ А.В. Буровой, 19 апреля 2017 / Составит. И.А. Еремицкая, О.А. Халифаева. Астрахань, 2017. С. 48.

проявились буквально в первые недели объявления пандемии¹³. Остро встал вопрос о качестве преподавания и, как следствие, качества образования¹⁴, в связи с чем стали проводиться исследования, выявляющие мнение студентов по разным вопросам¹⁵, касающимся в том числе изменению мотивации студентов в период пандемии. Однако их пока недостаточно, особенно учитывая, что “во многих исследованиях просматривается тенденция выявить именно внешние проблемы, с которыми студенты столкнулись из-за смены формата образовательного процесса”¹⁶. Конечно, все виды мотивов связаны между собой и образуют целую сеть мотивирующих факторов, обуславливающих повышение включенности в учебный процесс. Кумулятивный эффект взаимовлияния разных видов мотивации должен в конечном счете вылиться (в идеале) в повышение профессиональной мотивации в образовательном процессе. Эта задача тем более важна, что “от степени сформированности профессиональной мотивации зависит не только успешность обучения, профессионального и личностного разви-

¹³ Уроки “стресс-теста”: вузы в условиях пандемии и после нее (аналитический доклад). М., 2020. С. 10–24. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (дата обращения: 02.02.2022). См. также: Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ. М., 2020. С. 15. URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

¹⁴ Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. № 5. С. 72–81.

¹⁵ Алешковский И.А., Гаспарович А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–100; Иванова М.В., Балымов И.Л. Факторы психологического самочувствия студентов российских вузов в условиях самоизоляции // Непрерывное образование: XXI век (Электронный журнал). 2021. № 3 (35). С. 1–16. URL: <https://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=7050> (дата обращения: 24.01.2022); Ученые ИПО изучали мотивацию учебной деятельности студентов КФУ в условиях пандемии COVID-19 / Сайт Казан. федер. ун-та. URL: <https://kpfu.ru/psychology/uchenye-ip0-izuchali-motivaciju-uchebnoj-408399.html> (дата обращения: 24.01.2022); Гриб В. Самое сложное при дистанте – мотивировать студентов к учебе // Интерфакс. 2020. 25 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/interview/738596> (дата обращения: 20.01.2022); Арчахова Н.В., Дайнеко М.Ю., Могилева И.И. Влияние обучения в условиях пандемии COVID-19 на мотивацию студентов неязыковых вузов // Казанская наука. 2020. № 10. С. 101–103.

¹⁶ Марьин М.И., Никифорова Е.А. Трансформация мотивов и ценностей студентов высших образовательных организаций в условиях пандемии (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология (Электронный журнал). 2021. Т. 10. № 1. С. 98. URL: https://psyjournals.ru/files/119776/jmfp_2021_n1_Maryin_Nikiforova.pdf (дата обращения: 29.03.2022).

тия студентов, но и их профессионализация и социализации после окончания вуза”¹⁷.

Исследования в данной области свидетельствуют, что низкое качество профессионального образования связано, в том числе и с ценностной переориентацией молодежи “на формальные знаки — оценки, а не на содержание образования, для них важно получить хороший диплом, а не те знания, которые необходимы для профессиональной деятельности”¹⁸. Указывается также на значимость для молодежи материальных выгод, которые последуют после получения диплома и устройства на работу: “...стабильная заработная плата и своевременность ее выплаты, компенсирующие и стимулирующие выплаты, выплата ежемесячной премии, стабильность рабочего места”. К ведущим учебно-профессиональным мотивам относят, помимо прочего, “благоприятный социально-психологический климат в коллективе, атмосфера взаимного уважения, доверия, хорошие условия труда и удовлетворение от выполняемой работы”¹⁹. Вместе с тем отмечается, что, начиная с третьего курса, у студентов появляется желание осваивать профессию²⁰, т.е. для большинства из них профессиональная мотивация приобретает большое значение в образовательной деятельности и ориентирует на “овладение знаниями, умениями и навыками, которые в дальнейшем сформируют фундамент профессиональной деятельности будущего специалиста”²¹. Можно выделять разные аспекты мотивации учебно-профессиональной деятельности, но нам кажется важным и интересным изучение морального аспекта, особенно учитывая значимость нравственных ценностей в социальной работе и ожидания, которые транслируются обществом относительно профессиональной деятельности в данной сфере. При этом под моральной мотивацией учебной деятельности мы понимаем совокупность факторов, условий, обстоятельств, несущих нравственную нагрузку (смысл), которая влияет на их восприятие и оценки в этических категориях

¹⁷ Мальцева Л.В., Сулова Ю.А. Исследование мотивационной сферы студентов в процессе обучения в вузе // Вестник Курганского государственного университета. 2017. № 3 (46). С. 66.

¹⁸ Лазарева О.П. Проблемы мотивации студентов вуза к обучению // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8 (50). Ч. 5. С. 47.

¹⁹ Филатова Е.В., Ксенофонтова С.Б. Учебно-профессиональная мотивация студентов разных направлений подготовки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 1. С. 63.

²⁰ Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 89.

²¹ Шагивалеева Г.Р., Калашикова В.Ю. Изучение учебной мотивации студентов вуза // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 342.

и понятиях. Моральную мотивацию в профессиональном образовании можно рассматривать как своеобразный индикатор, указывающий на высокую вероятность ответственного исполнения профессиональных обязанностей после окончания вуза и устройства в профильное учреждение.

Характеристика исследования

Исследовательской проблемой стало выявление содержания морального аспекта мотивации к получению профессионального образования в представлениях студентов, обучающихся по специальности “социальная работа” в Санкт-Петербургском государственном университете. Интересным штрихом исследовательской тактики является сравнение мнений студентов, обучавшихся как до, так и в период пандемии COVID-19. Данное сравнение позволяет понять, как экстремальная ситуация пандемии и смешанный формат обучения повлияли на моральный аспект профессионального образования студентов. Качественное исследование проводилось в 2018–2019 гг. – группа 1 (состояла из студентов, обучавшихся до пандемии) и в 2021 г. – группа 2 (время обучения пришлось на смешанную форму реализации образовательного процесса). В обоих случаях участниками выступили студенты бакалавриата четвертого курса в возрасте 21–22 года. В 2018–2019 гг. участвовало 11 женщин и 3 мужчины (всего 14 человек), в 2021 г. — 16 женщин и 3 мужчины (всего 19 человек). Всего число участников составило 33 человека. Распределение по полу вполне ожидаемо, учитывая направление обучения. При отборе студентов для участия в исследовании использовался метод доступного случая.

Суть исследования для студентов состояла в рефлексии собственного актуального опыта и вербализации в свободной форме представлений о содержании морального аспекта мотивации. Отсутствие наводящих вопросов, с одной стороны, усложняло задачу для студентов, поскольку необходимо было самостоятельно очертить границы указанного аспекта и наполнить его содержанием. С другой — выполнение задания вызвало у студентов, согласившихся участвовать в исследовании, интерес, так как заставило их рассуждать в необычной для них философско-этической плоскости. Некоторые риски использования такого метода могут быть связаны с тем, что молодым людям не всегда удастся четко и кратко сформулировать свои рассуждения, а также со спадом интереса к рассуждениям, особенно, если они кажутся трудными или неважными в данный момент. В связи с этим на выполнение “задания” в домашних условиях отводилось два дня, а далее электронные вари-

анты текстов поступали в общий архив. При обработке текстов использовался метод контент-анализа. Единицами обсчета были слова и выражения. Использовалось частотное распределение (v) аналогичных или схожих ответов с указанием в некоторых случаях значимых аргументов. Мотивы и антимотивы, указанные студентами, группировались в блоки. Можно также отметить, что при обработке и описании результатов исследования не проводилась корреляция по возрасту (возрастной состав примерно одинаков) и полу (так как доля мужчин невелика).

Моральная мотивация студентов: основные результаты исследования

С накоплением студентами старших курсов опыта практической деятельности в процессе прохождения производственных практик приходит осознание “значимости профессиональных знаний для будущей деятельности”²². При этом одним из важных мотивирующих факторов, особенно при выборе профессии в сфере помощи людям, становится моральная профессиональная мотивация. Наше исследование показало, что центральной нравственной категорией такой мотивации выступает ответственность, т.е. принятие на себя неких моральных обязательств, и ассоциированные с ней понятия. По мнению будущих социальных работников, ответственность распространяется на три сферы: личные интересы студентов, ближайшее окружение, другие люди и общество в целом.

Ответственность перед собой в группе 1 (далее Г1) включает осознание личного вклада и необходимости получения высшего образования: *“чувство, что ты формируешь свою судьбу и дальнейшую жизнь”*, *“необходимость получения высшего образования”* (v=17). Сюда же можно отнести личностную достиженческую мотивацию – чувство гордости за обучение в вузе (*“статус студента старейшего университета России”*, *“высокая общественная оценка университета”*, *“получение высшего образования в университете такого уровня”* (v=3)), которая подкрепляет ответственное отношение к учебе. В качестве моральной личностной мотивации студенты называли также потребность саморазвития в этическом дискурсе, что получило оформление, например, в следующих утверждениях: *“формирование представлений о социальных процессах, справедливости, долге, гуманизме”*, *“выработка дисциплины, ответственности, самостоятельности”* (v=3).

²² Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 89.

В группе 2 (далее Г2) ответственность перед собой за профессиональное становление и в целом получение высшего образования была выражена в разных формулировках: *“стремление к становлению себя как профессионала в выбранной сфере”, “взращивание собственной ответственности к обучению”, “гордость за собственные достижения в учебе”, “нравственные принципы, заставляющие продолжать процесс получения образования”, “желание довести начатое дело (обучение в университете) до конца и получить диплом”* (v=21). В этой группе чаще, чем в первой, звучали слова о мотивирующем воздействии потребности саморазвития, которая основывается на нравственном посыле: *“развитие эмоционального интеллекта”, “потребность в раскрытии и развитии своих морально-нравственных качеств”, “активизация своего собственного потенциала субъектности”, “возможность иметь активную гражданскую позицию”*. По мнению студентов, к этим мотивам примыкают требовательность к своим действиям, стремление к самосовершенствованию и самовыражению (в сумме с потребностью саморазвития v=14). К моральному аспекту мотивации было отнесено также *“наличие личных достижений и чувства успешности”, “чувство выполненного долга”, “удовлетворение и радость от успеха”*, которые отражают реальные или будущие личностные достижения (v=5). Поступление и обучение в вузе как личное достижение, выступающее одновременно фактором, поддерживающим ответственное отношение к учебной деятельности и чувство гордости, было отмечено такое же количество раз (v=5).

Недостаточная самореализация как демотивирующий фактор в Г1 упоминался чаще, чем в Г2 (v=7 и v=3 соответственно). Можно предположить, что в условиях дистанционного и/или смешанного обучения у студентов было больше возможностей для того, чтобы воплотить свои планы не только в учебной, но и научной, творческой активности.

Важным мотивирующим фактором является ответственность перед ближайшим окружением в лице родителей, которые вкладывают средства, выстраивают свои ожидания и осуществляют психологическую поддержку студенту. В описаниях студентов это выглядело следующим образом: *“совестливость и исполнительность по отношению к родителям, заинтересованным в получении мной образования”, “поддержка со стороны родителей и желание оправдать их ожидания”, “удовлетворенность родителей, что ты получаешь высшее образование”*. В первой группе об этом упоминалось в два раза чаще, чем во второй (в Г1 v=12, в Г2 v=6) при том, что число студентов в Г2 больше. Возможно, это связано с тем, что многие сту-

денты, приехавшие из других городов, вынуждены были вернуться в семьи и жить с родителями, что могло сопровождаться повышением напряженности в отношениях из-за возрастания контроля со стороны родителей и, как следствие, временным снижением оценки (умалением) студентами вклада родителей в получение ими высшего образования.

Ответственность перед другими людьми и обществом в целом выступает значимым мотивом в получении профессионального образования студентами обеих групп. В Г1 с категорией ответственности ассоциируются такие понятия как причастность к благородной профессии, помощь людям, возможность в дальнейшем осуществлять полезную для общества деятельность, чувство профессионального долга ($v=12$). Вместе с тем, в Г2 наблюдается снижение такой мотивации. Студенты из этой группы описали мотивы блока фразами типа: *“осознание высокой социальной значимости осваиваемой специальности”*, *“учусь благому делу, которое приносит общественную пользу”* ($v=4$). Один участник из Г2 отметил, что его мотивирует *“признание окружающими, что мое поведение в кризисных ситуациях и личностные качества, которые я проявляю, совпадают с образом представителя выбранной мной профессии”*.

Причины ослабления влияния моральной мотивации, связанной с формированием профессиональной ответственности перед людьми и обществом становятся понятными при анализе антимотивов, подрывающих ответственное отношение будущих социальных работников к получению профессионального образования. Их можно разделить на два вида. Во-первых, это несправедливо низкая оценка профессии в обществе, что делает ее непрестижной (в Г1 $v=16$, в Г2 $v=8$). Во-вторых, негативное восприятие себя в профессии и/или неуверенность в будущем, а также моральная неготовность выполнять профессиональные обязанности. Последний вид антимотивов оформлялся в таких высказываниях как: *“страх в конечном итоге оказаться некомпетентным специалистом, не помочь человеку справиться с трудной жизненной ситуацией”*, *“отсутствие внутренней уверенности в правильности выбора профессии”*, *“неуверенность в том, что смогу соответствовать ожиданиям людей (быть достаточно милосердной и терпеливой)”*, *“на практическую деятельность дается недостаточное количество часов, что препятствует полному раскрытию нравственных качеств на практике – моральная неготовность”* и т.д. (в Г1 $v=16$, в Г2 $v=8$).

Кстати сказать, о значимости практики в профессиональном образовании как факторе мотивации, в том числе моральной, студенты также высказались. Связано это с тем, что в ходе практик студенты

могут «почувствовать “вкус” выбранной профессии», они “развивают профессиональное мышление и самосознание, совершенствуют систему ценностей, смысловую и мотивационную сферу личности будущих специалистов, повышают профессиональный и познавательный интерес”²³. О позитивном влиянии практики, позволяющей повысить чувство сопричастности к будущей профессии, ответило три студента в Г2 и четыре — в Г1. В первой группе практика негативно влияла в том случае, когда было неудобное место учреждения или трудно было найти желаемое место в силу ограниченного списка принимающих на практику учреждений ($v=7$). Во второй группе указанные демотиваторы также играли свою роль ($v=5$), но к ним студенты добавили “*незаинтересованность сотрудников из учреждений в прохождении студентом практики*” ($v=2$), что может быть объяснено сложностью организации кураторства в социозащитных учреждениях в период пандемии.

Проведенное исследование показало, что моральное мотивационное поле, важное для профессионального образования социальных работников, в основном поддерживается самими студентами. Они выстраивают свою образовательную траекторию, черпая нравственную поддержку в трех сферах ответственности: перед собой, ближайшим окружением, другими людьми и обществом в целом. Важным фактором поддержки в профессионализации студенты могло бы стать повышение социального статуса и престижности профессии социального работника, однако пока в этой области наблюдаются явления, которые скорее демотивируют будущих специалистов. При этом пандемия, несмотря на существенное повышение востребованности профессии в обществе из-за возросшей необходимости оказания помощи нуждающимся, существенным образом снизила моральную мотивацию к получению профессионального образования в области социальной работы. Студенты видят причины этого в несправедливо низкой оценке обществом значимости профессии при высоких ожиданиях в отношении специалистов социальной сферы.

Представленные результаты, как в любом качественном исследовании, не претендуют на всеобщность выводов, однако они дают возможность обозначить актуальность поднятой в статье темы для подготовки специалистов. Изучение морального аспекта учебной мотивации студентов является значимым не только в профессиональной подготовке социальных работников, но и для всей

²³ Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 89.

системы высшего образования, обучающей будущих специалистов в разных сферах (врачей, педагогов, юристов, психологов, социологов, экономистов, политиков, инженеров и т.д.). Такие исследования позволяют понять базовые нравственные основания становления специалистов, их готовность к ответственному выполнению профессиональных обязанностей и предпосылок для формирования профессионального долга. Очевидно, что проведение подобных исследований нужно проводить, начиная с первого курса. В этом случае они могли бы способствовать, во-первых, разворачиванию мероприятий по психологической поддержке студентов, во-вторых, утверждению студентов в правильности выбора профессии или пересмотру планов обучения по конкретной специальности, в-третьих, совершенствованию учебного процесса за счет включения в него учебных и внеучебных мероприятий (курсов, тренингов, консультаций, круглых столов и др.), нацеленных на укрепление профессиональной идентификации студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский И.А., Гаспарович А.Т., Крехмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–100.

Арчахова Н.В., Дайнеко М.Ю., Могилева И.И. Влияние обучения в условиях пандемии COVID-19 на мотивацию студентов неязыковых вузов // Казанская наука. 2020. № 10. С. 101–103

Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. М., 1999.

Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ. М., 2020. URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

Гордашников В.А., Осин А.Я. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа. М., 2009.

Гриб В. Самое сложное при дистанте — мотивировать студентов к учебе // Интерфакс. 2020. 25 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/interview/738596> (дата обращения: 20.01.2022).

Давиденко С.А., Медко И.В., Петрова Г.А. Состояние, проблемы и перспективы подготовки специалистов по социальной работе // Вестник Нижневартского государственного университета. 2012. № 2. С. 68–80.

Иванова М.В., Балымов И.Л. Факторы психологического самочувствия студентов российских вузов в условиях самоизоляции // Непрерывное образование: XXI век (Электронный журнал). 2021. Вып. 3(35). С. 1–16. URL: <https://ll21.petrso.ru/journal/article.php?id=7050> (дата обращения: 24.01.2022).

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2004.

Королева О.А. Особенности мотивации студентов к обучению // Человек, экономика, общество: грани взаимодействия. Сб. науч. тр. по мат-м Междунар.

науч.-практ. конф. 30 ноября 2019 г. / Под ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. С. 168–171.

Лазарева О.П. Проблемы мотивации студентов вуза к обучению // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8 (50). Ч. 5. С. 46–48.

Лебедева С.С. Проблемы подготовки социального работника в системе непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век (научный электронный журнал). 2017. № 2 (18). С. 1–7. URL: <https://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=3486> (дата обращения: 29.03.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2017.3486>

Мальцева Л.В., Сулова Ю.А. Исследование мотивационной сферы студентов в процессе обучения в вузе // Вестник Курганского государственного университета. 2017. № 3 (46). С. 63–68.

Марьин М.И., Никифорова Е.А. Трансформация мотивов и ценностей студентов высших образовательных организаций в условиях пандемии (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология (Электронный журнал). 2021. Т. 10. № 1. С. 92–101. URL: https://psyjournals.ru/files/119776/jmfp_2021_n1_Maryin_Nikiforova.pdf (дата обращения: 29.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100109> ISSN: 2304-4977

Матюхина М.В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. Возрастная и педагогическая психология / Под ред. М. В. Гамезо. М., 1984.

Наумова Ю.А. Проблемы подготовки социальных работников // Социальная работа в России: образование и практика. Сб. науч. трудов / Под ред. Н.А. Грика. Томск, 2009. С. 191–193.

Полевая Н.М., Лейфа А.В. Современные проблемы профессиональной подготовки социальных работников в вузе, пути решения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 1 (31). С. 245–248.

Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 87–90.

Уланова Ю. Теоретические подходы к пониманию мотивации учащихся к учебной деятельности // Весенние психолого-педагогические чтения: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной памяти почетного профессора АГУ А.В. Буровой, 19 апреля 2017 / Составит. И.А. Еремицкая, О.А. Халифаева. Астрахань, 2017. С. 45–50.

Уроки “стресс-теста”: вузы в условиях пандемии и после нее (аналитический доклад). М., 2020. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

Ученые ИПО изучали мотивацию учебной деятельности студентов КФУ в условиях пандемии COVID-19 // Сайт Казанского федерального университета. URL: <https://kpfu.ru/psychology/uchenye-ip0-izuchali-motivaciju-uchebnoj-408399.html> (дата обращения: 24.01.2022).

Филатова Е.В., Ксенофонтова С.Б. Учебно-профессиональная мотивация студентов разных направлений подготовки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 1. С. 57–65.

Филатов В.А., Денисова М.А., Ковальчук С.С. Проблемы социальной работы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. Т. 4. № 1 (20). С. 89–90.

Шагивалеева Г.Р., Калашикова В.Ю. Изучение учебной мотивации студентов вуза // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 341–343.

Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. № 5. С. 72–81.

Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

REFERENCES

Aleshkovskij I.A., Gasparishvili A.T., Kruhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Studenty vuzov Rossii o distancionnom obuchenii: ocenka i vozmozhnosti [Students of Russian universities about distance learning: assessment and opportunities] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. N 10 (in Russian).

Archahova N.V., Dajneko M. Ju., Mogileva I.I. Vlijanie obucheniya v usloviyah pandemii COVID-19 na motivaciju studentov nejazykovykh vuzov [The Impact of Learning During the COVID-19 Pandemic on the Motivation of Non-Linguistic University Students] // Kazanskaja nauka. 2020. N 10 (in Russian).

Davidenko S.A., Medko I.V., Petrova G.A. Sostojanie, problemy i perspektivy podgotovki specialistov po social'noj rabote [Status, problems and prospects for training specialists in social work] // Vestnik Nizhnevart. gos. un-ta. 2012. N 2 (in Russian).

Filatova E.V., Ksenofontova S.B. Uchebno-professional'naja motivacija studentov raznykh napravlenij podgotovki [Educational and professional motivation of students of different areas of training] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2019. V. 11. N 1 (in Russian).

Filatov V.A., Denisova M.A., Koval'chuk S.S. Problemy social'noj raboty i puti ih reshenija [Problems of social work and ways to solve them] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2014. V. 4. N 1 (20) (in Russian).

Gordashnikov V.A., Osin A. Ja. Obrazovanie i zdorov'e studentov medicinskogo kolledzha [Education and health of medical college students]. M., 2009.

Grib V. Samoe slozhnoe pri distante — motivirovat' studentov k uchebe [The most difficult thing in distance learning is to motivate students to study] // Interfaks. 2020. 25 nojab. URL: <https://www.interfax.ru/interview/738596> (accessed: 20.01.2022) (in Russian).

Il'in E.P. Motivacija i motivy [Motivation and motives]. SPb., 2004.

Ivanova M.V., Balymov I.L. Faktory psihologicheskogo samochuvstvija studentov rossijskikh vuzov v usloviyah samoizoljaccii [Factors of psychological well-being of students of Russian universities in conditions of self-isolation] // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek (Elektronnyj zhurnal). 2021. N 3 (35). URL: <https://lll21.petrus.ru/journal/article.php?id=7050> (accessed: 24.01.2022) (in Russian).

Jakobson P.M. Psihologicheskie problemy motivacii povedenija cheloveka [Psychological problems of human behavior motivation]. M., 1969.

Koroleva O.A. Osobennosti motivacii studentov k obucheniju [Features of students' motivation for learning] // Chelovek, jekonomika, obshhestvo: grani vzaimodejstvija: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 30 nojabrja 2019 g. / Pod red. E.P. Tkachevoj. Belgorod, 2019 (in Russian).

Lazareva O.P. Problemy motivacii studentov vuza k obucheniju [Problems of Motivating University Students to Study] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. N 8 (50). Part. 5 (in Russian).

Lebedeva S.S. Problemy podgotovki social'nogo rabotnika v sisteme nepreryvno-go obrazovaniya [Problems of training a social worker in the system of continuous education] // *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek (nauchnyj jelektronnyj zhurnal)*. 2017. N 2 (18). URL: <https://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=3486> (accessed: 29.03.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2017.3486> (in Russian).

Mal'ceva L.V., Suslova Ju.A. Issledovanie motivacionnoj sfery studentov v processe obuchenija v vuze [Study of the motivational sphere of students in the process of studying at a university] // *Vestnik Kurgan. gos. un-ta*. 2017. N 3 (46) (in Russian).

Mar'in M.I., Nikiforova E.A. Transformacija motivov i cennostej studentov vys-shih obrazovatel'nyh organizacij v uslovijah pandemii (po materialam zarubezhnyh issledovanij) [Transformation of motives and values of students of higher educational institutions in the context of a pandemic (based on foreign studies)] // *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija (Jelektronnyj zhurnal)*. 2021. V. 10. N 1. URL: https://psyjournals.ru/files/119776/jmfp_2021_n1_Maryin_Nikiforova.pdf (accessed: 29.03.2022). DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100109> ISSN: 2304-4977 (in Russian).

Matjuhina M.V., Mihal'chik T.S., Prokina N.F. Vozrastnaja i pedagogicheskaja psihologija [Developmental and pedagogical psychology] / Pod red. M.V. Gamezo. M., 1984 (in Russian).

Naumova Ju.A. Problemy podgotovki social'nyh rabotnikov [Problems of training social workers] // *Social'naja rabota v Rossii: obrazovanie i praktika: sb. nauch. trudov* / Pod red. N.A. Grika. Tomsk, 2009 (in Russian).

Polevaja N.M., Lejfa A.V. Sovremennye problemy professional'noj podgotovki social'nyh rabotnikov v vuze, puti reshenija [Modern problems of professional training of social workers at the university, solutions] // *Vektor nauki Tol'jat. gos. un-ta*. 2015. N 1 (31) (in Russian).

Shagivaleeva G.R., Kalashnikova V. Ju. Izuchenie uchebnoj motivacii studentov vuza [Studying the educational motivation of university students] // *Molodoj uch-jonyj*. 2015. N 19 (99) (in Russian).

Shtyhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N. Perehod vuzov v distancionnyj rezhim v period pandemii: problemy i vozmozhnye riski [Transition of universities to remote mode during the pandemic: problems and possible risks] // *Otkrytoe obrazovanie*. 2020. N 5 (in Russian).

Ten'kova V.A. Osobennosti uchebnoj motivacii studentov [Features of student learning motivation] // *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Serija: Problemy vysshego obrazovaniya*. 2015. N 4 (in Russian).

Uchenye IPO izuchali motivaciju uchebnoj dejatel'nosti studentov KFU v uslovijah pandemii COVID-19 [IPE scientists studied the motivation of educational activities of KFU students in the context of the COVID-19 pandemic] / *Sajt Kazan. feder. un-ta*. URL: <https://kpfu.ru/psychology/uchenye-ipo-izuchali-motivaciju-uchebnoj-408399.html> (accessed: 24.01.2022) (in Russian).

Ulanova Ju. Teoreticheskie podhody k ponimaniju motivacii uchashhihsja k uchebnoj dejatel'nosti [Theoretical approaches to understanding students' motivation for learning activities] // *Vesennie psihologo-pedagogicheskie chtenija: materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj pamjati pochetnogo professora AGU A.V. Burovoj, 19 aprelja 2017* / Sostavit. I.A. Eremickaja, O.A. Halifaeva. Astrakhan, 2017 (in Russian).

Uroki "stress-testa": vuzy v uslovijah pandemii i posle nee (analiticheskij doklad) [Lessons from the "stress test": universities in the context of the pan-

demic and after it (analytical report)]. M., 2020. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (accessed: 02.02.2022) (in Russian).

Vihanskij O.S., Naumov A.I. Menedzhment [Management]. M., 1999.

Vlijanie pandemii COVID-19 na sektor vysshego obrazovanija i magistraturu: mezhdunarodnyj, nacional'nyj i institucional'nyj otvet [The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Higher Education Sector and Masters: International, National and Institutional Response]. M., 2020. URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (accessed: 02.02.2022) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-239-254

ОТНОШЕНИЕ РАБОТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ

А.В. Рудковская, асп. кафедры социологии МГИМО МИД России. пр. Вернадского 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

Национальные проекты “Демография” и “Здравоохранение” в качестве одной из задач ставят повышение средней продолжительности жизни граждан, для чего необходима непрерывная профилактическая работа с населением по предупреждению риска развития ряда заболеваний через отказ от вредных привычек, регулярное прохождения диспансеризации, ведение здорового образа жизни. Предполагается, что распространение информации и экспертного знания о важности самосохранительных практик повысит внимание населения к своему здоровью и популяризирует превентивные меры по борьбе с рядом заболеваний. Изучение мнения экспертных групп о важности здоровья и соответствующих практик актуально и объясняется как интересом к поведению лидеров общественного мнения среди пациентов, так и низкими показателями продолжительности жизни медицинских работников. В соответствии с теорией функционалистской аномии в статье предпринята попытка описания поведения экспертных групп (работников медицинского учреждения) по отношению к своему здоровью в условиях аномии, выраженной в пренебрежительном отношении населения к своему здоровью посредством игнорирования правил здорового образа жизни, прохождения диспансеризации и вредных привычек. Для достижения поставленных задач по изучению общественного мнения профессионального сообщества в конце 2021 г. проведен деперсонализированный опрос среди работников бюджетного московского медицинского учреждения. Результаты опроса позволяют определить дисперсию типов отношения к здоровью, в том числе отношение к диспансеризации, приверженность вредным привычкам и их влияние на сложившиеся самосохранительные практики среди групп, обладающих экспертным знанием. Полученные результаты исследования свидетельствуют об эффективном влиянии экспертных знаний на отношение к своему здоровью в рамках профилактики рисков различных заболеваний.

Ключевые слова: аномия, отношение к здоровью, здоровье, самосохранительное поведение, диспансеризация, вредные привычки, конформность, ритуализм, нормальная аномия.

* Рудковская Анастасия Владиславовна, e-mail: a.rudkovskaia@inno.mgimo.ru

ATTITUDES AMONG HEALTHCARE PROFESSIONALS TOWARD THEIR HEALTH

Rudkovskaya Anastasia V., PhD student, Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations, Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: a.rudkovskaia@inno.mgimo.ru

This article focuses on the attitudes of healthcare workers toward their health and the influence of socio-demographic characteristics and harmful habits (smoking, drinking alcohol) on them. According to the national projects “Demography” and “Public Health,” one of the key contemporary strategic goals is to increase average life expectancy, which requires ongoing interaction with the population to lower risks of developing certain diseases. This can be achieved through regular medical check-ups, breaking bad habits, and in a variety of other ways. It is assumed that the circulation of information and expert knowledge on the importance of good health practices will increase public attention to their health. The study of the behavior of expert groups is pertinent because of the low life expectancy among medical professionals and high interest in their healthcare practices among the public. Using Merton’s anomie theory as a framework, this article attempts to account for the differences in attitudes among healthcare professionals toward their health. We conducted a quantitative sociological survey among medical professionals who work for the Moscow Health Care System. This research allows us to determine the dispersion of various types of health attitudes, including attitudes toward medical examinations, adherence to bad habits, and their impact on healthcare practices among groups with expert knowledge. The results of this study demonstrate the effective influence of expert knowledge on attitudes toward one’s health.

Key words: *anomie, health, health care, healthcare behaviour, check-up, harmful habits, normal anomie, ritualism, conformity.*

Качество и продолжительность жизни населения определяется множеством факторов — начиная от имеющейся инфраструктуры до субъективных установок населения. Факторы стагнации или снижения показателей, демонстрирующих уровень здоровья граждан, сигнализируют как о серьезном внешнем воздействии, например, пандемии, так и об аномии. Понятие аномии в социологическом контексте трактуется как болезненное состояние общества¹ — дисфункциональность социальных структур, выражающаяся в рассогласованности культурных требований, предполагающая нацеленность на успех, и дифференцированных возможностей, что не позволяет индивиду достичь общественных целей институциональными средствами². В рамках данной работы отметим, что безусловной целью национальных проектов и государства является здоровье нации.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. 1992. № 2–4.

Добиться данной цели можно посредством выполнения ряда действий, в том числе направленных на профилактику вреда курения и алкоголизма, раннюю диагностику заболеваний, наличие высоких показателей смертности, т.е. на борьбу с аномией в обществе. Аномия выражается в отсутствии у большинства населения возможностей проводить профилактические медосмотры, своевременно принимать качественное лечение, а также в росте апатии, безразличия к своему здоровью.

Ответственность перед обществом за физическое состояние пациентов несут на себе в том числе и работники сферы здравоохранения, чья работа заключается в обеспечении, сохранении и укреплении общественного здоровья³. Актуально выявить природу аномии среди медицинских работников, чья продолжительность жизни, по мнению исследователей, ниже, чем у пациентов⁴. Тенденция относительно пациентов низкой продолжительности жизни объясняется опасными условиями труда, в том числе работой с вредными для организма веществами, повышенным риском заражения, а также синдромом эмоционального выгорания. Дать точную статистику по уровню заболевания врачей затруднительно, так как медицинские работники занимаются самолечением, обращаются за неофициальными консультациями к коллегам⁵. Также отмечается, что среди медицинских работников распространена табачная зависимость⁶. Все вышеперечисленное актуализирует интерес к изучению отношения медицинских работников к своему здоровью и выявлению природы аномии.

Для нейтрализации аномии в сфере здоровья нации разработаны и реализуются национальные проекты “Здравоохранение”⁷ и “Демография”⁸, ключевые цели которых направлены на повышение качества жизни и ее средней продолжительности посредством снижения смертности от различных заболеваний, укрепления общественного здоровья, в том числе формирования привычки среди

³ Осипова Н.Г., Семина Т.В. Личность врача в современном социуме: идеальный тип и профессиональные деформации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 4–29.

⁴ Сокол А.Ф. Здоровье и болезни врачей: динамика социально-психологических особенностей // Здоровье и образование в XXI веке. 2015. № 4.

⁵ Гатиятуллина Л.Л. Состояние здоровья медицинских работников // Вестник современной клинической медицины. 2016. № 3.

⁶ Там же.

⁷ Национальный проект “Здравоохранение”. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie> (дата обращения: 24.04.2022).

⁸ Национальный проект “Демография”. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 24.04.2022).

граждан заботиться о своем здоровье и использовать инфраструктуру социальной системы страны, например, институты здравоохранения, культуры, спорта. Реализация проектов предполагает не только модернизацию процессов и инфраструктуры оказания медицинской помощи, трансформацию социальных институтов, но и повышение уровня информированности граждан о рисках заболеваний. Национальный проект “Демография” включает в себя федеральный проект “Укрепление общественного здоровья”, который направлен на формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровье питание и отказ от вредных привычек. В паспорте национального проекта “Здравоохранение” отмечается, что в рамках реализации задач проекта проводится популяционная профилактика заболеваний, подразумевающая информирование пациентов о рисках различных заболеваний. Для решения этих задач особое значение приобретает распространение экспертного знания, носителями которого являются медицинские работники разного уровня и профиля. Кроме того, именно от медработников, как правило, ожидают не только помощи, но и примера ответственного отношения к своему здоровью. В связи с этим особенно актуальным становится анализ отношения профессиональных медиков к своему здоровью. Актуальность этой проблемы усиливается ситуацией пандемии COVID-19, во время пика которой не только чрезвычайно выросла нагрузка на медработников, усилились профессиональные риски. Что коррелирует с данными о том, у медицинских работников преобладают хронические полиэтиологические заболевания, формирующиеся под влиянием комплекса факторов, включающих образ и условия жизни, на фоне постоянно возрастающих профессиональных требований и нагрузки⁹. Работа в лечебных учреждениях предъявляет значительные требования к организму работающего, его физическому состоянию и выносливости¹⁰, что также подчеркивает актуальность изучения отношения медицинских работников к своему здоровью.

Для анализа отношения работников медицинских учреждений к своему здоровью в условиях наличия институциональных возможностей для проверки своего здоровья, экспертного знания и согласованных с обществом целей по его поддержанию используется функционалистская теория аномии Р. Мертон. Данная теория рассматривает поведение через призму двух взаимосвязанных

⁹ Петрова Л.Е. Табакокурение в среде медицинских работников: проблемы и возможные пути их решения // Главный врач: хозяйство и право. 2012. № 3. С. 74.

¹⁰ Ермолина Т.А., Мартынова Н.А., Калинин А.Г., Красильников С.В. Состояние здоровья медицинских работников. Обзор литературы // ВНМТ. 2012. № 3.

переменных: целей и средств. Где цель — быть здоровым, а институциональные средства — вести здоровый образ жизни, отказаться от вредных привычек, своевременно проходить профилактические медицинские осмотры. С помощью поиска взаимосвязи цели и ее достижения мы определим наиболее популярные способы адаптации медицинских работников в условиях борьбы с аномией. В работе мы будем учитывать различное отношение медицинских работников к средствам поддержания их здоровья, а именно отношению к диспансеризации, а также наличию вредных привычек.

Р. Мертон в своей теории выделил пять наиболее характерных типов поведения в условиях аномии: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж¹¹. Конформность характеризуется соответствием поведенческих моделей культурным целям и институциональным средствам, т.е. люди, разделяющие такой тип поведения, склонны признавать важность здоровья, вести, в меру возможностей, здоровый образ жизни, заботиться о своем здоровье и признавать эффективность диспансеризации, физических нагрузок и правильного питания. Инновация предполагает достижение институциональных целей альтернативными путями, игнорируя традиционные средства. С развитием инноваций появилась возможность поддерживать жизнедеятельность организма на высоком уровне с учетом употребления определенных таблеток или использования оздоровительных технологий, то есть организм человека достигает определенных нормативных показателей, например, гормональных, но за счет дополнительной терапевтической стимуляции. К ритуалистам отнести можно тех, кто не особо задумывается о сохранении здоровья, не разделяет однозначного мнения о пользе диспансеризации, физических нагрузках, здоровом образе жизни и других общепризнанных мерах, но все равно придерживается общественных правил и норм в силу ряда обстоятельств, например, из-за нормативных регламентов работники медицинских учреждений не могут отказываться от вакцинации или пропускать диспансеризацию без уважительных причин. Учитывая специфику организации труда медицинских работников, модели поведения мятежа и ретритизма не будут рассматриваться, так как работников медицинских организаций обязывают проходить регулярную диспансеризацию, т.е. они не могут полностью отвергать распространяемые в обществе способы достижения целей. Задача данной работы также не включала в себя вычленение представителей инновационной модели, так как среди них предполагается

¹¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.

популярность альтернативных методов лечения, которые могут не одобряться легитимными институтами.

Для анализа типологий поведения отношения работников медицинского учреждения к своему здоровью в 2021 г. проведен деперсонализированный опрос. Анализ данной группы позволит определить связь между знаниями, жизненным опытом и поведенческими практиками в отношении своего здоровья. Таким образом, теоретический объект исследования — типы поведения работников медицинских учреждений к своему здоровью, эмпирический объект исследования — работники медицинского учреждения, разделенные на группы в зависимости от наличия медицинского образования, уровня образования, стажа, пола, возраста. Предмет исследования — отношение к здоровому образу жизни сотрудников медицинского учреждения в условиях наличия экспертного знания и опыта.

В деперсонализированном опросе приняли участие 222 респондента. Все респонденты трудоустроены в медицинском учреждении. Среди опрошенных 24% врачей, 68% медицинских сестер/братьев, а также опрошены прочие работники без среднего специального или высшего медицинского образования — 8%.

В ходе опроса респондентам было задано несколько блоков вопросов: об отношении к ценности здоровья, о субъективных оценках своих усилий по поддержанию здоровья, об отношении к диспансеризации и о вредных привычках. Представленные связи являются статистически значимыми, максимальный уровень допустимой двухсторонней асимптотической значимости не превышает 0,050.

Типы поведения работников медицинского учреждения выделялись двумя способами: с помощью индикаторов среди предложенных вариантов ответа, с помощью построения новых переменных.

Результаты опроса. Все респонденты в 2021 г. прошли диспансеризацию в одном из диагностических центров столицы¹². Основной мотив прохождения диспансеризации работников медицинского учреждения соответствует поведению конформистов — это желание контролировать состояние своего здоровья, с таким

¹² Приказ Минздрава России от 28.01.2021 N 29н (ред. от 01.02.2022) “Об утверждении Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации, перечня медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также работам, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры” (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 N 62277).

мотивом согласен каждый второй работник. 41% отмечают, что вынуждены пройти диспансеризацию для соблюдения требований своего учреждения, что в большей степени соответствует поведению ритуалистов. Люди, которые употребляют алкоголь выше установленной кардиологами дневной нормы, чаще других в качестве мотива для прохождения диспансеризации выбирают необходимость для отчетности по работе. Иными словами, девиантные привычки скорее свойственны работникам медицинских учреждений, которые не относятся к конформистам.

Взгляды на прохождение диспансеризации детерминированы социально-демографическими характеристиками. Люди старше 35 лет чаще, чем молодежь, отмечают, что хотят контролировать состояние своего здоровья. Эту же причину как мотив прохождения диспансеризации чаще выбирают те, у кого есть высшее образование.

Порекомендуют проходить диспансеризацию значимым другим - членам своей семьи 83% респондентов, только 9% скорее не порекомендуют. Рекомендующие проходить диспансеризацию своим родственникам чаще проходят диспансеризацию для контроля состояния здоровья и из-за желания быть спокойными о состоянии своего организма, но реже проходят диспансеризацию только потому, что ее прохождение установлено внутренним регламентом.

48% респондентов обратятся к другим медицинским специалистам для прохождения профилактического осмотра в этом году помимо пройденной диспансеризации. 35% скорее не обратятся, остальные затрудняются дать ответ. Иными словами, деятельность, направленная на поддержание оптимальных параметров здоровья и выходящая за рамки диспансеризации¹³, характерна примерно каждому второму работнику медицинской организации. Полученные результаты коррелируют с результатами другого исследования, в котором отмечается, что необходимость оптимизации образа жизни и своевременного обращения за медицинской помощи не является для медиков (как и населения в целом) первоочередной задачей в отличие от решения бытовых проблем¹⁴. Чаще к другим специалистам обратятся те, у кого есть дети, что позволяет предположить, что от-

¹³ Шаповалова И.С., Вангородская С.А., Полухин О.Н., Пересыпкин А.П., Ки-
силенко А.В. Самосохранительное поведение россиян: диспозиции и риски // Про-
блемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 1.

¹⁴ Светличная Т.Г., Смирнова Е.А. Здоровье и образ жизни медицинских ра-
ботников психиатрических учреждений // Социальная и клиническая психиатрия.
2015. № 2.

ветственность за собственное здоровье может коррелировать с чувством ответственности за организацию быта других членов семьи.

Респондентов попросили оценить по пятибалльной шкале уровень удовлетворенности процессом прохождения диспансеризации. В большей степени сотрудники медицинского учреждения удовлетворены количеством специалистов, которое они посетили, в меньшей степени их удовлетворили консультации после проведения диспансеризации, а также возможность принять пищу после сдачи анализов в поликлинике. Результаты проведенного факторного анализа в различных возрастных группах продемонстрировали соотношение ключевых условий качества и удобства прохождения диспансеризации. Молодежь помимо качества исследований и консультаций, а также объема исследований обращает внимание на возможность приема пищи, места и времени прохождения диспансеризации. Люди в возрасте от 36 до 45 лет большее внимание уделяют времени прохождения диспансеризации, возможности принять пищу и качеству исследований и консультаций специалистов. В возрасте от 46 до 55 лет внимание уделяется чаще диагностическим процедурам, а также возможности принять пищу. Люди в возрасте старше 56 лет игнорируют фактор возможности приема пищи, но обращают внимание на необходимость получения консультации после прохождения диспансеризации. Результаты факторного анализа подтверждают ранее полученные данные, согласно которым люди старше 55 лет чаще проходят диспансеризацию не для отчетности по работе, а в рамках заботы о своем здоровье. Примечательно, что люди предпенсионного возраста не отмечают возможность принять пищу, хотя на диспансеризацию приезжают на голодный желудок. Предполагаем, что это связано с ранними установками, согласно которым в медицинских учреждениях было невозможно принимать пищу.

Для сравнения ключевых условий прохождения диспансеризации были созданы новые переменные посредством суммарного индекса, таким образом, мы сложили уровень удовлетворенности и время ожидания приема специалистов в один критерий, маршрутизацию между кабинетами и место для приема пищи после сдачи анализов в другой критерий, отдельными критериями стало качество и количество исследований и консультаций. С помощью Т-критерия для парных выборок удалось установить, что количеством исследований довольны значительно в большей степени, чем их качеством. Также такими критериями, как местом нахождения и временем в диагностическом центре довольны больше, чем наличием места для питания и внутренней маршрутизацией пациентов.

Рис. 1. Уровень удовлетворенности условиями прохождения диспансеризации, %

Различий между объемом исследований и их качеством не выделяют те, кто скорее не порекомендует проходить диспансеризацию членам своей семьи, а также те, кто ставит низкие оценки своим действиям по заботе о своем здоровье, т.е. ритуалисты. Чаще конформисты, т.е. те, кто рекомендует проходить диспансеризацию членам своих семей, довольны объемом исследований, консультациями после проведения диспансеризации.

Основные причины обращения к врачу среди опрошенных — острые недомогания (56%), оформление листа нетрудоспособности (40%), а также 37% отметили прохождение планового осмотра. Каждый четвертый обратится к специалисту в случае первых признаков недомоганий, каждый пятый только, если проверенные методы не действуют. Большинство респондентов с высокой вероятностью порекомендуют обратиться к врачу своим близким при выявлении у них первых признаков болезни. Те, кто порекомендует своим близким пройти диспансеризацию, с большей вероятностью порекомендует и обратиться к врачу при первых признаках болезни.

Выявлена статистически-значимая связь между наличием вредных привычек и обращением за медицинской помощью. На плановый осмотр чаще обращаются те, кто не курит. Те, кто вообще не употребляет алкогольные напитки, чаще обращаются к врачу для прохождения планового осмотра. Данные связи подтверждают вывод о том, что практики саморазрушительного поведения имеют обратную корреляцию с практиками самосохранительного поведения.

Люди, удовлетворенные материальным положением или частично удовлетворенные, чаще обращаются к врачу для прохождения планового осмотра, реже в случае острых недомоганий. Люди, не удовлетворенные материальным положением, чаще обращаются к врачу в ситуации, если назначенные ранее средства не помогли. Люди старше 56 лет реже других обращаются к врачу при первых признаках недомоганий, это объясняется особенностями старения организма. Молодежь до 36 лет реже других обращается к врачу в случае острых признаков недомоганий.

Работников медицинского учреждения попросили оценить свое психологическое и физическое состояние здоровья по 10-балльной шкале, далее перекодировали шкалу до 3-балльной. 3% оценили свое физическое состояние как плохое, 4% аналогичного мнения о своем психологическом состоянии. 38% оценивают свое физическое состояние на средние баллы, только 20% дают аналогичные оценки своему психологическому состоянию. 59% считают, что их физическое состояние хорошее, 76% думают так о психологическом состоянии. Средний балл психологического здоровья выше, чем физического: 8,2 балла — средняя оценка психологического здоровья и 7,72 балла средняя оценка физического состояния по 10-балльной шкале. Чем выше оценка психологического здоровья, тем выше оценка физического состояния. Определяющим является именно оценка психологического здоровья, ее значение предопределяет оценку физического состояния. Данные результаты подтверждены с помощью коэффициента Лямбды. Такая связь не сохраняется в группе курящих людей.

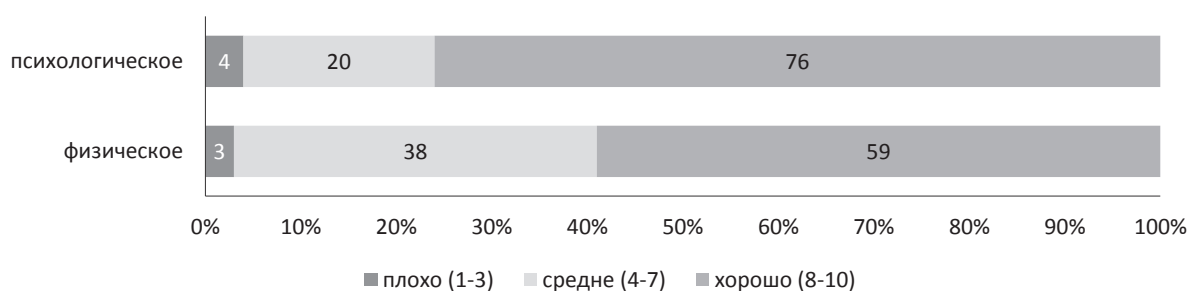

Рис. 2. Самооценка психологического и физического здоровья, %

Возраст и пол предопределяют оценки здоровья: мужчины ставят более высокие оценки физической форме, чем женщины. Чем старше возраст, тем ниже средние оценки физического и психологического здоровья. Примечательно, что среди людей в возрасте до 35 и старше 56 лет нет прямой или обратной связи между оценками психологического и физического здоровья. Такие связи могут объясняться тем, что до 35 лет здоровье еще не беспокоит, а после 56

приходит понимание и принятие ухудшения здоровья из-за возраста.

У тех, кто употребляет алкоголь не чаще нескольких раз в год, статистически значимыми являются различия между физическим и психологическим самочувствием — психологическое значительно выше. У употребляющих алкоголь регулярно (ежемесячно и чаще) и не употребляющих вообще различий между оценками психологического и физического здоровья нет. Значит те, кто ограничивает прием алкогольных напитков до нескольких раз в год, делает это по причине физического самочувствия, что демонстрирует рациональное отношение к поддержанию своего здоровья, которое исходя из субъективных оценок, не в лучшей форме.

Работников медицинских учреждений попросили оценить, насколько для них важно быть здоровым и физически активным, а также свои действия, направленные на достижение желанного результата по 5-балльной шкале. Средние оценки желания быть здоровым 4,68. Средний балл оценок того, как получается следить за здоровьем 3,7. В среднем свои успехи по контролю за распределением физических нагрузок оценивают на 3,7, когда средний балл важности распределения физических нагрузок — 4,2. Различия между важностью ценности и собственными действиями следующие: ценность всегда оценивают выше, чем собственные усилия, такие различия статистически значимы. Разрыв между ценностью и действиями больше, когда речь идет о здоровье в целом, чем о физических нагрузках.

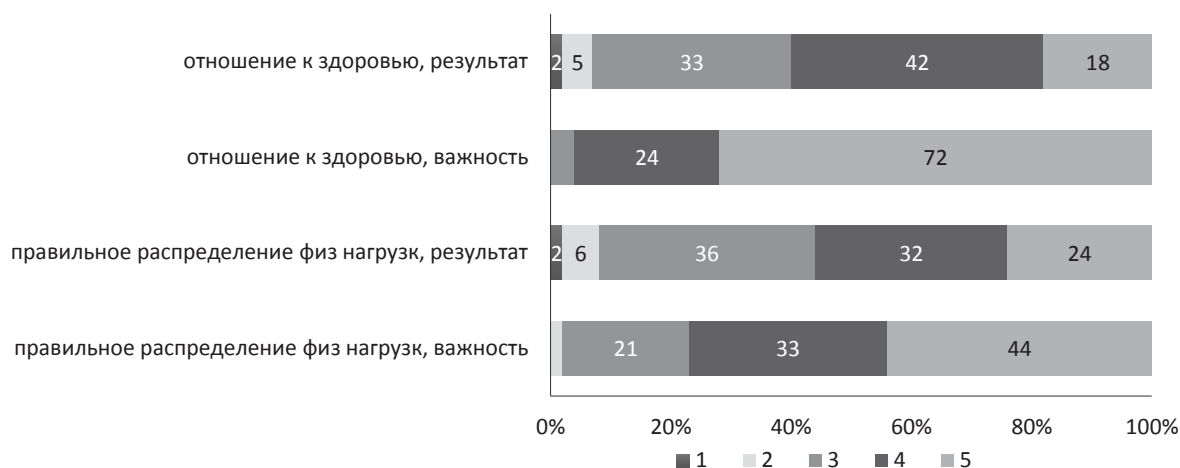

Рис. 3. Уровень важности ценности и самооценки собственных действий, %

Важность ценности здоровья оценивают выше те, кто не курит, эта связь статистически значима и подтверждена с помощью проверки связей методом однофакторного дисперсионного анализа:

средний балл важности ценности здоровья среди курящих 4,54, а среди тех, кто не курит 4,72.

У курящих людей отсутствует прямая корреляционная связь между тем, насколько получается следить за здоровьем и насколько это важно, у некурящих людей такая связь выражена больше. Отсутствие подобной связи демонстрирует факт понимания курящими людьми урона своему здоровью, мы можем сказать, что “нормальная аномия” выражается в отсутствии синхронизации ценностей и действий, направленных на достижение этой ценности.

Таблица 1

Сравнение средних показателей отношения к физической нагрузке и здоровью в зависимости от наличия вредных привычек, средний балл

	Физическая нагрузка				Здоровье			
	Важность	Реальность	Разница средних	Значимость различий между ценностью и действием	Важность	Реальность	Разница средних	Значимость различий между ценностью и действием
Общее	4,2	3,7	0,5	0,000	4,68	3,7	0,98	0,000
Курящие	4	3,63	0,37	0,005	4,53	3,67	0,86	0,000
Некурящие	4,26	3,7	0,57	0,000	4,72	3,69	1,037	0,000
Ежемесячно	4,27	3,71	0,56	0,000	4,7	3,71	0,99	0,000
Ежегодно	4,13	3,61	0,52	0,000	4,73	3,7	1,029	0,014
Не пью	4,21	3,79	0,43	0,000	4,53	3,74	0,8	0,000

Ценность здоровья и умеренных физических нагрузок оцениваются выше собственных попыток реализовать эти ценности: разница средних оценок в парах “ценность — собственные усилия” в отношении физических нагрузок и здоровья в целом статистически значима. Отсутствие наивысшей оценки попыток сохранения здоровья и умеренной физической нагрузки объясняются приверженностью респондентов к модели ритуализма, а не конформизма.

В ходе исследования удалось выявить идеальный тип конформистов и ритуалистов, в первую группу вошло 35 человек, во вторую 29. К первой группе **конформистов** относятся те, кто оценивают здоровье как наивысшую ценность (ставят балл “5” по 5–балльной шкале») и прикладывают максимум усилий по его сохранению в рамках институционализированной медицины. Во вторую группу

ритуалистов входят те, кто оценивает важность ценности здоровья на “4” из “5”, также характеризуют свои усилия по сохранению данной ценности (на “4” из “5”). Среди тех, кого мы относим к конформистам, на 13% больше врачей, чем среди ритуалистов. Конформисты значительно реже проходят диспансеризацию ради отчетности по работе, чем ритуалисты. Ритуалисты в меньшей степени удовлетворены количеством исследований во время диспансеризации. Конформистам в большей степени важно распределять физические нагрузки.

Полученные результаты опроса демонстрируют вариативность моделей поведения по отношению к своему здоровью в экспертной группе, обладающей медицинскими знаниями и опытом, который стремятся популяризировать в массах для профилактики различных заболеваний. Факт наличия профессиональных экспертных знаний влияет на предпочтительный тип поведения в условиях анонии: обладающие большей профессиональной квалификацией (врачи) скорее оказываются конформистами, в то время как обладающие обрывочными знаниями, построенными на основе наблюдений — медицинские сестры и работники административного блока чаще склонны к ритуализму, т.е. выполнению предписанных регламентами и обществом действий без наличия глобальной цели заботы о здоровье, а ради закрытия формальностей. Ритуалисты согласны выполнять определенные обязательные ритуалы, например, проходить диспансеризацию, но не проявляют дополнительных инициатив. В то время как конформисты характеризуются проявлением большего количества действий в отношении своего здоровья. Результаты опроса подчеркивают эффективность наличия экспертных знаний и позволяют подтвердить необходимость дальнейшей популяризации знания в обществе для профилактики рисков различных заболеваний.

Несмотря на осознанное отношение к существующим рискам, например, риску курения или игнорированию профилактических приемов, некоторые медицинские работники воспринимают такие практики как нормальные, привычные¹⁵. С одной стороны, такое стирание границ между осознанием опасности и принятием ее является выражением “нормальной анонии”¹⁶, что помогает адаптироваться в обществе и, например, снижает синдром эмоциональ-

¹⁵ Бояркина С.И. Условия труда российских врачей: риски для здоровья и инфекционной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 3.

¹⁶ Кравченко С.А. “Нормальная анония”: производство “ничто” // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 17–33.

ного выгорания, с другой стороны, это негативно складывается на физическом здоровье медицинских работников, ведет к возникновению хронических заболеваний и подает негативный пример людям, доверяющим поведению экспертов (в данном случае медицинских работников) и воспроизводящих их собственные практики поведения. Таким образом, подобное поведение медицинских работников не позволяет говорить о поддержке гражданского общества в реализации национальных программ, направленных на формирование здоровья-сбережения и использования самосохранительных практик¹⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.

Бояркина С.И. Условия труда российских врачей: риски для здоровья и инфекционной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 3. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.306>.

Гатиятуллина Л.Л. Состояние здоровья медицинских работников // Вестник современной клинической медицины. 2016. № 3.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Ермолина Т.А., Мартынова Н.А., Калинин А.Г., Красильников С.В. Состояние здоровья медицинских работников. Обзор литературы // ВНМТ. 2012. № 3.

Кравченко С.А. “Нормальная аномия”: производство “ничто” // Социологическая наука и социальная практика, 2016. № 3. С. 17–33.

Мертон Р. Социальная структура и аномия. М., 1966.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. 1992. № 2–4.

“Нормальная аномия” в России и современном мире: Коллективная монография / Под общ. ред. С.А. Кравченко. М., 2017.

Осипова Н.Г., Семина Т.В. Личность врача в современном социуме: идеальный тип и профессиональные деформации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 4–29.

Петрова Л.Е. Табакокурение в среде медицинских работников: проблемы и возможные пути их решения // Главный врач: хозяйство и право. 2012. № 3. С. 48–53.

Ростовская Т.К., Иванова А.Е., Князькова Е.А. Практики самосохранительного поведения россиян (результаты всероссийского социологического исследования Демографическое самочувствие России) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 66–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75>

¹⁷ Ростовская Т.К., Иванова А.Е., Князькова Е.А. Практики самосохранительного поведения россиян (результаты всероссийского социологического исследования Демографическое самочувствие России) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 66–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75>

Светличная Т.Г., Смирнова Е.А. Здоровье и образ жизни медицинских работников психиатрических учреждений // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. № 2.

Сокол А.Ф. Здоровье и болезни врачей: динамика социально-психологических особенностей // Здоровье и образование в XXI веке. 2015. № 4.

Шаповалова И.С., Вангородская С.А., Полухин О.Н., Пересыпкин А.П., Кусиленко А.В. Самосохранительное поведение россиян: диспозиции и риски // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 1.

REFERENCES

Antonov A.I. Problemy izuchenija samosohranitel'ngo povedenija naselenija v demografii [Studying the Self-preserving Behavior of the Population in Demography] // Demograficheskoe povedenie i vozmozhnosti social'nogo vozdejstviya na nego v usloviyah socializma. M., 1986 (in Russian).

Bojarkina S.I. Uslovija truda rossijskih vrachej: riski dlja zdorov'ja i infekcionnoi bezopasnosti [Working Conditions of Russian Medical Professionals: Risks to Health and Infectious Safety] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija. 2018. N 3 DOI:<https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.306> (in Russian).

Cvetlichnaja T.G., Smirnova E.A. Zdorov'e i obraz zhizni medicinskih rabotnikov psixiatricheskih uchrezhdenij [Health and Lifestyle Characteristics of Medical Professionals working in Psychiatric Facilities] // Social'naja i klinicheskaja psixiatrija. 2015. N 2 (in Russian).

Djurkgejm, E. O razdelenii obshhestvennogo truda [The Division of Labour in Society]. Metod sociologii. M., 1991 (in Russian).

Ermolina T.A., Martynova N.A., Kalinin A.G., Krasil'nikov S.V. Sostojanie zdorov'ja medicinskih rabotnikov. Obzor literatury [State of Health of Medical Workers. Literature Review] // VNMT. 2012. N 3 (in Russian).

Gatijatullina L.L. Sostojanie zdorov'ja medicinskih rabotnikov [State of Health of Medical Workers] // Vestnik sovremennoj klinicheskoy mediciny. 2016. N 3 (in Russian).

Kravchenko S.A. "Normal'naja anomija": proizvodstvo "nichts" ["Normal Anomie": the Production of "Nothing"] // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2016. N 3. S. 17–33 (in Russian).

Merton R. Social'naja struktura i anomija [Social Structure and Anomie]. M., 1966 (in Russian).

Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social Theory and Social Structure] // Socis. 1992. N 2–4 (in Russian).

"Normal'naja anomija" v Rossii i sovremennom mire: kollektivnaja monografija [Normal Anomie in Russia And Modern World] / Pod obshhej red. S.A. Kravchenko-M., 2017 (in Russian).

Osipova N.G., Semina T.V. Lichnost' vracha v sovremennom sociume: ideal'nyj tip i professional'nye deformacii [The Doctor's Personality in Modern Society: the ideal Type and Professional Deformation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2017. T. 23. N 3. S. 4–29 (in Russian).

Petrova L.E. Tabakokurenje v srede medicinskih rabotnikov: problemy i vozmozhnye puti ih reshenija [Smoking among Healthcare Workers: Problems and ways of Dealing with them] // Glavnyj vrach: hozjajstvo i pravo. 2012. N 3 (in Russian).

Rostovskaja T.K., Ivanova A.E., Knjaz'kova E.A. Praktiki samosohranitel'nogo povedenija rossijan (rezul'taty vserossijskogo sociologicheskogo issledovanija De-

mograficheskoe samochuvstvie Rossii) [The Practice of Self-Preserving Behavior among Russian citizens: the Results of the All-Russian Sociological Study “The Demographic Well-Being of Russia”] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2021. T. 29. N 1. S. 6–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1-66-75> (in Russian).

Shapovalova I.S., Vangorodskaja S.A., Poluhin O.N., Peresypkin A.P., Kisilenko A.V. Camosohranitel'noe povedenie rossijan: dispozicii i riski [The Self-Preserving Behavior of Russian Population: Dispositions and Risks] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2020. N 1 (in Russian)

Sokol A.F. Zdorov'e i bolezni vrachej: dinamika social'no-psihologicheskikh osobennostej [Health and Diseases of Doctors: Dynamics of Social and Psychological Features] // Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke. 2015. N 4 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-255-276

ПОСЛОВИЦА КАК ИНДИКАТОР ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОФИЦЕРОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ И СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д.Г. Передня, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, ул. Б. Садовая, 14, г. Москва, Российская Федерация, 123001*

В.В. Чернов, канд. социол. наук, доц., преп. кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного учебно-научного центра (ВУНЦ) Сухопутных войск, "Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации", пр. Девичьего Поля, д. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119992**

В статье с опорой на эмпирические данные проанализированы ценностные ориентации относительно больших и сопоставимых по численности профессиональных групп, офицеров Вооруженных Сил России и сотрудников полиции (МВД) России. Цель исследования — понять ценностно-смысловые конструкции, через которые респонденты выражают свое отношение к окружающей социальной действительности. Для этого респондентам было предложено написать любимую пословицу, которой они стараются "соответствовать" в своем поведении. Авторы статьи исходили из предположения, что интерпретированные высказывания фольклорного типа (пословицы, поговорки) отражают ценностные ориентации индивидов исследуемых профессиональных групп. На неформальном уровне являются мотивационными регуляторами их жизнедеятельности. Исследование позволило определить "границы" пословичной картины мира офицеров Вооруженных Сил РФ и сотрудников полиции. В ходе проведенного анализа опросных листов получено четыре группы пословиц (поговорок). Первая — пословицы и поговорки об отношении к труду, работе, службе; вторая группа — пословицы подчеркивающие отношение к качествам личности, характеризующие взаимоотношения в процессе службы и межличностное общение. Третья группа пословиц выражает реакцию и отношение респондентов к внешней среде и подходах к принятию социально значимых решений. Четвертая группа пословиц характеризует отношение респондентов к корпоративной культуре, профессиональной солидарности, к коллективизму и индивидуализму в процессе профессиональной деятельности. В статье описаны наиболее значимые фрагменты диспозиционной картины мира представителей обеих профессиональных групп. Обнаруженные свойства находятся в границах общечеловеческих терминальных ценностей и имеют конструктив-

* Передня Дмитрий Григорьевич, e-mail: 2975829@mail.ru

** Чернов Виталий Вениаминович, e-mail: colonel60@bk.ru

ную, солидаризирующую направленность. В ходе проведенного сравнительного анализа стало понятно какие ценностные ориентации преобладают в рядах сотрудников полиции и офицеров Вооруженных Сил РФ, своеобразие их мировосприятия с учетом профессионального опыта.

Ключевые слова: нормативное поведение, пословица, военнослужащий, полицейский, ценностные ориентации.

THE PROVERB AS AN INDICATOR OF THE NORMATIVE BEHAVIOR OF THE OFFICERS OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND POLICE OFFICERS: COMPARATIVE ANALYSIS

Perednya Dmitriy G., Cand. Sci. (Social), Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, The Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, st. B. Sadovaya, 14, Moscow, Russian Federation, 123001, e-mail: 2975829@mail.ru

Chernov Vitaly V., Cand. Sci. (Social), Lecturer of the Department Military Educational Research Centre of Ground Forces "Combined Arms Military Academy of Armed Forces" of the Russian Federation, Maiden's Field Ave., 4, Moscow, Russian Federation, 119992, e-mail: colonel60@bk.ru

Based on empirical data, the article analyzes the values of relatively large and comparable professional groups, officers of the Armed Forces and police officers of Russia. The aim of the research is to understand the semantic constructions through which the respondents symbolize their attitude to the surrounding reality. To do this, they were asked to write their favorite proverb, which they try to "match" in their behavior. The authors proceeded from the assumption that interiorized statements of the folklore type are life guidelines (social values) for representatives of professional groups. And at the informal level they are the regulators of their life. The study made it possible to determine the "boundaries" of the proverbial picture of the world of Russian officers and police officers. Further, within the established boundaries, four groups of statements were obtained. The first is proverbs and sayings about labor, work; the second is about human qualities, relationships during service, camaraderie and interpersonal communication. The third is about responses to external stimuli and approaches to decision-making. The fourth is about corporatism, professional solidarity, individualism and enterprise. The article describes the most significant fragments of the dispositional picture of the world of representatives of both professional groups. Typical personality traits and the social identity of professional groups recreated as a result of the research are determined by the specifics of the activity. The discovered properties are within the boundaries of universal human terminal values and have a constructive, solidarizing orientation. At the same time, it became possible to understand what value set prevails in the ranks of the police and the Armed Forces of our state, the originality of their perception of the world, taking into account professional experience.

Keywords: normative behavior, proverb, soldier, policeman, value orientations.

Введение

В социологии при исследовании профессий можно придерживаться различных подходов: деятельностного, личностно-квалификационного, стратификационного, структурно-функционального. В рамках первого упор делается на специфику трудовой деятельности, второй обращает внимание на уровень подготовленности представителей профессии к выполнению своих функций. При стратификационном подходе профессия рассматривается как фактор, воспроизводящий отношения равенства-неравенства в обществе. В данной статье мы хотим рассмотреть, как профессия заметным образом изменяет ценностно-нормативные установки ее представителей.

В контексте нашего исследования, необходимо отметить, что на этапе выбора профессии, индивидов можно условно разделить на две большие группы, — тех, кто видит себя в качестве представителя одной из силовых структур государства, желает носить погоны, разделять корпоративную культуру, ценности и традиции правоохранительного или военного ведомства. Другая группа, придерживается противоположных установок и предпочтений, так как не все готовы принять членство в таких организациях.

В современных социокультурных условиях постепенно начинают преобладать различные постмодернистские взгляды и ценности. Российская молодежь, например все больше разделяет ценности пацифизма, растет самоидентификация молодых людей как граждан мира¹. Постмодернистские идеи движутся желанием тотально раскрепостить человека вплоть до исчезновения какой-либо устойчивой социальной идентичности². Носители таких взглядов стремятся максимально дистанцироваться от жестко иерархичных организаций таких как, например, армия или правоохранительные органы.

Кроме того, не все могут пройти кадровый отбор, который отсеивает значительную часть кандидатов, желающих проходить службу в силовых структурах. Отсев происходит по медицинским, психологическим, профориентационным, когнитивным, демографическим, социальным показателям.

Представители этой группы вбирают из намного большего количества профессий, между ними значительно чаще происходят перемещения, смена видов трудовой деятельности. Именно среди

¹ Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; Ред.-сост. Д.Т. Цибилова. М., 2018. С. 218.

² Сигнаевская О.Р. Мир человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. С. 16.

представителей этой группы находит распространение фрилансовая занятость. В то время как молодежь, выбравшая профессии, связанные со службой в силовых ведомствах с большей вероятностью многие годы, проведет в пределах одной организации. Как следствие этого влияние профессии на индивидов окажется значительно сильнее.

В нашей статье речь пойдет о представителях двух наиболее многочисленных профессиональных групп принадлежащих к силовому блоку страны — Вооруженных Силах РФ (ВС РФ) и органах внутренних дел (ОВД). Социальные группы профессиональных военных и сотрудников полиции сформировались в процессе преодоления множества социальных и профессиональных барьеров различной степени сложности. Например, механизм профессионального психологического отбора отфильтровывает кандидатов желающих посвятить себя службе в Вооруженных Силах РФ или в правоохранительных органах в соответствии с теми профессионально-важными качествами, которые считаются предпочтительными для службы в этих ведомствах. Изначальные установки и предпочтения индивидов, затем обучение в ведомственных вузах, последующая служба на конкретных должностях закрепляют, развивают, оттачивают личностные качества, которые становятся характерными для профессиональных групп военнослужащих и сотрудников ОВД. Этот процесс детерминирован множеством социальных факторов как внутренней, так и внешней среды. Обе эти профессиональные группы выполняют важные государственные функции, решают значимые социально-политические задачи.

Офицеры российской армии представляют собой специфическую профессиональную группу, от деятельности которой существенным образом зависит безопасность государства от внешних вызовов и угроз. От деятельности сотрудников полиции зависит личная и общественная безопасность граждан нашей страны.

“В... условиях, характеризующихся неопределенностью и угрозами, возрастает роль Вооруженных Сил России, как одного из основополагающих элементов системы национальной безопасности и ее составной части, военной безопасности государства. Это в свою очередь влечет за собой возрастание требований к военно-профессиональной компетентности и квалификационным характеристикам личности военнослужащего, а в нашем случае личности офицера-руководителя”³.

³ Чернов В.В. Проблемы и противоречия гуманитарной подготовки офицеров-руководителей в контексте национальной безопасности России // Сборник материалов круглого стола “Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации”. М., 2020. С. 540–541.

Оказавшись на службе, военнослужащие и сотрудники ОВД погружаются в особые социокультурные условия. К тому же своеобразие их труда заставляет индивидов интериоризировать специфические нормы и ценности во многом не свойственные другим профессиональным группам. Постепенно у представителей этих организаций формируется особое мировоззрение, отличающееся от взглядов не только представителей других профессиональных групп, но и от представителей других силовых ведомств, иногда имеют место различного рода профессиональные деформации. Например, применительно к сотрудникам ОВД часто изучаются проблемы связанные с их профессиональным выгоранием⁴, либо профессиональной деформацией⁵.

Исследовательская задача

В процессе нашего исследования ставилась задача определить, каковы основополагающие ценностные ориентации личности офицера Вооруженных Сил России и сотрудника полиции. Ответить на этот вопрос достаточно сложно в виду, во-первых, общей организационной закрытости как военнослужащих, так и представителей ОВД, во-вторых, настороженного отношения представителей этих профессий к внешней среде. Также служебные отношения, как военнослужащих, так и сотрудников полиции, в значительной степени ограничены дисциплинарными уставами, нормами должностной субординации, установками подчиняться приказам. В процессе исследования на основе сравнительного анализа мы стремились определить отличия ценностных ориентаций, как офицеров Вооруженных Сил РФ, так и сотрудников органов внутренних дел России, непосредственно влияющих на формирование ценностно-нормативных моделей их поведения.

Методика исследования

В ходе сбора первичных данных была использована опросная методика. Структуру генеральной совокупности в первом случае составили старшие офицеры всех родов и видов войск, находящиеся на главных должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации,

⁴ Мальцева Т.В., Купцов А.А. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1 (76). С. 74.

⁵ Мальцева Т.В., Михайлова Т.В. Теоретические основы исследования профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел // Отбор граждан в органы внутренних дел и перевод сотрудников по службе: проблемы и опыт работы. Сб. мат-в межвуз. науч.-практ. конф. ВИПК МВД России. Домодедово, 2019. С. 58.

или планирующие в краткосрочной перспективе занять такие должности. Во втором случае, сотрудники старшего начальствующего состава ОВД занимающие руководящие должности различных уровней управления в ОВД: районного, регионального, федерального.

Респондентами от Вооруженных Сил РФ выступили офицеры в воинских званиях от майора до полковника включительно. Эта категория, типичная для российской армии, хорошо адаптированная к организационным и нормативным требованиям, так как имеет значительный стаж военной службы. В будущем эта категория военнослужащих станет замещать высшие должности в организационно-штатной структуре Вооруженных Сил РФ на различных уровнях военного управления: оперативном и стратегическом. Опрос проводился в одном из военных вузов во время обучения слушателей, как в магистратуре, так и в ходе краткосрочных курсов повышения квалификации, N-197.

Респондентами из числа сотрудников полиции выступили слушатели одного из вузов системы МВД России в специальных званиях от капитана до полковника. Эта категория также достаточно типичная для ОВД, хорошо интегрирована в организационную среду, является носителями актуальных организационных норм, требований, ценностных ориентаций, N-204.

Обе выборки репрезентативны для генеральной совокупности, структуру которой составляют старшие офицеры всех родов и видов войск, находящиеся на главных должностях в ВС РФ или планирующие в краткосрочной перспективе занять такие должности, а также сотрудники полиции находящиеся на должностях начальники ОВД или им равных или планирующие занять в ближайшее время должности начальников УВД или им равных.

Сбор первичных данных осуществлялся с ноября 2019 по октябрь 2021 г. Участникам исследования предлагалось написать любимую и значимую пословицу, которой они стараются “соответствовать” в своем повседневном поведении.

Подобный исследовательский подход был заимствован из совокупности методик, предложенных З.В. Сикевишем⁶. Респонденты в обоих случаях являются представителями мужского пола. В процессе опроса респонденты воспринимали задание как одну из надобностей тех, кто занимается подготовкой и проведением научных исследований. Ответы ими генерировались в спокойной, нейтральной обстановке, без каких-либо идеологических установок и тенденциозностей. В отличие от анкеты, с множеством в разной степени пря-

⁶ Сикевиш З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 97.

мых вопросов, знание о доминирующих в сознании респондентов смыслах и установках, аккумулированных в пословицах и поговорках, на наш взгляд более ценен. В дальнейшем собранный материал подвергался обобщению, группировке и содержательно-смысловому, количественно-качественному анализу и типологизации.

В теоретико-методологическом плане наш исследовательский замысел опирается на герменевтику. Это философское направление представляет собой достаточно разработанную основу получения новых знаний преимущественно из текстовых источников в целях последующей интерпретации культурных образований различной природы. Герменевтический подход получил распространение не только в социологии, но и в юриспруденции, культурологии, психологии, этнологии, лингвистике, педагогике⁷.

В методическом плане, представители различных наук для достижения исследовательских целей, при изучении пословиц, или другого фольклорного материала, задействовали как разновидности метода анализа документов, так и опросные методики. Получилось так, что из чисто интеллектуальной методики, исследующей процессы мыслительного обобщения в процессе восприятия содержания пословиц, она постепенно превратилась в исследование личности и особенностей ее регуляции⁸.

Анализ исследований личностных структур представителей силовых органов России показал, что проблемы профессиональной культуры, социального контроля, ценностных ориентаций, мотивации профессиональной деятельности персонала организаций, непрерывно находятся в поле зрения социологов⁹. В подавляющем большинстве случаев сбор первичных эмпирических данных осуществляется методом массовых или экспертных опросов. При этом изучение ценностных ориентаций офицеров Вооруженных Сил РФ и сотрудников полиции путем сравнительного анализа на основе интерпретации обширной базы пословичного материала проводится впервые, в виду чего предлагаемая вашему вниманию статья обладает определенной научной новизной и представляет интерес как в содержательном, смысловом, так и в методическом планах.

Пословицы вобрали в себя все нюансы оценочного отношения военнотружущих и сотрудников полиции к действительности, как

⁷ См., например: Сердюк Н.В. Введение в педагогическую герменевтику для руководителей правоохранительных органов: монография. М., 2006.

⁸ Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83.

⁹ См. например: Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. В.Ф. Бондаренко; Отв. ред. В.В. Попов; Ред. М.В. Барановский, В.А. Масликов, С.В. Назаренко. М., 2018. С. 103, 217, 324.

служебной, так и внеслужебной, ее восприятия и отражения. Пословицы, в данном случае, выполняли функции косвенного определения развернутого образа, который, по сути, является альтернативой понятийному мышлению. Работа Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюзони, нами использовалась для получения информации о некоторых вариантах классификации пословичного материала¹⁰. По нашему мнению, изложенная методика позволила достигнуть поставленных в исследовании целей, так как ценности, являясь ментальными образованиями, находят свое выражение с помощью вербальных средств¹¹. При соблюдении организационных и методических условий с помощью ее в будущем можно изучать динамические аспекты ценностных установок представителей силовых структур различных поколений.

Достоверность информации во многом обусловлена степенью доверия респондентов к организаторам исследования. В нашем случае необходимый уровень доверия был обеспечен. Но в целом это обстоятельство можно отнести к несовершенству представленной методики. Носители информации по проблеме не должны воспринимать исследовательскую ситуацию как политико-идеологическую, или морально-психологическую, тогда качество собранной информации не пострадает, полученные данные будут релевантными.

Результаты исследования

Оксфордский словарь дает следующее определение пословицы: «Пословица — это предложение, суждение, утверждение, передающееся из поколения в поколение, используемая людьми в определенной ситуации. Пословица имеет поучающую функцию, учит жить “на ошибках”». Родившиеся в гуще народной жизни, пословицы и поговорки широко употребляются не только в устной речи, но и в художественных произведениях, и в публицистике, и в средствах массовой информации.

Обратим внимание, что пословицы и поговорки являются частью фольклора. Иными словами, другими словами, это народное творчество, которое отражает ценностно-нормативное отношение к социальной действительности, а так же служит символическим индикатором общественного сознания. Фольклор включает в себя произведения, передающие основные важнейшие представления народа о главных жизненных ценностях: труде, семье, любви, об-

¹⁰ Montreynaud F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P., 2010. P. 89.

¹¹ Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2011. С. 4.

щественном долге, родине. Пословицы, как элементы фольклора, содержат культурные коннотации различных периодов общественного развития. По словам Е.С. Мезенцевой “это самый краткий и одновременно завершённый логически, художественно, поэтический вид фольклора”¹².

При проведении исследования респондентам, не ставилась задача заучивать, запоминать пословицы и поговорки, однако, часть из них оказалась интериоризирована, произвольным образом переведена на их внутриличностный уровень и, в конечном итоге, стала неформальным регулятором их социального поведения.

Несмотря на то, что предлагаемый вопрос указывал на пословицы, фактически респонденты приводили как пословицы и поговорки, так и цитаты значимых других, например, мыслителей древности, исторических личностей. В нашем случае это обстоятельство не влияло на качество полученных данных и не требовало дополнительной группировки по типу высказываний. Такое решение было принято, в том числе, и потому что пословицы и поговорки представляют собой близкую группу фольклорных элементов, как по природе происхождения, так и по функциональному назначению.

Множество обстоятельств обусловило то, что те или иные пословицы стали жизненными ориентирами, руководством к действию для представителей изучаемых профессиональных групп. По сути, они представляют собой квинтэссенцию профессиональной мудрости, почерпнутую не из законов, уставов, распоряжений, инструкций и приказов, наделенных юридической силой, а из коллективного сознания социальной общности.

Нормативные акты являются внешними регуляторами, нуждающегося свойства, в то время как ценностные ориентации — это часть личности и воспринимаются как регуляторы добровольные, не насильственные. Примем за основу понятие, “ценностные ориентации”, предложенное В.А. Ядовым. Он понимал под ценностными ориентациями разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения. По мнению этого известного советского и российского социолога именно ценностные ориентации выступают критериями принятия жизненно важных решений в ситуациях морального выбора, представлений о нормах поведения, которые человек рассматривает в качестве эталона¹³.

¹² Мезенцева Е.С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 2. С. 22.

¹³ Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013. С. 67.

Всего респондентами были сформулировано сопоставимое количество уникальных по смыслу высказываний. Респонденты из числа офицеров ВС РФ сгенерировали 148, из числа сотрудников ОВД 171 пословица или поговорка.

Рассмотрим полученный материал по обеим подвыборкам. Прежде выделим общую группу пословиц и поговорок, которые назвали как офицеры Вооруженных Сил РФ, так и сотрудники полиции. Это пословицы о труде, работе (учебе), службе. Для армейских офицеров таких пословиц оказалось 29. Модальной явилась поговорка: “Без труда не вытащишь и рыбку из пруда”. Встречались пословицы и поговорки характерные только для этой категории участников исследования, которые отражают специфику служебной деятельности военнослужащих, например, “Всю ночь кормить к утру зарезать”, или “Горячку пороть не будем, но к утру, чтобы было готово”.

Сотрудники полиции привели пословиц и поговорок из этой группы значительно больше, всего 53. При этом пословицы и поговорки отличались большим содержательным разнообразием. Модальным явилось высказывание: “Делу время потехе час”.

Анализируя полученные данные, вслед за В. Далем будем иметь в виду, что “она (пословица) не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств”¹⁴. Иными словами, мы можем предположить наличие связи между условиями служебной деятельности и социальными установками респондентов, а также их личностными характеристиками. Первая группа пословиц и поговорок указывает нам на совпадение доминирующих представлений о важности и ценности труда, изучаемых профессиональных групп, с представлениями и социокультурными установками всего российского общества. «Большую часть пословичного фонда о труде в русском языке занимают пословицы, которые учат трудолюбию, формируя положительное отношение к труду, обещающие награду за труд: “Труд украшает человека”»¹⁵.

Однако, по-видимому, сотрудники полиции существенно больше склонны рассматривать свою деятельность как труд, в то время как военнослужащие предпочитают говорить не о труде, а о службе. Наблюдение показывает, что даже в повседневных речевых практиках в подавляющем большинстве случаев полицейский скажет “мне

¹⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1957. Т. 1. С. 18.

¹⁵ *Галимеева М.В., Баиньсунбуэр И.* Сравнительный анализ пословиц о труде в русском и китайском языках // *Славянские чтения-2017. Сб. мат-в Междунар. науч.-практ. конф.* Башкирский государственный университет. Уфа, 2017. С. 149.

завтра на работу”, а офицер Вооруженных Сил РФ “мне завтра на службу”. Стоит отметить, что в офицерской среде существует термин — “ратный труд”, но он выполняет патетическую функцию и в ежедневном обиходе не используется.

Что касается состава пословиц и поговорок из этой группы то он примерно схож. Для обеих подгрупп типичными были высказывания: “Сделал дело — гуляй смело”, “Под лежащий камень вода не течет”, “Не откладывай на завтра, то, что можно сделать сегодня”, “Кто не работает, тот не ест”, “Лучшее слово — дело”, “Кто рано встает, тому Бог подает”, “Землю солнце красит, а человека труд”, “Терпенье и труд все перетрут”, “Маленькое дело лучше большого безделья”, “Будешь трудиться, будет и у тебя хлеб родиться”.

В то же время в русском языке немало пословиц и поговорок, которые содержат пренебрежительное отношение к трудовой деятельности, например, такие: “От работы не будешь богат, а будешь горбат”, или “Дураков работа любит”. Формальные и неформальные механизмы отбора и социализации представителей обоих силовых ведомств сводят к минимуму количество индивидов без выраженной готовности к труду. Наше исследование выявило лишь небольшое количество респондентов из числа сотрудников ОВД, которые привели суждения, выражающие пренебрежительное отношение к труду: “Работа не волк в лес не убежит”, “От работы кони дохнут”, “Всю работу не переделаешь”, “Мешай дело с бездельем — с ума не сойдешь”.

Вторая группа пословиц вобрала в себя те высказывания, которые касаются личностных качеств, отношений в ходе служебной деятельности и межличностного общения.

Офицеры ВС РФ привели 34 пословицы. Наиболее характерная: “Лучше быть, чем казаться”. Представители полиции назвали 27 пословиц. Наиболее типичная: “Если нам нелегко, то мы развиваемся”.

Максимы человеческих качеств, которых стараются придерживаться представители Вооруженных сил, весьма разнообразны. Самая модальная в этой группе пословица “Относись к людям так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе”. Другие пословицы из этой группы: “Лучше быть, чем казаться”, “Мал — да удал”, “Меньше говори, больше слушай”, “Храбрым помогает судьба”, “Храбрость города берет”, “Волков бояться — в лес не ходить”, “В здоровом теле здоровый дух”, “Силен не тот, кто не упал, а тот, кто смог подняться”, “Иногда нужно сделать шаг назад, чтобы потом пойти вперед”, “Кто не рискует, тот не пьет шампанского”, “Жизнь прожить не поле перейти”, “Всегда будь готов к трудностям”. Их анализ позволяет выявить наиболее ценные для военнослужащих качества, такие как справед-

ливость, функциональность, подлинности человеческих характеристик, храбрость, взаимосвязь физического здоровья и морального духа, спокойствия, воли к победе, при способности, когда нужно отступить, готовности к риску и тяготам воинской службы.

Вторая группа пословиц и поговорок, которые написали сотрудники ОВД, так же вбирает в себя высказывания о личностных качествах сотрудников полиции, а также отношениях в ходе служебного и межличностного общения. Любопытно, что примерно две трети пословиц этой группы выполняют утешающую функцию, культивируют терпение, дисциплинированность, обязательность. Вот некоторые примеры: “Если нам нелегко, то мы развиваемся”, “Долг платежом красен”, “Дорогу осилит идущий”, “Ищущий да обрящет”, “Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается”, “Успех приходит к тому, кто верен сам себе”, “Дальняя дорога начинается с первого шага”.

В высказываниях из этой группы, есть выражения, в которых отражается отношение сотрудников полиции к таким важным терминальным ценностям, как честь, справедливость, достоинство, целеустремленность, отношение к месту, где родился: “Не рой другому яму, сам в нее попадешь”, “Береги честь смолоду”, “Без добрых дел нет доброго имени”, “Как аукнется, так и откликнется”, “В чужом глазу соринку видишь, в своем бревно не замечаешь”, “Встречают по одежке, провожают по уму”, “Львы не отвечают собакам”, “Кто ищет, тот всегда найдет”, “Где родился, там и пригодился”, “Жизнь прожить — не поле перейти”. Эта группа пословиц наилучшим образом иллюстрирует способ мышления полицейских как профессионального сообщества. Большую часть в этой группе составляют многообразно представленные пословицы о дружбе: “Друг познается в беде”, “Новых друзей наживай, а старых не теряй”, “Старый друг лучше новых двух”, “Дерево живет корнями, а человек — друзьями”, “Без друга в жизни туго”.

Следующая группа пословиц в смысловом отношении разная для изучаемых профессиональных групп. Представители Вооруженных Сил РФ перечислили пословицы, связанные с реакциями на внешнюю среду, в том числе связанные с восприятием будущего, и в целом социальной повседневности как таковой. Всего 29 пословиц. Наиболее характерной оказалась пословица: “Готовь сани летом, а телегу зимой”.

В 60-е гг. XIX в. исследователи обратили внимание на то, что пословицы и поговорки отражают определенную эпоху, в нашем случае — профессию в эпоху. Ф.И. Буслаев в одной из своих работ писал, что пословицы вторгаются в сферу деловых отношений, вы-

ражают социальные порядки, которым приходится подчиняться¹⁶. Так произошло и в нашем случае. Кроме этого стоит отметить компенсаторную функцию пословиц и поговорок, которые для представителей военной организации выступают средством примирения с действительностью. Как известно военная служба, сопряжена с повышенными психологическими и физическими нагрузками: жизнью в отдаленных гарнизонах, ненормированным рабочим днем, частыми командировками, участием в боевых действиях в ходе локальных вооруженных конфликтах и др.

Пословицы этой группы проясняют, как и с какой скоростью следует действовать, находясь внутри военной организации, показывают актуальность предусмотрительности, осторожности, исполнительности, ответственности. В этой группе есть пословицы, отражающие отношение к инициативе и ее последствиям. Проиллюстрируем сказанное ответами респондентов: “Один день — год кормит”, “Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня”, “Знал бы, где упасть, соломой бы подстелил”, “Глупые учатся на своих ошибках, умные — на чужих”, “Думай, что делаешь, делай, что думаешь”, “Лучше прийти на час раньше, чем опоздать на одну минуту”, “Любишь кататься, люби и саночки возить”, “Не всякий мужик, кто яйца носит, а тот, кто ответственность на себя берет”, “Повинную голову меч не сечет”, “Не надо изобретать велосипед, если его уже изобрели”.

Часто упоминаются такие выражения “Что посеешь, то и пожнешь” и “Делай, что должен, и будь, что будет”. Первая, по-видимому, отдает дань коллективному началу военной организации и значительной личностной взаимосвязи военнослужащих. Как сам поступишь, как поведешь себя, таковы будут и последствия твоих поступков, поскольку, как правило, все военнослужащие на виду и находятся в постоянных, длительных социальных отношениях. Это же относится и к собственным неудачам, которые стали следствием ненормативного поведения субъекта действий.

Вторая пословица отражает свойственную в некоторой степени военнослужащим предопределенность. Значительная часть их поступков, иницируется приказами, то есть имеет жесткую внешнюю детерминацию, — приказ командира — закон для подчиненного.

Адаптивность к такому положению дел достигается через допущение, что старшие командиры с одной стороны лучше знают, как нужно поступать, а с другой имеют власть подчинять себе других во-

¹⁶ Буслаев Ф.И. Русский быт и пословицы. Исторические очерки. Том 1. Т. 1. СПб., 2014.

еннослужащих. Все это постепенно стало принципом, сводящимся к тому, чтобы не отходить от своего долга и обязанностей ни при каких условиях. Такое основополагающее руководящее положение оборачивается так же стремлением не брать на себя слишком много, и принятием того что на многое ты не можешь повлиять. Это позволяет избавиться от излишней рефлексии по поводу того, что случилось, не искать причины в самих себе, и не воспринимать многое слишком остро. В конечном итоге такое отношение нашло выражение в неоднократном высказывании, “Что нас не убивает, то делает нас сильнее”.

В ходе повседневных взаимодействий командир может использовать в отношении подчиненных резкие выражения, причем по внешне незначительному поводу, ответить аналогичным образом им не представляется возможным. В итоге данная ситуация канализируется не через гиперответственность, а посредством убежденности, что это обстоятельство тебя закаляет, делает крепче. Также в этом военнослужащие видят определенный потенциал для самосовершенствования.

В некоторых ответах респондентов замечается связь между рутинной повседневностью военной службы и качеством управления. Например, через такое выражение: “Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”. В специфике управления также можно увидеть дополнительный объем тягот и лишений военной службы.

Высказывания третьей группы, которыми в повседневной жизни руководствуются сотрудники органов внутренних дел. Эта группа пословиц и поговорок связана с подходами к принятию решений и, в частности корреспондируется со многими проявлениями управленческой культуры ОВД. Например, с тенденцией откладывания исполнения решений на потом. “Откладывание решений снижает оперативность управления, иногда это оборачивается авралами, искажением информации подтасовкой отчетов, показателей, фактов”¹⁷.

Показательно, что в этой группе преобладают пословицы об осторожности. Самой распространенной из них оказалась пословица “Семь раз отмерь, один раз отрежь”. Другие пословицы из этой группы: “Поспешешь людей насмешишь”, “Не зная броду, не суйся в воду”, “Не будь первым, но и не будь последним”, “Тише едешь дальше будешь”, “Осторожность — мать мудрости”, “Молчание золото”, “От добра, добра не ищут”, “Не говори гоп, пока не перепрыгнешь”,

¹⁷ Передня Д.Г. Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М., 2017. С. 96.

“Опасенье — половина спасенья”, “Будь внимателен до ссоры, чем уступчивым после”.

Помимо тенденции к осторожности у сотрудников полиции просматривается фатальная неизбежность бремени ответственности в связи с выбором той или иной альтернативы. Она, в частности, выражается в высказываниях “Взялся за гуж — не говори, что не дюж”, “Назвался груздем — полезай в кузов”, “За всё братья — ничего не сделать”, “Если боишься — не делай, если делаешь — не бойся”, “Осилит дорогу идущий”, “Решений мешок, а дел на вершок”.

Начиная с 2012 г. в ОВД существенно усилилась ответственность руководителей за действия и поведение подчиненных. “От момента подбора кандидата, его обучения, прохождения службы и до ее окончания должен быть строжайший контроль со стороны руководителей за действиями своих сотрудников”, — отметил В.А. Колокольцев. Кроме того, по его словам, должен работать на практике принцип персональной ответственности начальников за действия подчиненных. При этом спрос будет не только с непосредственных руководителей, но и вышестоящих¹⁸. При этом понятно, что руководитель не в состоянии обеспечить, а тем более гарантировать безошибочность и законность всех действий подчиненных. В таких условиях на первый план выходит, с одной стороны повышенная осторожность и желание перестраховаться, с другой определенный фатализм, своего рода обреченность, покорность внешним условиям и обстоятельствам.

Подчиненные вынуждены приспособиться к такой практике внутриведомственных отношений и терпеть такое положение дел. Они понимают, что для спасения карьеры начальника очень часто принять жертвовать службой, а значит и судьбой подчиненного. При этом реальная вина последнего, а тем более его прежние заслуги становятся вторичными.

С этими обстоятельствами связаны сочувствие и симпатии к уволенным из органов охраны правопорядка по “отрицательным мотивам”. Причины понятны, большая часть из них это те, кто в той или иной степени наказан несправедливо, в том числе и во имя спасения карьеры вышестоящего руководителя, или злонамеренно дискредитирован какими-либо заинтересованными субъектами. Те, кто продолжает службу, воспринимают полосу несчастий и неурядиц, своих бывших коллег как реальную перспективу для себя и стараются своими действиями опекать, помогать “потерпевшим”, как минимум проявляют к ним сочувствие, которое всеми ценится

¹⁸ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1946169> (дата обращения: 30.04.2020).

в агрессивной и в определенном смысле враждебной окружающей среде.

Частотой упоминания среди сотрудников ОВД выделяется поговорка “Мал золотник да дорог”. Вероятно, через такое высказывание отдается должное тому, что внешне не очень заметно, но имеет множество неброских достоинств, умений и качеств. Каждый, проходя службу в полиции, понимает ценность и редкость профессионализма его дефицит и трудную восполнимость.

Кроме повышенной ответственности руководителей, деятельность сотрудников полиции сопряжена с множеством опасностей, неудач, рисков, возможных несчастий. Полицейский, привлеченный к уголовной ответственности, чаще других станет резонансным событием для средств массовой информации, к тому же он, не может надеяться на какое-либо снисхождение, или сочувствие, а тем более поддержку со стороны любых групп общественности. Правоохранительные структуры, прокуратура, суды, будут, скорее всего, тоже проявлять в разной степени враждебность, сомневаться в правомерности действий полицейского. Основания для этого находятся относительно легко. Это при том, что уважение к закону, и законопослушание, несмотря на встречающиеся разнообразные отклонения, у сотрудников правопорядка намного больше чем у военнослужащих. Все это в конечном итоге делает актуальным для сотрудников ОВД чувство фатализма, и повышенную осторожность.

Осторожность как качество к тому же востребовано профессиональной целесообразностью. Любой опытный полицейский, находясь не при исполнении служебных обязанностей, без форменного обмундирования и штатного оружия, не бросится, например, на вооруженных налетчиков, грабящих инкассаторскую машину, что с большей вероятностью сделает военнослужащий. Вместо этого сотрудник ОВД постарается запомнить характерные признаки преступников, марку, модель и цвет их автомобиля, запомнить, как можно больше личных особенностей нападавших. “Свидетельская база” полная и вовремя сообщенная органам дознания и следствия в профессиональном смысле намного ценнее непосредственного пресечения преступления. К тому же полицейские научены вести себя максимально осторожно в любых публичных скандалах. Они точно знают, что оценку их слов и действий будут давать в прокуратуре, суде по показаниям участников конфликта, часть из которых, скорее всего, может прибегнуть к оговорам.

Стоит отметить, что обреченность на основе пассивного принятия якобы неизбежного, это общее свойство российского социокультурного контекста. Достаточно вспомнить показательное в этой

связи исследование Г.А. Парахонской. В ее изучении первичных социализационных факторов, выраженных в поэтических произведениях, рекомендованных для детских дошкольных учреждений, наш тезис иллюстрируется таким примером: «Проанализируем стихотворение “Бычок”. Идет бычок, качается, // Вздыхает на ходу: // — Ох, доска кончается, // Сейчас я упаду!». Бычок изображен одиноким, неспособным и не стремящимся контролировать ситуацию¹⁹.

Говоря в целом, обе категории респондентов, будучи представителями российского общества, оказались на службе, и организационная культура их ведомств просто усилила эту общую тенденцию свойственную многим представителям доминирующей культуры.

Офицеры российской армии назвали пословицы, которых не было у сотрудников ОВД и которые можно сгруппировать в отдельную четвертую группу. В нее вошли пословицы о корпоративности, товариществе, профессиональной солидарности, чести и патриотизме.

Приведем некоторые высказывания из этой группы: “Офицер это звучит гордо”, “Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей”, “Одна голова хорошо, а две лучше”, “Делай как я, а не как я сказал”, “Не умеешь — научим, не хочешь — заставим”, “Каждая лягушка — свое болото хвалит”, “Каждому сверчку по шестку”, “Свой своему поневоле брат”, “Пусть они останутся ониими, а мы мыми”, “Сытый голодному не товарищ”, “Лучше быть последним среди львов, чем первым среди мышей”, “Старый воин — мудрый воин”, “Долг родине, любовь женщине, честь никому”, “Себе — честь, Родине — слава”.

Встречались в этой группе поговорки отражающие принадлежность не столько к Вооруженным силам, сколько конкретному виду или роду войск. Наиболее заметную корпоративность проявили представители авиации и воздушно- десантных войск. Вот примеры приведенных респондентами высказываний: “Ведь не даром называют цветом нации тех, кто был, кто есть, кто будет в авиации”, “С любых высот в любое пекло”, “Никто кроме нас”.

Социальное дистанцирование от других профессиональных групп и корпоративность в армейской среде традиционно присутствуют еще с царских времен. Об этом в своих произведениях подробно писал русский писатель А.И. Куприн, который специализировался на военной прозе. Показательные в социологическом смысле и заслуживают внимания его книги “Поединок”, “На переломе (Кадеты)”, “В казарме”, “Юнкера”. Несмотря на то что речь идет о художественных произведениях, нужно иметь в виду, что сочинения

¹⁹ Парахонская Г.А. Контент-анализ документов. Тверь, 2004. С. 55.

писателей того периода отличались высокой степенью реальности описанных социальных событий и глубокой проработкой всех персонажей.

Возвращаясь к анализу эмпирического материала нашего исследования, стоит отметить, что среди приведенных офицерами ВС высказываний были не только фольклорные выражения, но и цитаты, изречения, мысли выдающихся людей прошлого. На наш взгляд это свидетельствует о более широком кругозоре и разносторонней образованности офицеров современной России их исторической включенности в профессию по сравнению с российскими полицейскими. Приведем для иллюстрации некоторые из ответов участников исследования: “Пришел, увидел, победил” (Гай Юлий Цезарь), “Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь”, “Ни былой, ни грядущей минуте не верь, верь минуте текущей — будь счастлив теперь” (О. Хаям), “Две вещи вызывают во мне душевный трепет — вид звездного неба над головой и чувство долга во мне” (И. Кант), “Войско баранов, ведомое львом, победит львов, ведомых бараном” (Наполеон Бонапарт), “Мзды не беру, за державу обидно” (Высказывание таможенника Верещагина из фильма “Белое солнце пустыни”), “Родину не предаю, на том стоял, и стоять буду” (Александр Невский), “Война — путь обмана” (Сунь-цзы). Последнее высказывание, по-видимому, отражает ценность военной хитрости как преимущества в боевых условиях. Любопытным представляется два момента. Во-первых, высказывание, например, Наполеона рассматривается современными военнослужащими не как высказывание врага, а как ценная мысль офицера, пусть и другой страны. Это еще одна сторона корпоративной культуры офицерства, о которой говорилось выше. Во-вторых, участники исследования часто демонстрировали не только знание цитаты, но и указывали в своих ответах того, кому она принадлежит. Это является индикатором относительно высокого уровня их образованности.

В свою очередь представители ОВД вместо корпоративной солидарности имеют ценности предприимчивости, инициативности, индивидуальности и осмотристельности. Они нашли выражение в таких высказываниях как: “Ласковый теленок двух маток сосет”, “Куй железо, пока горячо”, “Копейка рубль бережет”, “С волками жить по волчьему выть”, “Лес рубят щепки летят”, “Семеро одного не ждут”, “Дорога ложка к обеду”, “Не пили сук, на котором сидишь”, “На бога надейся, а сам не плошай”.

Респонденты обеих подгрупп в момент сбора эмпирических данных находились в равных условиях, — были слушателями ведомственных вузов. Все участники исследования практически в рав-

ной степени обнаружили установки связанные с необходимостью самообразования и ценностью знаний как таковых. Что напрямую подтверждается некоторыми пословицами, и высказываниями, такими как: “Учение — свет, а неучение — тьма”, “Учиться, учиться и еще раз учиться”, “Учиться никогда не поздно”. Также присутствует понимание того что знания необходимо обновлять и пополнять, и то что было определено и ясно вчера, требует дополнительного осмысления сегодня. На этот счет можно привести такое выражение, “Жизнь сегодняшнюю завтрашней меркой не мерь”.

Заключение

Конечно, было бы не совсем корректно судить об отношении к социальной действительности и ценностно-нормативному поведению представителей исследуемых профессиональных групп, основываясь лишь на косвенном анализе их нравственного сознания и мировоззрения, через интериоризированные пословицы, цитаты, поговорки. Тем не менее, проведенное исследование позволило определить социальные “границы” пословичной картины мира как офицеров российской армии, так и сотрудников полиции, а затем, внутри установленных границ, сгруппировать и описать наиболее значимые фрагменты диспозиционной картины мира, связанной с профессиональной деятельностью в правоохранительной сфере и сфере обороны государства.

Полученные результаты основаны на анализе пусть не большого, но весьма показательного фольклорного материала. В ходе нашего исследования, мы путем вербализации суждений фольклорного типа, косвенным образом, определили отношение представителей профессий, связанных с деятельностью в области национальной безопасности к социальной действительности, и на основе сравнительного анализа обнаружили общее и отличное. Сформулированные в результате анализа пословичного материала обобщения, содержат большой практический потенциал. Прежде всего потому, что первичной функцией интериоризированных ценностных ориентаций, является не просто бездеятельностная рефлексия, а побуждение к действию.

В определенной мере нам удалось представить с одной стороны социальную и профессиональную близость офицеров Вооруженных Сил РФ и сотрудников органов внутренних дел, с другой непохожесть, несовпадения и различия их отношений к социально значимым ценностям.

Результаты исследования подтверждают, что представители обеих профессиональных групп имеют выраженную просоциаль-

ную направленность. Это стало видно, в частности, через отношение к труду, положительным человеческим качествам, реакциям на вызовы и угрозы. Исследование помогло лучше понять, через какие ценностные и смысловые конструкции военнослужащие и сотрудники ОВД символизируют свое отношение к как службе, так и к жизни в целом.

Стали лучше понятны механизмы примирения офицеров и сотрудников ОВД с конкретными условиями службы и жизнедеятельности. Было получено представление о степени их групповой солидарности, сплоченности, выраженности профессионально обусловленных норм и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83–93.

Буслаев Ф.И. Русский быт и пословицы. Исторические очерки. Т. 1. СПб., 2014.

Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. В.Ф. Бондаренко. Отв. ред. В.В. Попов, ред. М.В. Барановский, В.А. Масликов, С.В. Назаренко. М., 2018.

Галимеева М.В., Баиньсунбуэр И. Сравнительный анализ пословиц о труде в русском и китайском языках // Славянские чтения-2017. Сб. мат-в Международ. науч.-практ. конф. Башкирский государственный университет. Уфа, 2017. С. 148–151.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1957.

Комерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1946169> (дата обращения: 30.04.2020).

Мальцева Т.В., Купцов А.А. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1 (76). С. 74–79.

Мальцева Т.В., Михайлова Т.В. Теоретические основы исследования профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел // Отбор граждан в органы внутренних дел и перевод сотрудников по службе: проблемы и опыт работы. Сб. мат-в межвуз. науч.-практ. конф. ВИПК МВД России. Домодедово, 2019. С. 58–63.

Мезенцева Е.С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 2. С. 22–25.

Парахонская Г.А. Контент-анализ документов. Тверь, 2004.

Передня Д.Г. Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М., 2017.

Сердюк Н.В. Введение в педагогическую герменевтику для руководителей правоохранительных органов: Монография. М., 2006.

Сикевиц З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Сигнаевская О.Р. Мир человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. С. 11–16.

Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингво-культурологический анализ: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2011.

Чернов В.В. Проблемы и противоречия гуманитарной подготовки офицеров-руководителей в контексте национальной безопасности России // Сборник материалов круглого стола “Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации”. М., 2020. С. 540–548.

Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013.

Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. Ред.-сост. Д.Т. Цибилова. М., 2018. С. 212–219.

REFERENCES

Arestova O.N. Affektivnye iskazheniya v ponimanii poslovic [Affective distortions in the understanding of proverbs] // Voprosy psihologii. 2006. N 1. S. 83–93 (in Russian).

Buslaev F.I. Russkij byt i poslovice. Istoricheskie ocherki [Russian life and proverbs. Historical sketches]. T. 1. SPb., 2014 (in Russian).

Chernov V.V. Problemy i protivorechiya gumanitarnoj podgotovki oficerov-ruководителей v kontekste nacional'noj bezopasnosti Rossii [The Problems and the contradictions of the senior officers' humanitarian training in the context of Russia's national security] // Sbornik materialov kruglogo stola “Sovremennij miroporyadok i ego vliyanie na nacional'nuyu bezopasnost' Rossijskoj Federacii”. М., 2020. S. 540–548 (in Russian).

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Current Dictionary of the Living Great Russian Language]. М., 1957 (in Russian).

Galimeeva M. V., Bain'sunbuer I. Sravnitel'nyj analiz poslovic o trude v russkom i kitajskom yazykah [Comparative analysis of proverbs about labor in the Russian and Chinese languages] // Slavyanskije chteniya-2017. Sb. mat-v Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. Ufa, 2017. S. 148–151 (in Russian).

Komersant” [Kommersant]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1946169> (data obrashcheniya: 30.04.2020) (in Russian).

Mal'ceva T.V., Kupcov A.A. Vzaimosvyaz' mekhanizmov psihologicheskogo zashchity i sindroma emocional'nogo vygoraniya u sotrudnikov policii [Relationship between psychological defense mechanisms and burnout syndrome in police officers] // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2019. T. 24. N 1 (76). S. 74–79 (in Russian).

Mal'ceva T.V., Mihajlova T.V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya professional'noj deformacii lichnosti sotrudnikov organov vnutrennih del [Theoretical foundations of the study of professional deformation of the personality of employees of internal affairs bodies] // Otbor grazhdan v organy vnutrennih del i perevod sotrudnikov po sluzhbe: problemy i opyt raboty. Sb. mat-v mezhvuz. nauch.-prakt. konf. VIPK MVD Rossii. Domodedovo, 2019. S. 58–63 (in Russian).

Mezenceva E.S. Poslovichnyj fond yazyka kak fragment yazykovogo soznaniya etnosa [Proverbial fund of language as a fragment of the linguistic consciousness of an ethnos] // Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. 2005. N 2. S. 22–25 (in Russian).

Montreynaud F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P., 2010.

Parahonskaya G.A. Kontent-analiz dokumentov [Content analysis of documents: Student book]. Tver', 2004 (in Russian).

Perednya D.G. Upravlencheskaya kul'tura v sisteme organov vnutrennih del [Management culture in the system of internal affairs bodies]. M., 2017 (in Russian).

Serdyuk N.V. Vvedenie v pedagogicheskuyu germenevtiku dlya rukovoditelej pravoohranitel'nyh organov: Monografiya [Introduction to Pedagogical Hermeneutics for Heads of Law Enforcement: Monograph]. M., 2006 (in Russian).

Signaevskaya O.R. Mir cheloveka: smysly i cennosti epohi postmoderna [The human world: meanings and values of the postmodern era] // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. N 4 (258). Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya. Vyp. 23. S. 11–16 (in Russian).

Sikevich Z.V. Sociologiya i psihologiya nacional'nyh otnoshenij [Sociology and psychology of national relations]. SPb., 1999 (in Russian).

Sinyachkin V.P. Obshchechelovecheskie cennosti v russkoj kul'ture: lingvokul'turologicheskij analiz [Universal values in Russian culture: linguoculturological analysis]: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. M., 2011 (in Russian).

Voennaya sociologiya: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya: kollektivnaya monografiya [Military Sociology: History, Theory and Practice of Research: Collective Monograph] / Pod obshch. red. V.F. Bondarenko. Otv. red. V.V. Popov, red. M.V. Baranovskij, V.A. Maslikov, S.V. Nazarenko. M., 2018 (in Russian).

Yadov V.A. Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya [Self-regulation and prediction of social behavior of a person: a dispositional concept]. M., 2013 (in Russian).

Yakovleva M.N. Dinamika cennostnyh orientacij sovremennoj molodezhi [Dynamics of value orientations of modern youth] // Smysly zhizni rossijskoj intelligencii / Pod obshch. red. Zh.T. Toshchenko. Red.-sost. D.T. Cibikova. M., 2018. S. 212–219 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-277-292

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖЬЮ В КИТАЕ

Ло Мэньюй, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Наиболее важным аспектом изучения подростковой социализации является анализ системы факторов, определяющих этот процесс. Основные компоненты структуры факторов социализации определяются как:

- социальная общность (китайская нация, состоящая из 56 этнических групп, большие социально-демографические и статусные группы, малые группы);*
- социальные институты (государство, образование, семья, информационные процессы, СМИ и учреждения, в которых эти институты организуют свою деятельность);*
- культура и ее отдельные элементы (национальная культура, народная культура, молодежная субкультура); субъекты управления, отнесение которых к отдельным компонентам факторной системы обусловлено задачей данного исследования.*

Конечным результатом станет удовлетворение индивидуальных потребностей молодежи в доступе к образованию, а также объективной социальной потребности в повышении качества образования, передаче культурных знаний, сохранении и развитии интеллектуального потенциала страны.

Ключевые слова: *Китай, молодежь Китая, системы социального управления, социальное управление молодежью.*

MODERN SYSTEMS OF SOCIAL MANAGEMENT FOR ADOLESCENTS

Luo Mengyu, Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bilding 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

The most important aspect of studying adolescent socialization is the analysis of the system of factors that determine this process. The main components of the structure of factors of socialization are defined as:

* **Ло Мэньюй**, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

- *social community (the Chinese nation, consisting of 56 ethnic groups, large socio-demographic and status groups, small groups);*
- *social institutions (state, education, family, information processes, media and institutions in which these institutions organize their activities);*
- *culture and its individual elements (national culture, folk culture, youth sub-culture); subjects of management, the assignment of which to the individual components of the factor system is due to the task of this study.*

The end result will be meeting the individual needs of young people in access to education, as well as the objective social need to improve the quality of education, transfer cultural knowledge, preserve and develop the intellectual potential of the country.

Key words: *China, Chinese youth, social management systems, youth social management.*

Введение

Актуальность темы исследования. Социальное управление молодежью является отправной точкой для того, чтобы “молодежь” стала “взрослой” и развивалась в обществе, и это самая основная часть социализации людей. С начала нового века стремительное развитие современной науки и техники ускорило культурные конфликты между культурами этнических групп мира.

На пути социалистической культуры с китайской спецификой совершенствование культурной сущности членов общества всегда было фундаментальной задачей общественного развития. Молодежь является важной частью членов общества, и совершенствование ее правильной культурной сущности в соответствии с потребностями общественного развития является основополагающей задачей социального управления молодежью. Однако существующие или потенциальные проблемы социального управления молодежью заслуживают нашего рассмотрения, а создание надежной современной системы социального управления молодежью объективно стало резонансной частью современного китайского общества в процессе проявления культурной сущности и культурной мощи китайской нации. Это систематический проект, включающий в себя множество аспектов, среди которых образование — путь, обучение преемников социалистической культуры с китайской спецификой — цель, а научность — критерий.

Объектом исследования являются подростки в возрасте 13–15 лет.

Предмет исследования – сосредоточение внимания на текущей ситуации и проблемах систем социального управления для подростков. Дается культурологический анализ моделей и путей развития современных систем социального управления для подростков.

Цель исследования — предложить видение устойчивого, скоординированного и здорового развития бизнеса по социальному управлению нынешней выручкой подростков и исследовать будущую модель современного социального управления для подростков. Для достижения этой цели поставлены следующие *задачи*:

1. Изучение текущей ситуации и проблем системы социального управления для молодежи.
2. Анализ современной системы социального управления для молодежи с точки зрения культуры.
3. Анализ модели развития современной системы социального управления молодежью.

I. Современная ситуация и проблемы системы социального управления молодежью

Общество — это культурное сообщество, сформированное людьми для удовлетворения собственных потребностей в выживании и развитии, а члены общества обладают двойной идентичностью культурных субъектов и объектов. Что касается социального управления молодежью, то основной задачей всегда является поддержание ее статуса как социального и культурного объекта, регулирование и координация ее отношений с социальными и культурными субъектами, обеспечение культурной платформы для ее роста.

1. Достижения Китая в построении современной системы социального управления молодежью

Предыстория социального управления сформировалась в результате сознательного построения современной системы социального управления молодежью. На этапе консолидации традиционной системы социального управления 13 октября 1949 г. Центральный комитет Коммунистической лиги молодежи опубликовал резолюцию о создании Китайского детско-юношеского корпуса, а 27 июня 1953 г. Второй съезд Лиги молодежи переименовал “Молодежь и дети Китая” в “Юные пионеры Китая”. 27 октября 1978 г. Первый пленум Коммунистической лиги молодежи принял резолюцию о восстановлении названия Китайского молодежного пионерского корпуса¹. Возникла система социального управления молодежью, основой которой были Коммунистическая лига молодежи и специальные школы; на этапе становления современной системы социального управления в июле 1991 г. родился Китайский молодежный исследовательский центр, а в 1992 г. была опубликована первая “Го-

¹ Юные пионеры Китая. URL: <https://translated.turbopages.org/>

лубая книга о молодежи”. Социальное управление молодежью стало входить в сферу академических исследований.

На этапе закладки фундамента современной системы социального управления брендами стали “Синяя книга исследований молодежи” (ежегодный отчет), “Синяя книга исследований молодежи” (ежегодный отчет), “Зеленая книга” (прогнозный отчет о развитии молодежи), “Красная книга” (исследовательский отчет на тему профилактики преступности среди несовершеннолетних), Библиотека исследований молодежи, “Всеобщий опрос молодежи”, журналы “Исследования китайской молодежи”, “Исследования детей и молодежи”, «Счастливая ферма “Река Синсин”», а также “Программа успеха” качественного образования китайской молодежи и др. «Счастливая ферма “Звездная река”» и “План успеха” для качественного образования китайской молодежи стали брендами один за другим, а Сетевой центр системы социального опроса молодежи создал сайты провинциальных опросов в 20 провинциях (городах) Китая, региональные В 2000 г. был опубликован Отчет о новых открытиях в области современных китайских детей и подростков², и социальное управление подростками стало входить в сферу управления социальных наук.

На этапе сознательного построения современной системы социального управления, в 2004 г. 16-я сессия партии. Начиная с четвертого пленума ЦК КПК, “в соответствии с требованием улучшить модель социального управления партийного руководства, ответственности правительства, социальной координации и участия общественности, а также усилить строительство законов, институтов и потенциала социального управления”³. “Направление социального управления установлено, и оно знаменует собой переход от модели управления, в которой государство полностью контролирует ситуацию и делает все само, к модели социального управления, в которой государство ведет, общество сотрудничает, а граждане участвуют”.

В докладе 17-го съезда партии рассматриваются 10 аспектов систем социального управления: системы общественного обслуживания, системы социального обеспечения, строительство и управление социальной организацией, низовые системы социального управления, механизмы защиты прав и интересов масс, гармоничные трудовые отношения, обслуживание и управление плавающим

² China Youth & Children Research Center. URL: <https://baike.baidu.com/>

³ Набросок двенадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. URL: <http://xkb.zuel.edu.cn/>

населением, управление и надзор за безопасностью производства, механизмы управления в чрезвычайных ситуациях, системы предупреждения и контроля социальной безопасности⁴. В этом контексте молодежь дело молодежного социального управления также имеет направление развития, которое соответствует современным национальным условиям Китая, предусматривающим многосубъектные консультации, сотрудничество и совместное управление. Социальное законодательство и социальная политика для молодежи Социальное управление, механизмы социальной интеграции, системы социального обеспечения, механизмы защиты прав и интересов, общественные организации, основные ячейки и ячейки городских и сельских низовых сообществ, системы социального обслуживания, социальная работа, управление чрезвычайными ситуациями постепенно становятся важной сферой современного социального управления для молодежи.

Всесторонне продвигать качественное образование, следовать законам образования и физического и умственного развития учащихся, настаивать на нравственном воспитании как на первоочередной задаче и способности, способствовать всестороннему развитию моральных, интеллектуальных, физических и эстетических качеств учащихся. Активно развивать дошкольное образование, укреплять и повышать качество и уровень обязательного образования, ускорять популяризацию старшего среднего образования, энергично развивать профессиональное образование, всесторонне повышать качество высшего образования, ускорять развитие непрерывного образования, поддерживать развитие этнического образования и специального образования, строить обучающееся общество, в котором все люди учатся и учатся всю жизнь⁵.

2. Проблемы построения современной системы социального управления в Китае

2.1. Социальная система отстает в плане законодательства и политических решений. С одной стороны, существующая в Китае система принятия законодательных и политических решений в области социального управления молодежью не отражает наилучшего синергетического эффекта. С другой стороны, в существующей системе принятия законодательных и политических решений в об-

⁴ Ху Цзиньтао. Высоко держа великое знамя главной развилки общества с китайской спецификой и стремясь к новой победе в построении умеренно процветающего общества. Доклад 17-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая [R]. Пекин, 2007.

⁵ Набросок двенадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. <http://xkb.zuel.edu.cn/>

ласти социального управления молодежью политики, исследователи и практики имеют практически раздельные пути, а процедурные требования к участию экспертов и вовлечению общественности зачастую носят формальный характер. Например, триединство общества, школы и семьи — это механизм решения проблемы интернет-зависимости и школьного буллинга среди молодежи, который прямо запрещен законодательством и социальной политикой, но обязанности общества, школы и семьи в законодательстве и социальной политике четко не определены.

2.2. Система социального обеспечения не включает в сферу своей деятельности социальное управление молодежью. Социальное управление молодежью — это социальная ответственность и культурный интерес, но оно не входит в сферу социального обеспечения. С одной стороны, законодательство и система принятия решений в области социального обеспечения не отличаются высоким уровнем культурного интереса к социальному управлению молодежью. С другой стороны, в работе правительства ощущается серьезный недостаток системы социального управления молодежью.

2.3. Система социальной работы имеет проблемы с уровнем специализации, профессионализации и социализации. Механизмы обучения, оценки, использования и гарантии стимулов для молодежных социальных работников долгое время отсутствовали в ряде базовых систем, таких как область практики, определение рабочего места, квалификация, права и обязанности, профессиональная оценка, а сельские волостные управления и организации на уровне села слабо осознают их ценность.

II. Анализ современной системы социального управления для молодежи с точки зрения культуры

Система социального управления молодежью — одна из самых древних и универсальных форм культуры, которая необходима обществу для реализации своих идеалов и общения с молодежью. Эта система использует путаницу и обмен идеями в качестве средства, передовую культуру и национальную историю в качестве подтекста, а свое уникальное художественное очарование в качестве способа удовлетворения духовных и культурных потребностей молодежи. В современную эпоху все более заметными становятся проблемы морального сознания, ответственности и утилитарного сознания в личности и чувствах молодежной группы. Как современная система социального управления молодежью может играть ведущую роль в культуре, уникальное художественное обаяние и ясная культурная цель — два важных аспекта.

1. Проблема художественного обаяния современной системы социального управления для подростков

Как группа людей, достигших 13-летнего возраста, но еще не достигших 18 лет, молодые люди являются одновременно адаптерами и творцами экологии культурной среды, и внутренняя природа их роста определяется их взаимодействием со средой. Научная интеграция культурных стимулов окружающей среды является важной точкой зрения для системы социального управления молодежью для улучшения уместности, эстетики, идеологии и практической эффективности среды деятельности молодежи, а уникальный художественный шарм, естественно, становится проблемой, которую необходимо исследовать для создания микро и макро функций управления.

С точки зрения микроконструирования современной системы социального управления для молодежи ключевым является создание образовательного сценария с современными характеристиками. Социальная и культурная среда особенно важна для молодых людей, которые в обществе развивают свою природу человека. Для молодежной группы характерны слабая субъектность, мало знаний и слабые способности, слабое самосознание, растерянность, погоня за удовольствиями и действия по интересам и т.д. Современное социальное управление молодежью должно иметь высокоразвитую субъектную функцию, отражающую требования времени, если оно хочет постоянно общаться и взаимодействовать с ней через образовательные ситуации, постепенно сокращая разрыв и двигаясь к единству. Его научный характер исходит из признания и применения законов сознания, эмоций и других психологических и поведенческих правил молодежи и выражается в содействии усвоению молодежью духа времени в окружающей среде, росте ее духовного потенциала и развитии внутреннего жизненного напряжения, при этом стандартом является максимизация культурной синергии. Современное социальное управление молодежью — это непрерывный проект создания образовательных ситуаций, и воплощение художественного обаяния каждой образовательной ситуации в общем контексте художественного обаяния является ключевым.

С точки зрения макростроения современной системы социального управления подростками, оптимизация образовательных контекстов означает формирование целостной личности подростка через общее художественное обаяние нескольких образовательных контекстов. С точки зрения культурной экологии, существует три типа контекстов, с которыми молодые люди имеют психологические отношения: общество, другие и они сами. Макроконструкция

современной системы социального управления для молодежи фокусируется на культурной связи между этими тремя типами, чтобы молодые люди усваивали “человеческий характер” в процессе социализации, “воспитывали” себя в социальной культуре, созданной людьми (включая их самих), и приобретали человеческую личность. Воплощением общей художественной привлекательности нескольких образовательных контекстов является проект построения ценностной среды, который не только связывает смыслы микрообразовательных контекстов с социальным развитием, но и соединяет макроконструирование современной системы социального управления подростками с целями социального развития. Общие ценности объективно становятся фундаментальной задачей макростроения современной системы социального управления молодежью. Она требует, чтобы работа всех секторов или систем общества связывала построение ценностной среды с воспитательной деятельностью подростков и молодежи, с желаемым эффектом, как выразился Гегель, “эстетическое имеет эмансипационный характер”. В этом царстве он освобождает человечество от всех оков сети отношений и освобождает его от всех материальных и духовных давлений⁶.

2. Вопрос о культурном назначении современной системы социального управления для молодежи

Четкая ориентация на основные ценности является душой современной системы социального управления для молодежи. Базовые ценности — это “идеологические теории, идеалы и убеждения, моральные хуайюэ, духовный этос и другие факторы, которые общество почитает и отстаивает, составляют систему социальной ценностной идентичности”. Социалистическая система основных ценностей, внутренний дух и жизненная душа социалистической системы, воплощает духовное стремление современного китайского народа к единству и борьбе⁷. Заразительный нарратив — это ключ к воплощению четкой ориентации на основные ценности в психологические потребности молодых людей в современной системе социального управления для подростков. Как в современном Китае можно перевести ориентацию на основные ценности социализма с китайской спецификой в психологические потребности детей?

⁶ Чжу Гуанцянь. История западной эстетики: следующий том [М]. Пекин, 1982.

⁷ Сюй Цинъюнь. Построение системы основных ценностей социальных сил для формирования духовной силы всей нации и духовной связи единства и гармонии [EB/OL].

Современная система социального управления подростками создает не только культурную среду, но, что более важно, культурно динамичный механизм, который стимулирует субъективность взаимодействия подростков с окружающей средой. Что касается этого механизма, исследования выявили следующие пять посреднических перспектив, которые заслуживают внимания:

2.1. Формирование правильного чувства ценности в воспитании “любви” у молодых людей. Подростки нуждаются в любви своих родителей, и то, что их любят и принимают, дает им чувство защищенности и значимости. Проявляя любовь к молодым людям, современные социальные менеджеры не только заставляют их испытывать удовлетворение от того, что их любят, но и дают им понять, за что их любят, чтобы они могли усвоить концепцию добра и зла.

2.2. Формирование правильных ценностей у молодых людей в процессе образования, которое закладывает чувство нравственности обыденности. Рутинные для молодых людей — это как стены; они придают жизни границы и широту. Только когда молодые люди знают, чего от них ждут, они будут чувствовать себя комфортно и непринужденно. Поэтому рутины являются источником безопасности, и их установление обеспечивает молодым людям чувство порядка, в котором они могут свободно расти, и чувство морали, в котором нуждается общество.

2.3. Молодые люди ориентируются на то, чтобы применять свои ценности на практике в процессе обучения. Молодые люди — это растущие личности, чьи умственные способности развиваются в результате их физиологической зрелости в сочетании с приобретенным опытом обучения, и которые должны иметь возможности обучения, соответствующие их способностям к усвоению нового опыта, чтобы развить нормальный интеллект, язык, навыки межличностного общения, эмоциональные чувства, выразительные навыки и личность в результате практического применения своих ценностей.

2.4. Укрепление правильных ценностей подростка в коррекции поведенческих отклонений. Общей формой коррекции поведенческих отклонений является поощрение, которое имеет большее значение, чем любой другой аспект процесса воспитания подростков. Отсутствие поощрения является основной причиной девиантного поведения у подростков, а чувство принадлежности и ответственности вытекает из поощрения.

2.5. Гармоничный смысл формирования правильных ценностей молодежи в уважении к ним. По мере роста социализации демократические роли постепенно усиливаются. Осознание подростками

взаимосвязи между правами и обязанностями, когда они становятся социальным субъектом и уважают свои права, необходимо для роста их компетентности и уверенности в себе.

III. Модель разработки современной системы социального управления для молодежи

Молодежь — это конек нации и неиссякаемая движущая сила ее культурного процветания. Современная система социального управления молодежью в широком смысле отвечает не только за обеспечение культурных интересов молодежи, но и за укрепление качества национального членства и увеличение резерва талантов. Укрепление качества принадлежности к нации требует, чтобы модель институционального развития устанавливала культурные ценности молодежи в соответствии с потребностями социального развития, а увеличение резерва талантов требует, чтобы модель институционального развития в большей степени способствовала повышению креативности их субъективного развития. Это очень сложная тема, двумя наиболее важными аспектами которой являются научная логика модели институционального развития и ее образовательная функция.

1. Роль научной логики в разработке современных систем социального управления подростками

На какой логике построена современная система социального управления для молодежи? Она связана с фундаментальной задачей существования и развития человеческого общества. С точки зрения задачи существования, растущее чувство равенства и справедливости в форме культурных интересов постоянно укрепляет осознание права человека на доступ к образованию в течение всей жизни и возможность образования в течение всей жизни, а гуманистическая перспектива становится основополагающим принципом в развитии современной системы социального управления для молодежи. С точки зрения задач развития, все более жесткая международная конкуренция в форме экономики знаний постоянно усиливает позиции качества членов нации и кадрового резерва в устойчивом развитии общества, а образование в течение всей жизни объективно становится основой общественного развития. Поэтому для решения проблемы научного и логического осмысления модели развития современной системы социального управления молодежью необходимо придерживаться двух основных принципов: принципа постановки человека на первое место и принципа непрерывного образования.

Принцип, ориентированный на человека, является основным принципом модели развития современной системы социального управления для думающей молодежи. Образование является самым фундаментальным делом нации, охватывающим тысячи семей, приносящим пользу будущим поколениям и имеющим отношение к будущей судьбе страны, которое традиционно рассматривается как важное средство национального развития и совершенствования, уменьшения социальных различий, и имеет большое значение в содействии развитию образования, обеспечении социального равенства и построении гармоничного общества. Принцип, ориентированный на человека, является основным принципом модели развития современной системы социального управления для думающей молодежи. Образование является самым фундаментальным делом нации, охватывающим тысячи семей, приносящим пользу будущим поколениям и имеющим отношение к будущей судьбе страны, которое традиционно рассматривается как важное средство национального развития и совершенствования, уменьшения социальных различий, и имеет большое значение в содействии развитию образования, обеспечении социального равенства и построении гармоничного общества.

Цель социального управления молодежью в Китае всегда сводилась к видению конечных потребностей нации, а защита фундаментальных коммуникативных интересов молодежных групп оставалась лишь на уровне дискурса. На самом деле, в контексте ориентации на человека, молодежь как особая социальная группа также является группой интересов, и важно защитить ее основные интересы посредством современного социального управления и построить систему политики для сбалансированного развития социального управления молодежью. На самом деле, в контексте подхода, ориентированного на человека, молодежь, как особая социальная группа, также является группой интересов, поэтому важно защитить ее основные интересы посредством современного социального управления и построить сбалансированную систему политики для социального управления молодежью. Это требует, прежде всего, соблюдения принципа общего равенства в образовательных ресурсах.

Развитие современной системы социального управления для молодежи — это возможность и право молодых людей на получение образования, а образовательные ресурсы являются необходимым условием. Сокращение различий между школами и регионами и продвижение сбалансированных образовательных ресурсов являются основой для удовлетворения потребностей подростков.

Во-вторых, с точки зрения ценностной ориентации, это требует максимизации преимуществ молодежной культуры. Принцип максимизации выгоды является базовой основой для сглаживания различий в образовании, а также неизбежным мышлением для развития современной системы социального управления подростками.

Принцип непрерывного образования — это перспективный принцип для осмысления модели развития современной системы социального управления молодежью. Мы уже много лет говорим об образовании на протяжении всей жизни, но в какой степени осведомленность действительно достигнута? Насколько она реализована? В декабре 1965 г. известный французский мыслитель в области образования и педагог для взрослых Поль Ленгран (Paul Lengrand) в своей статье “Стратегии образования на протяжении всей жизни” выдвинул пять принципов:

1. Необходимость предотвращения устаревания знаний и обеспечения непрерывности образования.
2. Необходимость адаптации образовательных программ и методов к конкретным, независимым целям их соответствующих обществ.
3. Необходимость развития живых человеческих существ на всех этапах образования, ориентированных на жизнь в условиях эволюции, изменений и преобразований.
4. Развязать руки традиционным определениям и системам, навязанным образованию, и провести широкомасштабную мобилизацию. Использовать все средства информации и методы обучения.
5. Установить тесную связь между различными мерами (техническими, политическими, промышленными, коммерческими и т.д.) и целями образования⁸.

“Реализация образования на протяжении всей жизни — это в основном политическая задача, в выполнении которой будут участвовать все сектора национальной организации”⁹. В контексте модели развития современной системы социального управления подростками и молодежью ее положение и роль связаны не только с современной социальной ориентацией и социальным бытием подростков и молодежи, но и с будущей социальной ориентацией и социальным развитием подростков и молодежи. Только включив его в контекст роли общества в целом и жизни в целом в социальном

⁸ Ленгранд П. Образование на протяжении всей жизни [ЕВ/СL].

⁹ Ленгранд П. Об обучении на протяжении всей жизни [R]. Отчет о третьей Международной конференции по развитию образования взрослых, ЮНЕСКО. 1955.

развитии и человеческом прогрессе, тесно связав будущие образовательные потребности молодежи с моделью развития современной системы социального управления молодежью, можно придать ему должную ценность. Это, конечно, смелое мышление, но это принцип, которого необходимо придерживаться при разработке современной системы социального управления молодежью. Только придерживаясь этого принципа, современный социальный менеджмент для молодежи будет иметь широкую перспективу.

2. Роль образования в развитии современной системы социального управления молодежью

“Бесчисленные объективные внешние явления отражаются в сознании человека через пять органов чувств — глаза, уши, нос, язык и тело, что начинается как перцептивное познание. Когда накапливается больше материала этого чувственного восприятия, происходит скачок, и оно становится рациональным восприятием, которое и есть мысль”¹⁰. Наш поиск модели развития современной системы социального управления молодежью заключается в том, чтобы ожидать от молодых людей формирования нужных обществу идей, реализации эффекта “Бог вложил в мою душу прекрасное чувство слушания души”¹¹, чтобы они “проснулись и почувствовали вдохновение”¹². Модель не должна игнорировать вопрос образовательной функции, художественное выражение которой является ключом к решению этой проблемы, цель которой — подчеркнуть назначение и отразить максимальную синергию.

Образование — это искусство. Американский психолог Джеймс знаменито сказал, что самым глубоким задатком человеческой природы является желание быть оцененным по достоинству. С точки зрения воспитательных целей развития современной системы социального управления молодежью ключевым является формирование у нее “желания быть оцененной” и “сердца с солнцем, каплями росы и цветами, цветущими круглый год”. Именно культурное пространство, созданное современной системой социального управления молодежью, подходит для этой цели, а художественный эффект пространства определяет воспитательный эффект образовательной цели на молодых людей извне внутрь. Как можно усилить художественный эффект? Во-первых, необходимо изменить концепцию управления в современной системе социального управления моло-

¹⁰ Мао Цзэдун. Откуда люди черпают свои правильные идеи? [М]. Пекин, 1963.

¹¹ Лань Иньянь. Как писал Гоголь [М]. Шанхай, 1952.

¹² Там же.

дежью. Разработчики, руководители и практики современных систем социального управления для молодежи должны изменить традиционную концепцию управления и сделать эффект образования критерием того, что они сами являются “художниками”. Во-вторых, необходимо увеличить художественное содержание современной системы социального управления для молодежи. Образовательное пространство для молодых людей — это континуум, включающий семью, школу и общество, и каждое из этих пространств должно иметь художественный оттенок. Для этого современная система социального управления подростками и молодежью должна сделать приоритетом повышение художественного содержания образовательного пространства для подростков и молодежи, работу над научностью и механизмами стимулирования, оценки и дисциплинирования.

IV. Заключение

В ходе диссертационного исследования стало возможным сделать следующие выводы. Вопрос социализации — один из самых важных вопросов нашего времени. Это процессы, посредством которых люди приобретают социальный опыт, на основе которого у них формируются ценности, нормы и правила поведения, необходимые для выполнения социально значимых ролей во всех сферах жизни и деятельности человека. Личность не только впитывает социальный опыт, но и преобразует его в собственные ценности, установки, ориентации, становится творцом собственного морального сознания. Формирование личности неизбежно становится предметом управленческого воздействия. Особое место в этом процессе занимает период социализации в подростковом возрасте.

Подростки — это отдельная социально-демографическая группа, которые также являются студентами. Наиболее важными маркерами формирования группы являются возрастные, статусно-ролевые атрибуты и психосоциальные характеристики подросткового возраста. К последним относятся возникновение чувства взрослости, особая сфера подростковой жизни, в которой происходит взаимодействие со сверстниками, переход на более высокий уровень учебной деятельности и начало формирования морального сознания. Подростковый возраст можно определить как этап формирования личности, на котором она чрезвычайно чувствительна к управленческим воздействиям, что позволяет говорить о ее высокой эффективности.

Наиболее важным аспектом изучения подростковой социализации является анализ системы факторов, определяющих этот про-

цесс. Основные компоненты структуры факторов социализации определяются как:

- Социальная общность (китайская нация, состоящая из 56 этнических групп, большие социально-демографические и статусные группы, малые группы).
- Социальные институты (государство, образование, семья, информационные процессы, СМИ и учреждения, в которых эти институты организуют свою деятельность).
- Культура и ее отдельные элементы (национальная культура, народная культура, молодежная субкультура); субъекты управления, отнесение которых к отдельным компонентам факторной системы обусловлено задачей данного исследования.

Конечным результатом станет удовлетворение индивидуальных потребностей молодежи в доступе к образованию, а также объективной социальной потребности в повышении качества образования, передаче культурных знаний, сохранении и развитии интеллектуального потенциала страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лангранд П.* Образование на протяжении всей жизни. [ЕВ/СL].
- Лангранд П.* Об обучении на протяжении всей жизни [R]. Отчет о третьей Международной конференции по развитию образования взрослых, ЮНЕСКО. 1955.
- Лань Инъянь.* Как писал Гоголь [M]. Шанхай, 1952.
- Мао Цзэдун.* Откуда люди черпают свои правильные идеи? [M]. Пекин, 1963.
- Набросок двенадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. URL: <http://xkb.zuel.edu.cn/>
- Сюй Цинъюнь.* Построение системы основных ценностей социальных вил для формирования духовной силы всей нации и духовной связи единства и гармонии [ЕВ/OL].
- Ху Цзиньтао.* Высоко держа великое знамя главной развилки общества с китайской спецификой и стремясь к новой победе в построении умеренно процветающего общества. Доклад 17-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая [R]. Пекин, 2007.
- Чжу Гуанцянь.* История западной эстетики: следующий том [M]. Пекин, 1982.
- Юные пионеры Китая. URL: <https://translated.turbopages.org>

REFERENCES

- China Youth & Children Research Center. <https://baike.baidu.com/>
- Chzhu Guancyan*. Istoriya zapadnoj estetiki: sleduyushchij tom [A History of Western Aesthetics: The Next Volume] [M]. Pekin, 1982 (in Russian).

Hu Czin'tao. Vysoko derzha velikoe znamya glavnoj razvilki obshchestva s ki-tajskoj specifikoj i stremyas' k novoj pobede v postroenii umerenno procvetayushchego obshchestva. Doklad 17-mu Vsekitajskomu s'ezdu Kommunisticheskoj partii Kitaya [Holding high the great banner of the main crossroads of a society with Chinese characteristics and striving for a new victory in building a moderately prosperous society. Report to the 17th National Congress of the Communist Party of China] [R]. Pekin, 2007 (in Russian).

Langrand P. Obrazovanie na protyazhenii vsej zhizni [Education throughout life]. [EB/CL] (in Russian).

Langrand P. Ob obuchenii na protyazhenii vsej zhizni [R]. Otchet o tret'ej Mezhdunarodnoj konferencii po razvitiyu obrazovaniya vzroslyh, YUNESKO, 1955 [On lifelong learning [R]. Report of the Third International Conference on the Development of Adult Education, UNESCO, 1955] (in Russian).

Lan' In'nyan'. Kak pisal Gogol' [M] [As Gogol wrote]. Shanhaj, 1952 (in Russian).

Mao Czedun. Otkuda lyudi cherpajut svoi pravil'nye idei? [Where do people get their good ideas from?] [M]. Pekin, 1963 (in Russian).

Nabrosok dvenadcatogo pyatiletnego plana nacional'nogo ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Outline of the Twelfth Five-Year Plan for the National Economic and Social Development of the People's Republic of China]. URL: <http://xkb.zuel.edu.cn/> (in Russian).

Syuj Cin''yun'. Postroenie sistemy osnovnyh cennostej social'nyh vil dlya formirovaniya duhovnoj sily vsej nacii i duhovnoj svyazi edinstva i garmonii [Building a system of core values of social pitchforks to form the spiritual strength of the entire nation and the spiritual connection of unity and harmony] [EB/OL] (in Russian).

Yunye pionery Kitaya [Young Pioneers of China]. <https://translated.turbopages.org> (in Russian).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ” В 2022 г.

	№	Стр.
Теория, методология и история социологии		
<i>Ань Энъюй.</i> Социальные последствия COVID–2019 в Китае	2	174
<i>Елишев С.О.</i> Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (<i>Продолжение</i>)	2	140
Теория и история социологии		
<i>Батуренко С.А.</i> Начало европейской феминистской социологии: Харриет Мартино.	4	00
<i>Елишев С.О.</i> Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории.	3	54
<i>Елишев С.О.</i> Эпоха Просвещения и ее идеология: начало эры социального манипулирования	4	00
<i>Осипова Н.Г.</i> Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии	3	7
<i>Холоденко Ю.А.</i> Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски	3	28
Социальная структура, социальные институты и процессы		
<i>Батуренко С.А.</i> Социальная стратификация в исследованиях У.Л. Уорнера	2	86
<i>Вершинина И.А.</i> Основные этапы урбанизации и их осмысление в современной социологической теории	2	50
<i>Водопьянов П.А., Данилов А.Н.</i> Перспективы человечества: стратегия достаточного развития	4	000
<i>Карпунина А.В.</i> Положение детей-инвалидов в неблагополучных семьях: социологический анализ.	4	000
<i>Кузнецова И.В.</i> Институционализация наставничества в предпринимательских династиях.	2	99
<i>Лядова А.В.</i> Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ	4	000
<i>Самсонова Т.Н., Леонов Е.К.</i> Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи	2	67
<i>Семина Т.В., Тыртышный А.А., Прядкин В.В.</i> Идеология здоровья сбережения: кризис социальных и правовых ценностей мирового общества в период пандемии	2	121
Современное общество: новые социальные реалии		
<i>Гавриленко О.В.</i> Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения	1	145
<i>Дорцева Е.В.</i> Интеллектуальные манифесты современных феминистских социологов	1	88

Смирнов В.А., Скрыбина О.Б., Бессонова Т.И. Некоторые дисфункции процесса социализации российской молодежи в условиях “больших” вызовов.	1	110
Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии.	1	126
Информационное и цифровое общество		
Исаева К.В. Периодизация технологического развития общества. Электронно-цифровая цивилизация.	4	000
Прончев Г.Б. Трансформация моделей социальной коммуникации в цифровую эпоху.	4	000
Политическая социология		
Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность.	1	278
Каневский П.С. В поисках оптимальной модели регулирования лоббизма в России.	4	00
Меньшикова Е.О. Особенности исследования зарубежных теорий политического лидерства в различные периоды развития отечественной политологии.	1	301
Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение (теоретико-методологические аспекты) (<i>Начало</i>).	4	00
Самсонова Т.Н., Леонов Е.К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи (Статья 2).	4	00
Экономическая социология и демография		
Барков С.А., Жигин П.А. Партиципативный менеджмент и институциональный контекст слияний и поглощений компаний.	1	205
Барков С.А., Колодезникова И.В., Мысливец Н.Л., Щербинин С.Н. Социальные практики и старение населения.	1	164
Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Стратегии карьеры самозанятых в постиндустриальном обществе.	1	193
Социология образования		
Монахов Д.Н. Влияние пандемии COVID-19 на образовательные технологии.	2	35
Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В. Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии.	2	7
Социология медицины и здоровья		
Новосёлова Е.Н. Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян.	1	238
Семина Т.В., Го Вэй. Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией COVID-19 в Китае (КНР).	1	216
Шелест М.В. Использование категории “социальная практика” для социологического изучения феномена искусственного прерывания беременности.	1	260
Социология здоровья		
Галкин К.А. Стратегии общения пожилых людей в онлайн-сообществах здоровья. Контекст самозаботы.	3	132

Новосёлова Е.Н. Здоровье детей: субъективные оценки родителей и объективные характеристики	3	114
Социология культуры		
Мамедов А.К. Настройки визуальной культуры публичности	3	150
Коркия Э.Д. Одиночество в социокультурном измерении: вариативность исследований	3	171
Социология религии		
Елишев С.О. Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (<i>Продолжение</i>)	1	31
Кильдеев М.В. Развитие социологии религии в Среднем Поволжье: 1960–1980-е гг.	1	69
Осипова Н.Г. Социология религии в системе научного знания.	1	7
Социология в Китае		
Ло Мэнъюй. Современные системы социального управления молодежью в Китае	4	000
Ма Кэжоу. “Китаизация” марксизма: предпосылки зарождения, исторический экскурс и “новый виток” развития в современном Китае	3	85
Чжао Юньхуэй. Социальные механизмы управления предприятиями в Китае: современное состояние исследований и перспективы развития ..	3	100
Эмпирические социологические исследования		
Бурбаева П.Т., Мендыбаев Б.К. Управление развитием Smart City с использованием обратной связи с горожанами: преобразование мнений в многокритериальный инструмент оценки и валидации городских политик	2	195
Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: радикалистский тип социального действия (результаты прикладных исследований)	2	214
Передня Д.Г., Чернов В.В. Пословица как индикатор ценностно-нормативного поведения офицеров Вооруженных Сил РФ и сотрудников полиции: сравнительный анализ.	4	000
Рудковская А.В. Отношение работников медицинского учреждения к своему здоровью	4	000
Шипунова Т.В. Моральная мотивация в профессиональном образовании будущих социальных работников	4	000
Научные рецензии и обзоры исследований		
Виниченко М.В. Рецензия на учебное пособие “Социология маркетинга: Учебное пособие и практикум” (под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой)	3	211
Грудина Т.Н. Религиозность и ее интерпретация: многообразие методов социологического измерения	3	186
Козин С.В. Общество в период COVID-19. Рецензия на коллективную монографию “Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие” (под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова)	3	218
Научные рецензии		
Карпова В.М. Здоровье и ценность как практика: общество, семья, личность. Рецензия на монографию Е.Н. Новосёловой	2	248

